

Без преувеличения
можно сказать,
что Пиколт
пишет великолепно.
The Financial Times

ДОМАШНИЕ ПРАВИЛА

РОМАН

ДЖОДИ ПИКОЛТ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ #1 ПО ВЕРСИИ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»

Джоди Пиколт
Домашние правила

«Азбука-Аттикус»

2010

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Пиколт Д.

Домашние правила / Д. Пиколт — «Азбука-Аттикус», 2010

ISBN 978-5-389-21760-7

Джейкобу Ханту восемнадцать лет. У него тяжелая форма аутизма. Юноша не способен нормально контактировать с окружающими и воспринимает все слишком буквально. При всем при том он одаренный математик и прекрасный аналитик, увлекающийся криминалистикой. С помощью нелегального полицейского сканера он узнает, где совершено очередное преступление, и подсказывает полицейским, в каком направлении вести расследование. И обычно оказывается прав. Но когда в городе происходит жестокое убийство, полиция приходит уже в дом Хантов. Детективы, не знакомые с симптомами аутизма, принимают странности поведения Джейкоба за угрызения совести и делают его главным подозреваемым. Для матери Джейкоба – это очередное свидетельство нетерпимости общества, а для его младшего брата – еще одно напоминание о ненормальной ситуации в семье из-за болезни Джейкоба. И тут возникает вопрос: мог ли Джейкоб совершить убийство?

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-21760-7

© Пиколт Д., 2010
© Азбука-Аттикус, 2010

Содержание

Дело 1	6
Эмма	7
Тэо	13
Джейкоб	17
Рич	26
Джейкоб	31
Дело 2	32
Эмма	33
Тэо	40
Оливер	43
Джейкоб	46
Эмма	54
Тэо	59
Джейкоб	62
Эмма	65
Дело 3	67
Рич	68
Эмма	71
Джейкоб	74
Тэо	79
Рич	82
Джейкоб	85
Эмма	87
Тэо	90
Рич	91
Эмма	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Джоди Пиколт

Домашние правила

Посвящается Нэнси Фрэнд Стюарт (1949–2008) и Дэвиду Стюарту

Jodi Picoult
HOUSE RULES

Copyright © 2010 by Jodi Picoult
Originally published by Gallery Books, a Division of Simon & Schuster, Inc.
All rights reserved

© Е. Л. Бутенко, перевод, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Дело 1

Спите крепко

На первый взгляд она была святая: в 1980-е Доротея Пуэнте сдавала комнаты старикам и инвалидам в Сакраменто, Калифорния. Но потом ее жильцы стали исчезать. В саду нашли семь захороненных тел, и судебно-медицинская экспертиза обнаружила в останках следы снотворного. Пуэнте обвинили в убийстве постояльцев с целью завладеть их пенсионными накоплениями, чтобы сделать себе пластическую операцию и приобрести дорогую одежду для поддержания имиджа неформального лидера местного сообщества. Ей предъявили обвинения в девяти убийствах и осудили за три.

В 1998-м, отбывая два пожизненных срока, Пуэнте вступила в переписку с публицистом Шейном Багби. Она присылала ему рецепты блюд, которые впоследствии были опубликованы в книге под названием «На кухне с серийной убийцей».

Назовите меня сумасшедшей, но я бы к такой еде даже не притронулась.

Эмма

Куда ни бросишь взгляд, везде видны следы борьбы. По полу в кухне рассыпаны письма, счета и газеты; табуретки перевернуты. Телефон сшиблен с подставки, вывалившийся изнутри аккумулятор болтается на проводках. На пороге гостиной виден нечеткий отпечаток чьей-то ноги, направленный в сторону мертвого тела моего сына Джейкоба.

Он распластался, как морская звезда, перед камином. Висок и руки запачканы кровью. На мгновение я замираю, не в силах вдохнуть.

Вдруг он садится и говорит:

– Мам, ты даже не пытаешься.

«Это не по-настоящему», – напоминаю я себе, а он ложится и принимает ту же позу – на спине, ноги чуть согнуты и откинута влево.

– Гм... тут была драка, – говорю я.

Губы Джейкоба едва шевелятся.

– И?..

– Тебя ударили по голове. – Я опускаюсь на колени, как он сотню раз просил меня сделать, и замечаю, что из-под дивана выглядывает угол кварцевых часов, которые обычно стоят на каминной полке. Осторожно поднимаю их и замечаю на корпусе кровь, макаю в нее мизинец и пробую на вкус:

– О, Джейкоб, не говори, что ты снова извел весь мой кукурузный сироп...

– Мама! Фокус!

Я опускаюсь на диван, держа в руках часы:

– Приходили грабители, и ты прогнал их.

Джейкоб садится и вздыхает. Его темные волосы измазаны пищевыми красителями и кукурузным сиропом, глаза сияют, хотя он и не встречается со мной взглядом.

– Ты и правда веришь, что я стал бы разыгрывать дважды одну и ту же сцену преступления? – Он разжимает кулак, и я вижу клочок шелковистых кукурузных волосков. Отец Джейкоба был блондин, по крайней мере в тот момент, когда ушел от нас пятнадцать лет назад, оставив меня с Джейкобом и Тэо, его новорожденным белобрысым братиком.

– Тебя убил Тэо?

– Ну, мама, серьезно, такую загадку решил бы и детсадовец, – говорит Джейкоб, вскакивая на ноги.

Фальшивая кровь течет по его щеке, но ему все равно. Когда мой сын сосредоточен на анализе сцены преступления, думаю, рядом с ним может взорваться атомная бомба, а он даже не поморщится. Джейкоб подходит к следу ноги у края ковра и показывает на него. Теперь, взглянув на отпечаток снова, я замечаю вафельный рисунок подошвы кроссовок для скейтборда «Ванс», на которые Тэо копил много месяцев, и последнюю часть названия бренда «...нс», выдавленного на резине.

– На кухне была борьба, – объясняет Джейкоб, – кто-то, защищаясь, швырнул телефон, меня загнали в гостиную, и там Тэо оглушил меня часами.

Это вызывает у меня легкую улыбку.

– Где ты слышал такое слово?

– В сорок третьей серии «Борцов с преступностью».

– Просто чтобы ты знал: это означает ударить кого-то по голове, не обязательно часами.

Джейкоб моргает, бесстрастно глядя на меня. Он живет в буквальном мире, это один из основных признаков его болезни. Когда-то, во время переезда в Вермонт, Джейкоб спросил меня, какой он. «Много зелени, – ответила я, – покатых холмов». Тут он разрыдался и сквозь слезы спросил: «Они укатают нас?»

– Но какой же мотив? – спрашиваю я, и как по команде Тэо с громким топотом сбегает по лестнице.

– Где урод? – кричит он.

– Тэо, не называй своего брата...

– Давай я перестану называть его уродом, когда он прекратит таскать вещи из моей комнаты, а?

Инстинктивно я встаю между ними, хотя Джейкоб на голову выше нас обоих.

– Я ничего не брал в твоей комнате.

– Правда? А как насчет моих кроссовок?

– Они стояли в прихожей.

– Тупица, – цедит сквозь зубы Тэо, и в глазах Джейкоба вспыхивает огонь.

– Я не тупица, – рычит он и бросается на брата.

Я вытягиваю руку и не пускаю его:

– Джейкоб, ты не должен брать вещи Тэо, не спросив у него разрешения. Тэо, я не хочу больше слышать от тебя таких слов, а если услышу, то возьму твои кроссовки и выброшу их вместе с мусором. Это ясно?

– Я пошел отсюда, – бурчит Тэо и топает в прихожую.

Через мгновение я слышу, как хлопает входная дверь.

Иду следом за Джейкобом на кухню. Он задом пятится в угол, бормочет:

– Что мы здесь имеем, – а потом начинает растягивать слова, – это... неуме-е-ние обща-а-ться. – Садится на корточки и обхватывает руками колени.

Когда Джейкоб не может подобрать слов для описания своего состояния, он заимствует чужие. Последняя фраза взята из «Хладнокровного Люка»; Джейкоб вообще помнит диалоги из всех фильмов, которые видел.

Я встречала многих родителей, дети которых находятся на нижнем уровне аутистического спектра и диаметрально противоположны Джейкобу с его синдромом Аспергера. Они говорили, как мне повезло, что мой сын такой разговорчивый, такой невероятно умный; он может разобрать сломавшуюся микроволновку, и через час она заработает. Они считают, нет более страшного ада, чем иметь сына, который заключен в своем собственном мире и не понимает, что за его пределами есть другой, более обширный, который тоже можно исследовать. Но как вам понравится иметь сына, который заперт в своем мире, но хочет наладить связь с другим. Сына, который пытается быть как все, но совершенно не понимает, каким образом этого добиться.

Я тянусь к нему, чтобы утешить, но останавливаюсь: легкое прикосновение может вывести его из себя. Он не любит, когда ему жмут руку, похлопывают по спине, ерошат волосы.

– Джейкоб... – начинаю я, а потом понимаю, что сын вовсе не расстроен.

Он поднимает трубку телефона, рядом с которой сидит, чтобы мне было видно грязное пятно на ее боку.

– Отпечатки пальцев ты тоже не заметила, – бодро произносит Джейкоб. – Не обижайся, но никудышный из тебя следователь. – Он отрывает от рулона бумажное полотенце, встает и мочит его в раковине. – Не беспокойся, я сейчас смою всю кровь.

– Ты так и не сказал мне, какой у Тэо мотив для убийства.

– О... – Джейкоб глядит на меня через плечо; недобрая улыбка расплзается по его лицу. – Я украл его кроссовки.

Насколько я представляю, синдром Аспергера – это ярлык, описывающий не те черты, которые у Джейкоба есть, а те, которые он утратил. Примерно в двухлетнем возрасте он стал пропускать слова, отводить глаза и вообще начал избегать любых контактов с людьми. Джейкоб не мог нас слушать или не хотел. Однажды я посмотрела на него: он лежал на полу и возился

с игрушечным самосвалом. Малыш сосредоточенно крутил колеса машинки; его лицо было совсем близко к моему, и я подумала: «Куда же ты ушел?»

Я искала объяснения поведению сына: он сидит, забившись в угол тележки для продуктов, когда мы идем за покупками, потому что в супермаркете холодно. Вшитые в швы одежды ярлычки, которые мне приходилось срезать с его вещей, неприятно трутся о кожу. В детском саду он не мог подружиться ни с одним ребенком, и я организовала праздник по случаю его дня рождения с водяными бомбочками и игрой в «прилепи хвост ослику Иа» с завязанными глазами. Примерно через полчаса после начала игр я вдруг заметила, что Джейкоба нет. Я была тогда на шестом месяце беременности и впала в истерику. Другие родители принялись обыскивать двор, улицу, дом. Нашла сына я: он сидел в подвале и занимался тем, что вставлял кассету в видеомэгафон и вытаскивал ее, вставлял и вытаскивал.

Когда ему поставили диагноз, я разрыдалась. Не забывайте, это было в 1995-м, и мое представление об аутизме строилось исключительно на фильме с Дастином Хоффманом «Человек дождя». По словам нашего первого психиатра, у Джейкоба были проблемы с общением и социальным поведением без речевых нарушений, характерных для других форм аутизма. Прошло немало лет, прежде чем мы впервые услышали слова «синдром Аспергера». Тогда они еще не попали на диагностические радары врачей. Но к тому моменту у меня уже был Тэо, и Генри – мой бывший – уехал от нас. Он программист, работал дома и не мог выносить скандалов, которые закатывал Джейкоб по малейшим поводам: яркий свет в ванной, звук подъехавшего к дому по гравийной дорожке почтового грузовика, текстура хлопьев для завтрака. Я полностью отдалась на волю специалистов по раннему вмешательству, которые приходили к нам один за другим с намерением выгнать Джейкоба из его маленького мирка. «Я хочу, чтобы мой дом стал таким, как прежде, – сказал мне Генри. – Я хочу вернуть тебя».

Но я уже успела заметить, что с помощью поведенческой и речевой терапии Джейкоб снова начал общаться с окружающими. Улучшения были налицо. С учетом этого иного выбора не оставалось.

В тот вечер, когда Генри ушел, мы с Джейкобом сидели на кухне и играли в игру. Я корчила гримасу, а он пытался угадать, какую эмоцию я изображаю. Я улыбалась сквозь слезы и ждала, что Джейкоб скажет: «Это счастье».

Генри живет со своей новой семьей в Силиконовой долине, работает на «Apple» и редко разговаривает с мальчиками, хотя каждый месяц исправно присылает чек с детскими деньгами. Он всегда был очень организованным. И с цифрами ладил. Его способность запоминать содержание статей из «Нью-Йорк таймс» и цитировать их дословно, казавшаяся столь академически сексуальной, когда начался наш роман, мало чем отличалась от того, как Джейкоб в шесть лет запоминал программу телепередач. Прошло совсем немного времени после ухода от нас Генри, и я поставила ему тот же диагноз – синдром Аспергера в легкой степени.

Много копий ломается в спорах о том, относится или нет синдром Аспергера к расстройствам аутистического спектра, но скажу вам честно: это не имеет значения. Это всего лишь термин, которым мы пользуемся, чтобы добиться для Джейкоба особых условий в школе, а не объяснение того, кто он такой. Если вы встретитесь с ним сейчас, то прежде всего подумаете, что он не менял рубашку со вчерашнего дня и забыл причесаться. Если захотите поговорить с ним, придется начать разговор первым. Он не будет смотреть вам в глаза. И если вы отвleчетесь совсем ненадолго на разговор с кем-нибудь еще, то, повернувшись снова к Джейкобу, вероятно, обнаружите, что он вышел из комнаты.

По субботам мы с Джейкобом ходим за продуктами.

Это часть его расписания, а от него мы отклоняемся редко. О любых новшествах необходимо предупреждать заранее и готовить к ним – визит это к зубному врачу, прививка или появление посреди учебного года на уроках математики нового ученика. Я не сомневаюсь, что Джейкоб полностью приведет в порядок свое фальшивое место преступления до одиннадцати

утра, потому что именно в это время женщина, раздающая бесплатные образцы продукции, ставит свой столик перед входом в кооперативный продуктовый магазин «Таунсенд». Она сразу узнаёт Джейкоба и обычно дает ему два маленьких яичных рулета, несколько кругляшек-брускетт, или что там у нее заготовлено для покупателей на этой неделе.

Тэо не возвращается, поэтому я оставляю для него записку, хотя расписание известно ему не хуже, чем мне. Когда я беру куртку и сумочку, Джейкоб уже сидит в машине на заднем сиденье. Ему там нравится – можно растянуться в свое удовольствие. Водительских прав у него нет, хотя мы регулярно препираемся по этому поводу, так как ему восемнадцать и водить машину он мог бы уже два года. Джейкоб прекрасно знает, как работают светофоры и, вероятно, мог бы разобрать один из них на части и снова собрать, однако я не вполне уверена, что в ситуации, когда на дороге появятся несколько машин, которым нужно проехать в разных направлениях, он сообразит, что ему делать на каждом конкретном перекрестке – останавливаться или проезжать.

– Что тебе осталось сделать из домашней работы? – спрашиваю я, когда мы трогаемся с места.

– Тупой английский.

– Английский не тупой.

– Ну, учитель английского. – Джейкоб кривится. – Мистер Франклин задал нам написать сочинение на любимую тему, и я хотел выбрать обед, но он не разрешил.

– Почему?

– Говорит, обед – это не тема.

Я смотрю на сына:

– Не тема.

– Ну, – отзывается Джейкоб, – это и не тема. Разве он не знает?

Я подавляю улыбку. Буквальное понимание слов Джейкобом в зависимости от ситуации может вызвать либо смех, либо раздражение. Смотрю в зеркало заднего вида, он прижимает большой палец к стеклу.

– Слишком холодно, отпечатков не останется, – небрежно бросаю я; этому меня научил сам Джейкоб.

– А ты знаешь почему?

– А? – Я смотрю на него. – Отпечаток портится при температуре ниже нуля?

– От холода поры кожи сжимаются, – говорит Джейкоб, – и выделения из них сокращаются, а значит, нечему приставать к стеклу и оставлять отпечатки.

– Это был мой второй вариант, – шучу я.

Я привыкла называть его «мой маленький гений», потому что даже в детстве он умудрялся выдавать объяснения вроде этого. Помню, однажды – ему тогда было четыре года – он читал табличку у кабинета частного врача, когда мимо проходил почтальон. Тот уставился на Джейкоба и рот разинул от удивления: и правда, не каждый день видишь дошколенка, который без запинки произносит слово «гастроэнтерология».

Я заруливаю на парковку, пропускаю отличное пустующее место, потому что оно рядом с блестящей оранжевой машиной, а Джейкоб не любит оранжевый цвет. Слышу, как он втянул в себя воздух и задержал дыхание, пока мы не проехали мимо. Вылезает из машины, Джейкоб прикатывает тележку, и мы входим в магазин.

Место, где обычно сидит женщина с бесплатными образцами продукции, пусто.

– Джейкоб, это ерунда, – сразу говорю я.

Он смотрит на часы:

– Уже одиннадцать пятнадцать. Она приходит в одиннадцать и уходит в двенадцать.

– Что-то могло случиться.

– Ей удалили шишку на пальце, – говорит вдруг работник, который в двух шагах от нас выкладывает на стойку пакеты с морковью. – Она вернется через четыре недели.

Джейкоб начинает постукивать рукой по бедру. Я оглядываюсь, мысленно оценивая, насколько бурную сцену спровоцирует попытка увести сына отсюда, прежде чем самостимуляция превратится в полноценный нервный срыв, и смогу ли я успокоить его разумными доводами.

– Помнишь, как миссис Пинхэм три недели не появлялась в школе, когда заболела ветрянкой и не смогла предупредить вас заранее? Это то же самое.

– Но уже одиннадцать пятнадцать, – повторяет Джейкоб.

– Миссис Пинхэм поправилась, верно? И все вернулось в норму.

Морковный парень тарашится на нас. Еще бы! Джейкоб с виду совершенно нормальный молодой человек. Явно интеллигентный. Но обычное течение дня нарушено, отчего, вероятно, он чувствует себя так же, как я, если бы мне вдруг велели спрыгнуть на тарзанке с Уиллис-тауэр¹.

В горле у Джейкоба раздается низкий рык, и я понимаю, что точку невозврата мы миновали. Сын пятится от меня и врывается в стойку с банками пикулей и соусами. Несколько бутылочек падают на пол, стекло бьется, и Джейкоб слетает с катушек. Кричит – тянет одну высокую жалобную ноту, саундтрек к моей жизни. Он двигается вслепую, отбивается от меня, когда я тянусь к нему.

Проходит всего тридцать секунд, но они длятся вечность, когда ты становишься центром пристального внимания окружающих, когда борешься со своим сыном ростом шесть футов, валишь его на покрытый линолеумом пол и придавливаешь всем своим весом. Только это помогает успокоить его. Я приставляю губы к его уху и напеваю:

– Я пристрелил шерифа, но не попал в его зама...

С детства эта песенка Боба Марли успокаивала Джейкоба; даже Тэо к трем годам уже знал все слова. Само собой, напряжение спадает, мышцы Джейкоба расслабляются, руки вяло лежат на полу по бокам от тела. Из уголка глаза выкатывается слезинка.

– Я пристрелил шерифа, – шепчет он, – но, клянусь, это была самозащита.

Я беру в ладони лицо сына и заставляю его встретиться со мной взглядом.

– Ну что? Теперь все в порядке?

Он отвечает не сразу, словно мысленно проводит серьезную проверку:

– Да.

Я встаю на колени и, естественно, оказываюсь в луже из маринада. Джейкоб садится и прижимает колени к груди.

Вокруг нас собралась толпа. К морковному парню присоединились управляющий магазином, несколько взрослых покупателей и две девочки-близняшки с одинаковыми созвездиями веснушек на щеках. Все они смотрят на Джейкоба, и в их взглядах читается забавная смесь ужаса с жалостью, которая преследует нас везде и всюду, будто псина, кусающая за пятки. Джейкоб и мухи не обидит, в прямом смысле и в переносном. Однажды в течение трехчасовой поездки он держал между сжатыми чашечками ладоней паука, чтобы, когда мы будем на месте, выпустить его на волю. Но если вы не знакомы с Джейкобом и увидите, как высокий мускулистый парень опрокидывает стойку с товарами в магазине, то подумаете, что он чем-то расстроен. Вы решите, что он буянит.

– Он аутист, – резко говорю я. – Есть вопросы?

Я пришла к выводу, что злость срабатывает лучше всего. Нужен электрошок, чтобы зеваки оторвали взгляды от сошедшего с рельсов поезда. Как ни в чем не бывало покупатели снова принимают выбирать апельсины и накладывать в пакеты перцы. Две маленькие

---

¹ Уиллис-тауэр – 108-этажный небоскреб высотой 442,1 м в Чикаго, США. – *Здесь и далее примеч. перев.*

девочки убегают в проход с молочными продуктами. Морковный парень и управляющий не рискуют встречаться со мной взглядами, вот и славно. Справляться с нездоровым любопытством окружающих я умею, а вот их доброта может меня сломить.

Джейкоб плетется рядом со мной, я толкаю тележку. Рука его все еще едва заметно подрагивает у бедра, но он не стучит ею.

Больше всего я хочу, чтобы таких вещей с Джейкобом никогда не случилось.

Больше всего я боюсь, что такое случится, когда меня не будет рядом, и люди подумают о нем плохо.

Тэо

Мне наложили на лицо двадцать четыре стежка, спасибо моему братцу. От десяти из них остался шрам на левой брови с того времени, как Джейкоб опрокинул высокий детский стул; мне тогда было восемь месяцев. Остальные четырнадцать пришлось на подбородок в Рождество 2003 года: в восторге от какого-то глупого подарка я смял в комок оберточную бумагу, и Джейкоба взбесил этот звук. Тем не менее причина, по которой я вам это рассказываю, не имеет отношения к брату. Дело в том, что мама обязательно скажет вам, мол, Джейкоб тихий и безобидный, но я живое доказательство того, что она себя обманывает.

Предполагается, что для Джейкоба я должен делать исключения; это одно из наших неписанных домашних правил. Поэтому, когда нам приходится объезжать знак «Объезд», что само по себе забавно, так как он оранжевый и пугает Джейкоба, и в результате я на десять минут опаздываю в школу, это нормально. В душ он всегда идет первым, потому что сто миллионов лет назад, когда я был еще младенцем, Джейкоб мылся в душе раньше меня и он не перенесет, если привычный распорядок дня будет нарушен. А когда мне исполнилось пятнадцать и в назначенный день нужно было получать учебные водительские права в дорожной инспекции, визит туда пришлось отменить, поскольку Джейкоб расклеился из-за покупки новых кроссовок, и я должен был понять, что такие вещи случаются. Проблема в том, что «такие вещи» случались и во время трех следующих моих попыток довести маму до дорожной инспекции. В конце концов я перестал просить ее об этом. При таких условиях я буду гонять на скейте, пока мне тридцатник не стукнет.

Однажды в детстве мы с Джейкобом играли в пруду у нашего дома с надувной лодкой. Моей обязанностью было следить за братом, хотя он на три года меня старше и столько же раз занимался с тренером по плаванию, как и я. Мы перевернули лодку вверх дном и занырнули под нее; воздух там был тяжелый и влажный. Джейкоб начал говорить про динозавров, которыми в то время был увлечен, и рот у него не закрывался. Вдруг я забеспокоился: а что, если из-за болтовни Джейкоба в этом тесном замкнутом пространстве закончится весь кислород? Я попытался поднять лодку, но она как будто присосалась к воде, и от этого я запаниковал еще сильнее. Разумеется, можно было нырнуть и выбраться из-под лодки, но почему-то в тот момент это не пришло мне в голову. Единственное, что я тогда понимал: мне нечем дышать. Когда меня спрашивают, каково это – расти с братом, у которого синдром Аспергера, я всегда вспоминаю тот момент, хотя вслух отвечаю: мне не с чем сравнивать.

Я не святой. Временами я специально достаю Джейкоба; его так легко вывести из себя. Достаточно залезть к нему в шкаф и переложить одежду или спрятать колпачок от зубной пасты, пока он чистит зубы. Но в результате мне становится жаль маму: она обычно принимает на себя главный удар, когда Джейкоб срывается. Иногда я слышу, как мама плачет, думая, что мы с братом спим. Тогда я вспоминаю: она ведь тоже не подписывалась на такую жизнь.

Поэтому временами я вмешиваюсь. Утаскиваю, в прямом смысле слова, Джейкоба, если, беседуя с кем-то, он начинает горячиться и чудить. Говорю ему, чтобы перестал дергаться, когда он начинает нервничать в автобусе и выглядит совершенно безумным. Захожу в его класс, перед тем как идти в свой, чтобы предупредить учителя: у Джейкоба сегодня было трудное утро, так как, понимаете, в доме неожиданно закончилось соевое молоко. Иными словами, я веду себя как старший брат, хотя я им не являюсь. А когда меня разбирает досада от чувства несправедливости всего этого и кровь во мне кипит, как лава, я сматываюсь. Если моя комната недостаточно далеко, беру свой скейт и качу куда-нибудь – в любое место, откуда нет возможности позвонить домой.

Так я поступаю и сегодня днем, после того как братец решает сделать из меня главного негодяя в своем выдуманном преступлении. Скажу вам честно: дело не в том, что он без спроса

взял мои кроссовки или снял волосы с моей расчески, хотя это жуть; не хуже, чем в «Молчании ягнят». Просто, когда я увидел Джейкоба на кухне в крови из кукурузного сиропа, с фальшивой раной на голове и все улики указывали на меня, на полсекунды подумалось: «А что, я не прочь».

Но мне не позволено говорить, что моя жизнь без Джейкоба станет легче. Нельзя даже думать так. Это еще одно из неписанных домашних правил. Поэтому я хватаю куртку и направляюсь на юг, хотя за окном минус шесть и ветер острыми кинжалами полосует мне лицо. Я ненадолго задерживаюсь в скейт-парке – единственном месте в этом дурацком городишке, где копы разрешают кататься, хотя он совершенно бесполезен зимой, которая в Таунсенде, штат Вермонт, длится девять месяцев.

Ночью насыпало дюйма два снега, но какой-то парень на зимнем скейте все же пытается отрабатывать соскок со ступеньки. Его приятель снимает исполнение трюка камерой мобильного телефона. Этих ребят я видел в школе, но они не из моего класса. Я в некотором роде антискейтер: хожу на продвинутые курсы по всем предметам и получаю в среднем 3,98. Разумеется, в компании скейтеров это делает меня чудачком, так же как в глазах приличных людей моя манера одеваться и любовь к катанию на скейте превращают меня в оригинала.

Паренек, исполняющий трюк, приземляется на задницу.

– Я выложу это на YouTube, братан, – говорит его приятель.

Я объезжаю стороной скейт-парк и качу по городу на единственную в нем улицу, которая загибается по спирали панцирем улитки. В самом центре находится пряничный домик. Наверное, такие особнячки называют викторианскими. Он выкрашен в фиолетовый цвет, с одного бока к стене пристроена башенка. Вероятно, именно это заставило меня остановиться перед ним в первый раз: у кого, блин, есть башенка на доме, кроме диснеевской принцессы Рапунцель? Но в этой башенке живет девочка лет десяти или одиннадцати, у нее есть брат вполнину моложе ее. Их мама ездит на зеленом минивэне «тойота», а отец, наверное, врач – я два раза видел его возвращавшимся с работы в белом халате.

В последнее время я часто здесь бываю. Обычно присаживаюсь на корточки перед эркером. Оттуда мне почти все видно: стол, за которым дети делают уроки; кухня, где мать готовит ужин. Иногда она приоткрывает окно, и я почти ощущаю вкус того, что они едят.

Однако сегодня в доме никого. Это придает мне храбрости. Хотя день в разгаре и по улице то и дело проезжают машины, я захожу за дом и сажусь на качели, подвешенные на цепочках, закручиваюсь, а потом отрываю ноги от земли и кручусь в обратном направлении, хоть я уже великоват для таких забав. После этого подхожу к заднему крыльцу дома и дергаю ручку двери.

Она открывается.

Что-то не так. Это мне ясно. Но я все равно захожу внутрь.

Снимаю кроссовки, как воспитанный мальчик, оставляю их на коврик в прихожей и крадусь на кухню. В раковине стоят тарелки, из которых ели хлопья. Открываю холодильник, внутри – стопка дорогих пластиковых контейнеров. Остатки лазаньи.

Беру в руки банку арахисового масла и нюхаю ее содержимое. Мне кажется или оно пахнет лучше того, что мы едим дома?

Я засовываю в банку палец и пробую масло на вкус. Потом со стучащим сердцем несу ее к столу, достаю вдобавок клубничный джем. Беру два куска хлеба от лежащего на столе батона и роюсь в ящике. Мне нужен нож. Вот и он. Я спокойно делаю себе сэндвич, как будто всю жизнь ничем другим не занимался, причем именно здесь, на этой кухне.

В столовой я выбираю стул, на котором обычно сидит девочка. Ем сэндвич и представляю, как сюда из кухни заходит моя мать; она несет на блюде огромную запеченную индейку.

– Здорово, пап, – громко говорю я пустому стулу слева, притворяясь, что у меня есть настоящий отец, а не убогий донор спермы, каждый месяц присылающий чек.

«Как в школе?» – спросил бы он.

«Получил сто баллов за тест по биологии».

«Потрясающе. Не удивлюсь, если ты окажешься в медицинской школе, как я».

Я мотаю головой, прочищая мозги. Либо я вообразил себя героем телесериала, либо у меня развивается комплекс Златовласки-привереды.

Джейкоб раньше читал мне по вечерам. Ну не то чтобы мне. Скорее себе, и не читал, а повторял то, что запомнил, я же просто оказывался в одной с ним географической точке и не мог не слушать. Хотя было здорово. Когда Джейкоб говорит, голос его раскатывается и сворачивается, словно каждая фраза – это строчка из песни. В обычном разговоре это звучало бы странно, но когда рассказываешь сказку – совсем другое дело. Помню, я слушал историю про Златовласку и трех медведей с мыслью: какая же она дура! Если бы правильно разыграла свои карты, могла бы остаться.

В прошлом году я оказался новичком в местной старшей школе, и мне пришлось начинать все сначала. Там были ребята из других городов, которые совсем меня не знали. Первую неделю я гулял после уроков с двумя парнями – Чедом и Эндрю. Они ходили со мной на занятия по программированию и казались такими классными, к тому же они жили в Суонзи, а не в Таунсенде и никогда не видели моего брата. Мы смеялись над тем, что у нашего препода по естественным наукам слишком короткие брюки, и вместе сидели в кафе за ланчем. Мы даже планировали втроем сходить в кино на выходных, если будут показывать что-нибудь стоящее. Но потом однажды в кафе появился Джейкоб. Он, видите ли, справился с заданием по физике как-то невероятно быстро, учитель отпустил его, и он, разумеется, сразу пошел ко мне. Я представил его своим приятелям и сказал, что он из старшего класса. Это была моя первая ошибка: Чед и Эндрю страшно воодушевились при мысли, что будут общаться со старшеклассником, и начали задавать ему вопросы типа: в каком он классе и в какой спортивной команде играет?

– В одиннадцатом, – ответил Джейкоб, а потом добавил, что не любит спорт. – Меня интересует криминалистика, – сказал он. – Вы что-нибудь слышали о докторе Генри Ли?

И после этого целых десять минут без умолку трещал о патологоанатоме из Коннектикута, который работал на таких важных уголовных делах, как дела О. Джея Симпсона, Скотта Петерсона и Элизабет Сمارт.

Думаю, Чед и Эндрю он потерял где-то на сообщении о руководстве по распознаванию рисунка брызг крови. Ни к чему говорить, что на следующий день, когда мы выбирали себе партнеров для выполнения лабораторной по программированию, мои приятели сразу от меня отвернулись.

Сэндвич я доел, а потому встаю со стула, выхожу из гостиной и иду по лестнице на второй этаж. Первая комната там – мальчика, все стены в плакатах с динозаврами. Кровать застелена покрывалом с флуоресцентными птеродактилями, а на полу валяется пульт от телевизора в форме тирекса. На миг я замираю. Было время, когда Джейкоб сходил с ума по динозаврам, так же как сейчас – из-за криминалистики. Может ли маленький хозяин этой комнаты рассказать про теризинозавра, найденного в Юте, с когтями длиной пятнадцать дюймов, похожими на оружие маньяка-убийцы из подросткового фильма ужасов? Или сообщить, что первый почти полный скелет динозавра – гадрозавра – был обнаружен в 1858 году в Нью-Джерси?

Нет, он обычный ребенок, а не ребенок с синдромом Аспергера. Я за свои слова отвечаю, потому что вечерами не раз заглядывал в окна этого дома и наблюдал за семьей. Я знаю, ведь эта кухня со светло-желтыми стенами – место, где я хотел бы быть, а не откуда сбежал бы.

Вдруг я кое о чем вспоминаю. Тот день, когда мы с Джейкобом играли в пруду, забрались под лодку и я запаниковал, потому что не мог дышать, и лодка прилипла к воде над нами. Джейкобу как-то удалось отодрать невидимую присоску, которой лодка уцепилась за поверхность воды, потом он обхватил меня сзади за грудь, поднял вверх, и я начал жадно глотать свежий воздух. Брат дотащил меня до берега и сидел рядом, пока я трясся от пережитого страха

и заново учился говорить. Это, насколько я помню, был последний раз, когда Джейкоб позаботился обо мне, а не наоборот.

В спальне, где я стою, целая стена занята полками с электронными играми. Wii и Xbox в основном, но встречаются и Nintendo DS. У нас дома нет игровых приставок; мы не можем себе их позволить. Дерьмо, которое потребляет на завтрак Джейкоб, – пилюли, уколы и заменители всего на свете – стоит целое состояние, и я знаю, что мама иногда не спит ночами, редактируя тексты, чтобы заплатить Джесс, наставнице Джейкоба по социальным навыкам.

Я слышу шум машины на тихой улице. Выглядываю в окно и вижу ее: на подъездную дорожку заворачивает зеленый минивэн. Я слетаю вниз по лестнице, бегу через кухню и выскакиваю в заднюю дверь. Ныряю в кусты и сижу там не дыша, смотрю, как первым из машины вылезает мальчик в хоккейных «доспехах». Затем появляется его сестра, и после нее – родители. Отец вынимает из машины сумку со спортивным снаряжением, и вся семья скрывается в доме.

Я выхожу на дорогу и уезжаю на скейте от пряничного домика. Под курткой у меня – диск с игрой, которую я прихватил в последний момент, что-то из серии «Супермарио». Чувствую, как сердце бьется о пластиковую коробку.

Играть в нее я не смогу. Да и желания нет. Я взял ее только потому, что хозяйева никогда не хватятся такой пропажи. Как тут упомянуть каждую вещь, когда у них столько всего?

Джейкоб

Я, может, и аутист, но не могу сказать, в какой день недели вашей матери исполнится тридцать два года. Не могу мысленно брать логарифмы. Не могу посмотреть на газон и определить, что на нем растет ровно 6446 травинок. С другой стороны, я могу рассказать вам все, что хотите, про молнию, полимеразные цепные реакции, зауроподов нижнего мела и привести цитаты из популярных фильмов. Периодическую таблицу химических элементов я запомнил не напрягаясь; научился читать среднеегипетские тексты; помог учителю математики отремонтировать компьютер. Я мог бы часами рассуждать о папиллярных гребнях при анализе отпечатков пальцев и о том, что упомянутый анализ – это наука или искусство. К примеру, ДНК однойцевых близнецов идентична; нам это известно из научного анализа. Но отпечатки пальцев однойцевых близнецов различаются в деталях Гальтона. Какие доказательства вы предпочли бы, если бы были прокурором? Но я уклоняюсь от темы.

Полагаю, такие способности сделали бы меня звездой на коктейльной вечеринке, если бы: а) я пил или б) имел друзей, которые могли бы пригласить меня на вечеринку, коктейльная она или нет. Мама объяснила мне это так: представь, что к тебе подошел человек с очень напряженным взглядом и начал рассказывать о рисунке брызг крови, возникающем при воздействии на тело объектов, движущихся со средней скоростью от полутора до семи с половиной метров в секунду, и о том, чем он отличается от рисунков, возникающих после высокоскоростных воздействий – пистолетных выстрелов или взрывов. Или еще хуже представь, что этот человек – ты и ты не улавливаешь намеков на то, что жертва твоей навязчивости давно уже мечтает об одном – сбежать от тебя.

Диагноз «синдром Аспергера» мне поставили задолго до того, как он стал популярен для описания неуправляемых детей у родителей, желающих, чтобы посторонние считали их отпрысков супергениальными, а не просто асоциальными. Честно говоря, большинство учеников моей школы знают, что такое синдром Аспергера, благодаря одной кандидатке на звание «Лучшая топ-модель Америки». Столько людей рассказывали мне о ней; они, наверное, думали, что мы родственники. А сам я стараюсь не произносить этих слов вслух. Синдром Аспергера. По-моему, это звучит как название мяса самого низкого сорта. Или определение для ослов, собравшихся на барбекю?

Я живу с матерью и братом Тэо. Тот факт, что мы с ним производные одного генофонда, вводит меня в ступор; едва ли нам удалось бы стать более разными людьми, даже если бы мы активно стремились к этому. Мы выглядим как полярные противоположности: у него волосы мягкие и такие светлые, что могут сойти за серебро; мои темные и разрастаются, как кусты, если не стричь их, как по обету, раз в три недели. Вообще-то, раз в три недели я это делаю отчасти потому, что три – это хорошее, безопасное число, в отличие, к примеру, от четырех, к тому же прикосновение чужого человека к своим волосам я могу вынести только в том случае, если готовлюсь к этому заранее. Тэо вечно переживает, что о нем подумают люди, а я уже давно знаю, что они думают обо мне: я для них странный ребенок, который стоит слишком близко и не закрывает рта. Тэо слушает почти исключительно и только рэп, отчего у меня болит голова. Он ездит на скейтборде так, будто колесики прицеплены к его подошвам. Я говорю это в качестве комплимента, так как сам едва способен идти и одновременно жевать жвачку. Тэо со многим мирится, полагаю. Я же расстраиваюсь, если планы резко меняются или сбивается мое расписание; иногда в таких случаях я просто не могу контролировать себя. Я превращаюсь в Халка – ору, ругаюсь, все расшвыриваю. Тэо я не ударил ни разу, но бросал в него разные вещи и сломал некоторые, принадлежавшие ему; самой значительной была гитара. Мать заставила меня платить за нее по возрастающей в течение следующих трех лет. Кроме того, именно Тэо выносит на себе всю тяжесть моей правдивости.

СЛУЧАЙ НА ОДИН БАЛЛ

Тэо заходит на кухню, джинсы у него приспущены и болтаются на бедрах так низко, что видно нижнее белье; футболка невероятного размера, а на шее какая-то странная медаль.

Тэо. Чё как?

Я. Эй, чувак, ты что, забыл, мы живем в пригороде, а не на окраине. Сегодня День памяти Тупака² или что?

Я твержу маме: у нас с Тэо нет ничего общего, но она убеждена, что со временем это изменится. По-моему, она сумасшедшая.

Друзей у меня нет. Доставать меня начали еще в детском саду, когда врач прописал мне очки. В школе учительница попросила одного популярного мальчика носить очки с простыми стеклами, чтобы мне было с кем общаться, но оказалось, он не имел ни малейшей охоты рассуждать о том, к какой категории стоит относить археоптериксов – к доисторическим птицам или к динозаврам. Стоит ли говорить, что наша дружба не продлилась и дня. Теперь я уже привык слышать от детей: «уйди», «пересядь в другое место». Меня никогда не звали поехать куда-нибудь на выходные. Я просто не понимаю намеков, которые делают люди. Так что, если я разговариваю с кем-нибудь в классе и этот парень или девчонка говорит: «Ой, уже час дня?», я смотрю на часы и отвечаю: «Да, уже час дня», хотя на самом деле этот человек не нуждается в моем подтверждении, а подбирает вежливый способ от меня отделаться. Не понимаю, почему люди никогда не говорят прямо, что они имеют в виду. И в этом похож на иммигрантов: они приезжают в страну, выучивают язык, но совершенно теряются, когда слышат идиомы. Серьезно, как может человек, для которого английский не родной язык, понять, что выражение «get the picture»³ не имеет отношения ни к фотографированию, ни к живописи? Для меня общаться с людьми, будь то в школе, на обеде в День благодарения или в очереди за билетами в кино, – это все равно что поехать в Литву, не зная литовского языка. Если кто-нибудь спрашивает меня, что я делаю в выходные, я не могу ответить так же просто, как Тэо. Такой вопрос ставит меня в тупик. Сколько информации я должен выдать? И вместо того чтобы последовательно описать свои планы, я беру за основу чужие слова и, пародируя Де Ниро в фильме «Таксист», переспрашиваю: «Это вы мне?» Заметьте, что я неправильно понимаю не только одноклассников. Однажды учительницу по ОБЖ во время урока вызвали к телефону в канцелярию, и она сказала классу: «Не двигайтесь, даже не дышите». Нормальные дети проигнорировали ее слова; несколько пай-девочек тихо работали за партами. А я? Сидел как статуя и не дышал, пока едва не упал в обморок.

У меня была подруга, ее звали Алекса. Но в седьмом классе она переехала в другой город. После этого я решил относиться к школе как к антропологическому кабинету. Я пытался развить в себе интерес к темам, которые интересовали нормальных детей, но это было так скучно.

СЛУЧАЙ НА ДВА БАЛЛА

Девочка. Привет, Джейкоб. Смотри, какой у меня клевый плеер.

Я. Его, наверное, сделали китайские дети.

Девочка. Хочешь глотнуть моего лимонада?

Я. Если пить из одного стакана, можно подхватить моноклеоз. И если целоваться – тоже.

---

² *Тупак Шакур* (1971–1996) – известный хип-хоп-исполнитель из Гарлема, Нью-Йорк; скончался от пулевых ранений.

³ *Букв.* «получить картинку»; выражение означает «уловить суть».

Девочка. Сяду-ка я на другое место...

Станете ли вы винить меня за то, что я пытаюсь разнообразить беседы с одноклассниками, заводя разговоры о том, как доктор Генри Ли взялся за экспертизу в деле об убийстве Лейси Петерсон? В конце концов я перестал участвовать в пустой болтовне; следить за обсуждением того, кто с кем гуляет, мне так же трудно, как каталогизировать брачные ритуалы какого-нибудь кочевого племени из Папуа – Новой Гвинеи. Мама иногда говорит, что я даже не пытаюсь. Я отвечаю ей, что только этим и занят, но меня всякий раз отвергают. А мне это безразлично. Зачем заводить дружбу с детьми, которые плохо относятся к таким, как я?

Но есть некоторые вещи, для меня совершенно невыносимые.

1. Звук, когда комкают бумагу. Не знаю почему, но у меня возникает ощущение, будто кто-то делает это с моими внутренними органами.

2. Слишком много шума и мигающих огней.

3. Изменение планов.

4. Пропуск очередной серии «Борцов с преступностью», а их показывают каждый день в 16:30 по кабельному ТВ благодаря чуду объединения в синдикаты. Хотя я и знаю все сто четырнадцать серий наизусть, ежедневный просмотр этого фильма для меня так же важен, как прием инсулина для диабетика. Весь мой день спланирован вокруг этого, и, если что-то идет не так, меня начинает колотить.

5. Когда мама убирает мою одежду. Я раскладываю свои вещи по цветам, как в радуге: КОЖЗГСФ, и цвета не должны соприкасаться. Мама очень старается, но в последний раз совершенно забыла про синий.

6. Если кто-то откусывает от моей еды, мне приходится отрезать часть, на которую могла попасть его/ее слюна, прежде чем я примусь есть.

7. Распущенные волосы. Меня от них передергивает, вот почему мои по-военному короткие.

8. Когда меня трогает незнакомый человек.

9. Еда с комками, например заварной крем; или еда, которая взрывается во рту, типа зеленого горошка.

10. Четные числа.

11. Когда люди называют меня слабоумным, а я не слабоумный.

12. Оранжевый цвет. Он означает опасность, и в английском для него нет рифмы, а это подозрительно. (Тэо хочет знать, почему тогда я нормально отношусь к серебристым предметам, но я не собираюсь объясняться с ним.)

Большую часть своей восемнадцатилетней жизни я потратил на то, чтобы научиться существовать в мире, который временами оранжевый, хаотичный и слишком громкий. На переменах, к примеру, я хожу в наушниках. Раньше я носил огромные и был похож в них на контролера дорожного движения, но Тэо сказал, что надо мной все смеются, когда видят в коридорах, и мама убедила меня пользоваться вместо них такими, которые вставляются в уши. Я очень редко хожу в школьный кафетерий, потому что: а) мне там не с кем сидеть и б) все эти перекрестные разговоры, задевающие других, для меня как острые ножи. Вместо этого я болтаюсь в учительской, где, если случайно упомяну, что Пифагор на самом деле не открывал теорему своего имени (вавилоняне пользовались ею за тысячи лет до того, как Пифагор вызвал очарованный блеск в глазах своих греческих родителей), они не смотрят на меня так, будто я отрастил себе вторую голову. Если становится по-настоящему плохо, помогает давление – можно, к примеру, лечь под стопку постельного белья или накрыться тяжелым одеялом (одеялом с пластиковыми крупинками внутри, которые утяжеляют его), – потому что глубокая сенсорная стимуляция успокаивает меня. Один из моих врачей, поклонник Скиннера⁴, ставил мне

---

⁴ Беррерс Фредерик Скиннер (1904–1990) – американский психолог, изобретатель и писатель.

песни Боба Марли, чтобы я расслабился. Когда меня что-то расстраивает, я повторяю слова из них и говорю ровным голосом. Я закрываю глаза и спрашиваю себя: «Что сделал бы доктор Генри Ли?»»

Все у меня идет гладко, потому что правила не дают мне сойти с ума. Правила означают, что день пройдет так, как я его себе представляю. Я делаю, что мне говорят, и хочу только одного: чтобы все остальные поступали так же.

Дома у нас есть правила:

1. Убирать за собой.
2. Говорить правду.
3. Чистить зубы дважды в день.
4. Не опаздывать в школу.
5. Заботиться о брате; он у тебя один.

Большинство этих правил не вызывает у меня возражений... ну, кроме чистки зубов, я это ненавижу, и заботы о Тэо. Скажем так, моя интерпретация правила номер пять не всегда совпадает с интерпретацией Тэо. Возьмем, к примеру, сегодняшний день. Я дал ему главную роль в моем расследовании, а он разозлился. Тэо прошел кастинг на роль преступника... Как он не понимает, что это высочайшая форма лести?

Мой психиатр доктор Мун Мурано часто просит меня ранжировать вызывающие тревогу ситуации по шкале от одного до десяти.

СЛУЧАЙ НА ТРИ БАЛЛА

Я. Мама пошла в банк и сказала, что вернется через пятнадцать минут. Когда прошло семьдесят, я начал паниковать. Потом я позвонил ей, она не взяла мобильник, и я был уверен, что она лежит мертвая в какой-нибудь канаве.

Доктор Мун. По шкале от одного до десяти как ты себя чувствовал?

Я. Девять.

(На заметку: в действительности я оценивал свое состояние на десятку, но это четное число, и, если бы я произнес его вслух, уровень моей тревожности превзошел бы всякие границы.)

Доктор Мун. Можешь придумать какое-нибудь более эффективное решение, чем звонок по номеру девять-один-один?

Я (изображая Шер в фильме «Во власти Луны»). Брось переживать!

Своим дням я тоже составляю рейтинг, хотя пока не говорил об этом доктору Мун. Хорошие дни набирают много баллов, плохие – мало. Сегодня плохой: сперва я поругался с Тэо, а потом пропала женщина, раздающая образцы продукции перед продуктовым магазином. В свою защиту могу сказать: я разработал алгоритм для предугадывания, что она будет раздавать, и, может быть, не расстроился бы так сильно, если бы была первая суббота месяца, когда у нее что-нибудь вегетарианское. Но сегодня – день десертов, побойтесь Бога! С момента возвращения домой я не выхожу из своей комнаты. Накрылся пледом, а сверху положил тяжелое одеяло. Включил на айпоне «I Shot the Sheriff» и слушал одну и ту же песню до 16:30, когда настало время смотреть «Борцов с преступностью» и мне пришлось перебраться в гостиную, где стоит телевизор.

Показывают восемьдесят вторую серию, она в числе пяти моих самых любимых. Там одна криминалистка, Рианна, не приходит на работу. Оказывается, ее взял в заложницы мужчина, потрясенный недавней смертью жены. Рианна оставляет своим коллегам зацепки, по которым они могут разобраться в деле и отыскать место, где ее держат.

Разумеется, я нахожу разгадку гораздо быстрее коллег Рианны.

Мне особенно нравится эта серия, так как кое-что они делают совершенно неправильно. Похититель приводит Рианну в столовую, и она оставляет под полупустой тарелкой купон на скидку в своем любимом магазине одежды. Ее коллеги находят его, но им нужно доказать, что купон действительно оставила Рианна. Они проверяют его на отпечатки пальцев, используя мелкодисперсный реагент, а затем нингидрин, когда на самом деле нингидрин нужно применить первым – он вступает в реакцию с аминокислотой, – а затем уже добавлять мелкодисперсный реагент, который взаимодействует с жирами. Если сперва применить реагент, как сделали криминалисты в этой серии, он разрушит пористую поверхность, а она необходима для использования нингидрина. Заметив ошибку, я написал продюсерам «Борцов с преступностью». Они мне ответили и прислали выпущенную по официальной лицензии футболку. Она мне уже мала, но я храню ее в ящике.

После просмотра сериала рейтинг моего дня определенно повышается с единицы до трех баллов.

– Эй! – окликает меня мама, заглядывая в гостиную. – Ты как тут?

– Хорошо, – отвечаю я.

Она садится рядом со мной на диван. Наши ноги соприкасаются. Мама – единственный человек, физический контакт с которым я могу выносить. Если бы это был кто-нибудь другой, я бы уже отодвинулся на несколько дюймов в сторону.

– Вот что, Джейкоб, я хотела заметить, что ты пережил этот день, не получив угощения в магазине.

В такие моменты я радуюсь, что не смотрю людям в глаза. Если бы посмотрел, они наверняка умерли бы на месте, не выдержав презрения в моем взгляде. Разумеется, я выжил. Но какой ценой?!

– Поучительный момент, – объясняет мама, похлопывая меня по руке. – Вот и все.

– Честно говоря, моя дорогая, – бормочу я, – мне плевать.

Мама вздыхает:

– Обед в шесть, Ретт. – Хотя он всегда в шесть и меня зовут Джейкоб.

Журналисты не раз посмертно диагностировали синдром Аспергера у знаменитых людей.

Вот несколько примеров:

1. Вольфганг Амадей Моцарт.
2. Альберт Эйнштейн.
3. Энди Уорхол.
4. Джейн Остин.
5. Томас Джефферсон.

Я на девяносто девять процентов уверен, что ни один из них не устроил бы истерику в продуктовом магазине с опрокидыванием стойки с пикулями и соусами.

Обед проходит напряженно. Мама пытается завести разговор, но ни Тэо, ни я не склонны его поддерживать. Ей недавно доставили очередную пачку писем из «Бёрлингтон фри пресс». Иногда она читает нам их за обедом, а мы делаем неpolitкорректные замечания, которые мама ни за что не станет вставлять в свою колонку с полезными советами.

СЛУЧАЙ НА ЧЕТЫРЕ БАЛЛА

Дорогая Тетушка Эм,

*моя свекровь всегда упорно готовит ростбиф, когда мы с мужем приезжаем к ней в гости, хотя и знает, что я всю жизнь была вегетарианкой. Что мне сделать в следующий раз, когда это случится?
Кипящая от Гнева из Южного Роялтона*

*Дорогая Кипящая от Гнева,
отверните от нее нос картошкой и уходите.*

Иногда маме задают по-настоящему грустные вопросы; например, от одной женщины ушел муж, и она попросила совета, как ей сообщить об этом детям. Или другая мать, умирающая от рака груди, написала письмо своей маленькой дочери, чтобы та прочла его, когда вырастет; в нем говорится, как ей хотелось бы быть рядом, когда дочка окончит школу и будет получать аттестат, присутствовать на ее помолвке, возиться с первым внуком. Хотя часто маме пишут какие-то идиотки, сами себе навредившие. Как мне вернуть мужа, раз теперь я понимаю, что не нужно было изменять ему? Попробуйте сохранять верность, женщина. Как помириться с другом, который обиделся на резкое замечание? Прежде всего не нужно было его отпускать. Клянусь, иногда я не могу поверить, что моей матери платят деньги за высказывание очевидного.

Сегодня она держит в руках записку от девочки-подростка. Я сужу об этом по тому, что чернила фиолетовые и в обращении «Тетушка Эм» вместо точек над буквой «е» нарисовано сердечко.

– «Дорогая Тетушка Эм, – читает мама, и я, как всегда, представляю себе пожилую даму с кичкой и в добротных туфлях, а не мою мать, – мне нравится парень, у которого уже есть подружка. Я знаю, что нравлюсь ему, пот...» Боже, разве вас не учат писать слова целиком?

– Нет, – отвечаю я. – Нас учат пользоваться автопроверкой орфографии.

Тэо поднимает глаза от тарелки и смотрит на коробку с виноградным соком, долго смотрит, так что успеваешь даже хмыкнуть.

– «Я знаю, что нравлюсь ему, потому что, – исправляет девушку мать, – он провожает меня домой после школы мы часами разговариваем по телефону, а вчера я не выдержала и поцеловала его и он поцеловал меня в ответ...» О, пожалуйста, научите эту девушку ставить запятые. – Мама хмуро глядит на вырванный из блокнота на пружине листок. – «Он говорит мы не можем гулять вместе, но можем быть друзьями для взаимной выгоды. Как по-вашему, я должна согласиться? Искренне ваша, Бёрлингтон Бадди». – Мама обращается ко мне. – Все дружат для взаимной выгоды?

Я недоуменно смотрю на нее.

– Тэо? – спрашивает она.

– Так говорят, – бурчит он.

– И что это означает?

Тэо краснеет:

– Загугли.

– Скажи мне.

– Так говорят, когда парень и девушка не гуляют вместе, но связаны.

Мама обдумывает его слова.

– То есть... занимаются сексом?

– Помимо прочего...

– А что потом?

– Я откуда знаю! – восклицает Тэо. – Наверное, перестают обращать внимание друг на друга.

У мамы отвисает челюсть.

– Ничего более унижительного я в жизни не слышала. Этой бедной девушке нужно не просто сказать своему парню, чтобы он утопился в озере, а в придачу проколоть ему все четыре шины и... – Вдруг мама пронзает пристальным взглядом Тэо. – Ты ведь никогда не обращался так с девушками?

Тэо выкатывает глаза:

– Ты не можешь быть как другие матери и просто спросить меня, курю ли я травку?

– Ты куришь травку? – говорит она.

– Нет!

– У тебя есть подружки для взаимной выгоды?

Тэо резко отодвигается от стола и встает:

– Да. У меня их сотни. Выстроились у нас под дверью, ты не заметила? – Он ставит тарелку в раковину и взбегает по лестнице.

Мама вытаскивает ручку, засунутую под резинку, которой стянуты в хвост ее волосы (она всегда делает такую прическу, потому что знает, как я отношусь к распущенным, болтающимся по плечам лохмам), и принимается быстро набрасывать ответ.

– Джейкоб, – говорит она, – будь добр, убери за мной со стола, а?

И мама уходит, защитница обманутых, наставница недоумков. Приберегающая для мира по одному письму зараз. Интересно, что подумали бы все эти верные читатели, узнай они, что у настоящей Тетушки Эм один сын – практически социопат, а другой – социально бесполезен?

Мне хотелось бы иметь подругу для взаимной выгоды, хотя я никогда не признался бы в этом матери.

Мне хотелось бы иметь подругу. Точка.

В прошлом году на день рождения мама сделала мне невероятный подарок – радио с настройкой на полицейские частоты. Оно работает в диапазонах, которые недоступны обычным приемникам – VHF и UHF; они расположены над FM-станциями и предоставлены федеральным правительством в распоряжение полиции и спасательных служб. Я всегда знаю, когда появятся вызванные дорожным патрулем машины для посыпки песком проезжей части, получаю предупреждения о приближении северо-восточного циклона. Но чаще всего я слушаю переговоры полицейских и спасателей, ведь даже в таком маленьком городишке, как Таунсенд, преступления происходят едва ли не каждый день.

Только со Дня благодарения я дважды побывал на местах преступлений. Сперва был ограблен ювелирный магазин. Я приехал туда на велосипеде, услышав адрес по своему приемнику, и застал там нескольких полицейских, которые искали в витрине магазина улики. Тогда я впервые увидел, как используют распыляемый воск для снятия следа обуви со снега; это было круто. Во втором месте преступление не состоялось. Это был дом одного парня из моей школы, который вечно ко мне вяжется. Его мать позвонила в службу спасения, но, когда полиция приехала, стояла на пороге дома с разбитым носом и говорила, что не хочет подавать заявление на своего мужа.

Сегодня, только успев надеть пижаму, я услышал по радио новый цифровой код; до сих пор такого не звучало, а их было уже немало:

10-52 НУЖНА СКОРАЯ;

10-50 АВТОАВАРИЯ;

10-13 ГРАЖДАНЕ ПРИСУТСТВУЮТ И СЛУШАЮТ;

10-40 ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА;

10-54 СКОТ НА ШОССЕ.

Прямо сейчас я слышу:

10-100.

А это означает: «ГРУП».

Кажется, я ни разу в жизни не одевался с такой скоростью. Хватаю блокнот, в котором пишу сочинения, хотя он уже начат, но мне не хочется тратить время на поиски другого, и быстро записываю адрес, который несколько раз называют по радио. На цыпочках спускаюсь по лестнице. Если мне повезет, то мама уже спит и вообще не узнает, что я уходил из дому.

На улице жгучий холод, снега напало дюйма на два. Я так взволнован известием о трупe, что надел кроссовки вместо сапог. Колеса моего горного велосипеда буксуют на каждом повороте.

Адрес места преступления – на шоссе. Я понимаю, что приехал куда надо, так как вижу четыре полицейские машины с мигающими синими огнями. В землю воткнут деревянный столбик, к нему привязана трепещущая на ветру полицейская лента (желтая, не оранжевая), а рядом – цепочка следов. Брошенный «понтак» стоит на обочине дороги, обледенел и присыпан снегом.

Я вынимаю блокнот и пишу: «Машина простояла здесь не меньше двенадцати часов, брошена до снегопада».

Подъезжает еще одна, я скрываюсь в лесу. Эта машина обычная, без опознавательных знаков, только к крыше на магните прилеплена мигалка. Наружу выходит высокий мужчина с рыжими волосами. На нем черное пальто и тяжелые ботинки; палец на руке обмотан детским бактерицидным пластырем.

Все это я тоже заношу в блокнот.

– Капитан, – говорит один из полицейских, появляясь из-за деревьев. Он в форме, толстых перчатках и сапогах. – Простите, что вызвали.

Капитан качает головой:

– Что у вас тут?

– Один человек вышел на пробежку и нашел в лесу тело. Парень наполовину голый и весь в крови.

– Кто, черт возьми, бегаеt по лесам вечером посреди зимы?!

Держась в тени, я осторожно иду за полицейскими в лес. Место, где лежит труп, освещают прожекторы, чтобы все детали были описаны в протоколе.

Убитый мужчина лежит на спине. Глаза у него широко раскрыты. Брюки спущены до лодыжек, но нижнее белье на месте. Костяшки пальцев рук ярко-красные от крови, основания ладоней тоже, а также колени и икры. Молния на куртке расстегнута, на ступнях нет одного носка и ботинка. Снег вокруг розовый.

– Вот дерьмо! – Капитан опускается на колени, надевает резиновые перчатки, которые достает из кармана, и внимательно осматривает тело.

Я слышу шаги еще двоих. В круг света вступает мужчина, его сопровождает полицейский в форме. Коп смотрит на мертвеца, резко бледнеет и блюет.

– Боже! – произносит пришедший с ним мужчина.

– Привет, шеф, – обращается к нему капитан.

– Сам или убийство?

– Пока не знаю. Хотя сексуальное насилие налицо.

– Рич, парень в крови с головы до пят и лежит здесь в трусах. Думаешь, его изнасиловали, а потом он сделал себе харакири? – Шеф полиции фыркает. – Я понимаю, у меня нет такого богатого опыта в расследованиях, как у тебя после пятнадцати лет работы в полиции Таунсенда, но...

Я смотрю в свой блокнот. Что сделал бы доктор Генри Ли? Ну, он осмотрел бы раны. Проанализировал, почему кровь только на поверхности – этот розовый оттенок снега, и ни брызг, ни капель. Он заметил бы следы на снегу – одни от кроссовки жертвы, другие – принадлежащие бегуну, который нашел тело. Задался бы вопросом: почему после сексуального насилия на жертве остается нижнее белье, хотя брюки спущены?

Меня трясет от холода. Я топаю ногами в кроссовках, потом смотрю на землю, и вдруг все становится предельно ясно.

– Вообще-то, – говорю я, выходя из тени, – вы оба ошибаетесь.

Рич

Не знаю, почему я обманываю себя уверениями, что успею все сделать за выходные. Намерения у меня самые лучшие, но что-нибудь вечно мешает. Сегодня, к примеру, я собирался залить каток на заднем дворе для своей семилетней дочери Саша. Она живет с моей бывшей женой, Ханной, но время с вечера пятницы до воскресенья проводит у меня, и в данный момент планирует попасть в команду США по фигурному катанию, если не станет поющим ветеринаром. Я думал, Саша с удовольствием будет помогать мне и мы вместе зальем водой брезент, постеленный во дворе и обнесенный загородкой из брусьев, которую я сколачивал целую неделю после работы. Я обещал дочери, что в воскресенье утром она проснется и сможет кататься на коньках.

Но я не рассчитывал, что на улице будет так чертовски холодно. Саша захныкала, как только подул ветер, в результате я изменил планы и отвез ее ужинать в Бёрлингтон. Она очень любит одно кафе, где можно рисовать на скатерти. По дороге домой моя дочурка заснула в машине. Напевая себе под нос песенку из сериала «Ханна Монтана» с любимого диска Саша, я несу малышку наверх, в ее спальню. Это розовая гавань в холостяцкой квартире. Во время развода я получил дом, а Ханна – почти все, что было внутри. И теперь, забирая Сашу от матери, мне странно видеть ее отчима развалившимся на моем старом диване.

Переодеваю сонную дочку в ночную рубашку; она вяло шевелит головой и руками, потом вздыхает, ложится на бок, и я накрываю ее одеялом. Минуту просто смотрю, как она спит. Быть единственным детективом в захудалом городишке – это проигранная битва. Платят мне гроши; я расследую дела настолько мелкие и неинтересные, что о них не пишут даже в местных газетах. Но я делаю так, чтобы мир для Саша или, по крайней мере, этот маленький его уголок становился немного безопаснее.

И потому продолжаю трудиться.

Ну... и еще ради прибавки к пенсии, которую получу после двадцати лет службы.

Спустившись вниз, я беру фонарик и иду к заброшенному катку. Включаю шланг. Если я проторчу здесь еще несколько часов, то на брезент выльется достаточное количество воды, и к утру она, вероятно, успеет замерзнуть.

Не люблю нарушать обещания. Пусть этим занимается моя бывшая.

Я не злопамятен, нет. Просто в моей профессии гораздо проще делить поступки на правильные и неправильные, без переходных полутонов, которые что-то объясняют. Мне ни к чему знать, каким образом Ханна поняла, что ее сердечный друг – не тот мужчина, за которого она вышла замуж, а парень, обслуживавший кофемашину в учительской.

– Он начал приносить мне арахис, – сказала она, из чего я должен был заключить, что это означает: «Я тебя больше не люблю».

Вернувшись в дом, я открываю холодильник и достаю оттуда бутылку пива. Сажусь на диван, включаю игру «Брюнс» по кабельному каналу и беру в руки газету. Большинство читателей сразу открывают раздел биржевых или спортивных новостей, меня же интересует раздел «Развлечения» из-за колонки на последней странице. Я подсел на «Сострадательную тетушку» – так раньше называли колонку с полезными советами по поводу разных жизненных ситуаций. Эта женщина выбрала себе имя Тетушка Эм, и она моя тайная слабость.

Я влюбилась в своего лучшего друга и знаю, что мы никогда не будем вместе... Как мне забыть его?

Мой парень ушел и оставил меня с четырехмесячной дочерью. Помогите!

Может ли быть депрессия у человека в четырнадцать лет?

Две вещи нравятся мне в этой колонке: во-первых, письма туда – это постоянное напоминание, что моя жизнь не такая паршивая, как у других, а во-вторых, кажется, что хотя бы у

одного человека на свете есть ответы на все вопросы. Тетушка Эм всегда подсказывает самые разумные решения, как будто величайшие загадки бытия разрешаются путем хирургического отрезания эмоционального компонента и рассмотрением одних только голых фактов.

Ей, вероятно, лет восемьдесят, и живет она со стаей кошек, но, по-моему, Тетушка Эм стала бы отличным копом.

Последнее письмо удивляет меня.

Я замужем за прекрасным человеком, но никак не могу забыть своего бывшего и все время думаю: не совершила ли я ошибку? Стоит ли мне сказать об этом ему?

Глаза у меня расширяются, и я невольно смотрю на подпись. Автор письма живет не в Страффорде, как Ханна, она из Стоу.

«Спокойно, Рич», – мысленно говорю себе, тянусь к бутылке пива и уже собираюсь сделать первый блаженный глоток, как вдруг звонит мобильник.

– Мэтсон, – отвечаю я.

– Капитан? Простите, что дергаю вас в выходной.

Это Джой Уркхарт, новобранец-патрульный. Наверное, мне кажется, но, по-моему, новые полицейские год от года становятся все моложе; этот, вероятно, до сих пор спит в памперсах, а звонит мне не иначе как спросить, где у нас в участке хранится туалетная бумага или еще какую-нибудь подобную глупость. Новичкам лучше бы не тревожить начальство, а я второй по старшинству.

– ...Мы тут получили рапорт о трупе и решили сообщить вам.

Я мигом настораживаюсь. Задавать ему вопросы вроде есть ли признаки насильственной смерти или речь идет о суициде, не стоит. Сам разберусь.

– Где?

Патрульный диктует адрес по главному шоссе, рядом с территорией заповедника. Это место зимой популярно у лыжников и любителей ходить на снегоступах.

– Уже еду, – говорю я и вешаю трубку.

Бросаю последний страждущий взгляд на невыпитое пиво и выливаю его в раковину. Потом беру в прихожей куртку Саши, ищу там же ее сапожки, но их нет, на полу в спальне тоже. Сажусь на край дочкиной кровати и шепчу:

– Эй, малышка. Папе нужно идти на работу.

Саша моргает глазами:

– Но сейчас ночь.

Формально говоря, сейчас полдесятого вечера, но время относительно, когда тебе семь лет.

– Знаю. Я отведу тебя к миссис Витбери.

У миссис Витбери наверняка есть имя, но я никогда его не произносил. Она живет на другой стороне улицы, ее покойный муж прослужил в полиции тридцать пять лет, и ей хорошо известно, что такое срочный вызов. Эта женщина нянчилась с Сашей, когда мы с Ханной еще были вместе, и теперь тоже присматривает за ней, когда дочка остается у меня, а я вдруг должен уехать на работу.

– От миссис Витбери пахнет носками.

Так и есть.

– Давай, Саша, поторопись. – Она садится, зевает, а я надеваю на нее куртку, завязываю под подбородком флисовую шапку. – Где твои сапоги?

– Я не знаю.

– Ну, внизу их нет. Ты бы лучше поискала, а то мне никак не найти.

Саша озорно улыбается:

– Но ты же детектив?

– Спасибо за доверие. – Я поднимаю ее на руки. – Будешь в тапочках. Я отнесу тебя в машину.

Я пристегиваю дочку к детскому креслу, хотя нам ехать всего-то двадцать ярдов, и тут вижу сапоги, лежащие на резиновом коврикe. Видимо, Саша скинула их по пути домой из «Гановера», а я не заметил, потому что нес ее в дом на руках.

Если бы все загадки решались так просто.

Миссис Витбери открывает дверь молниеносно, будто дожидалась нас.

– Мне так неудобно вас беспокоить... – начинаю я, но она только отмахивается:

– Ничего страшного. Я мечтала провести время в хорошей компании. Саша, не могу вспомнить, ты любишь шоколадное мороженое или печенье?

Я ставлю дочку за порог, говорю одними губами:

– Спасибо, – и поворачиваюсь, чтобы уйти, мысленно прочерчивая кратчайший маршрут до места преступления.

– Папа!

Я оборачиваюсь и вижу, что Саша тянет ко мне руки.

Долгое время после нашего развода дочка не могла выносить, когда кто-нибудь ее оставляет. Мы придумали ритуал, который со временем превратился в заговор на удачу.

– Поцелуй, обними, дай пять, – говорю я, встав на колени и делая то, что говорю. Потом мы соединяем большие пальцы и давим на них. – Мешок арахиса.

Саша прижимается к моему лбу своим.

– Не переживай, – говорим мы хором.

Дочка машет мне, а миссис Витбери закрывает дверь.

Я прикрепляю к крыше машины мигалку, превышая лимит скорости, проезжаю двадцать миль и только тогда понимаю, что мертвец не станет мертвее, если я появлюсь на пять минут позже, а вся дорога покрыта тонкой коркой льда.

И это напоминает мне...

Что я не выключил воду, она так и течет из шланга, а значит, к моменту моего возвращения Сашин коток, вероятно, разольется на весь задний двор.

«Дорогая Тетушка Эм, – думаю я, – мне придется перезаложить дом, чтобы расплатиться за воду. Что делать? Замученный Проблемами в Таунсенде».

«Дорогой Замученный. Пей меньше».

К огороженному полицейской лентой месту преступления я подъезжаю с улыбкой на губах. Меня встречает Уркхарт, и я осматриваю брошенный «понтиак». Смахиваю немного снега с бокового стекла и заглядываю в салон, светя внутрь фонариком. На заднем сиденье полно пустых бутылок из-под джина.

– Капитан, простите, что вызвали вас, – говорит патрульный.

– Докладывайте.

– Тело в лесу нашел бегун. Труп полураздет и весь в крови.

По уже протоптанной тропе я иду вслед за Уркхартом.

– Кому, черт подери, взбрдет в голову бегать трусцой по лесу в темноте посреди зимы?!

Мертвец действительно не совсем одет и уже застыл. Брюки спущены к лодыжкам. Я быстро опрашиваю других полицейских, что они обнаружили. Не много. Кроме крови на конечностях мужчины, никаких следов борьбы. Есть отпечатки ног, совпадающие с оставшейся на жертве кроссовкой, и другие, очевидно оставленные бегуном, алиби которого исключает его из числа подозреваемых, но преступник либо каким-то образом стер следы своих ног, либо совершил убийство на лету. Я сижу на корточках и рассматриваю ссадину на левой ладони трупа, когда прибывает шеф.

– Господи Иисусе! – произносит он. – Суицид или убийство?

Кто бы знал. Если убийство, где тогда следы борьбы? Или повреждения на руках, которые свидетельствовали бы о том, что жертва защищалась? Ссадина на ладони, как от падения, на предплечьях ни синяков, ни царапин. Если это самоубийство, почему мертвец в нижнем белье и как он покончил с собой? Кровь у него на костяшках пальцев и на коленях, а не на запястьях. По правде говоря, в Таунсенде, штат Вермонт, мы не часто сталкиваемся с такими вещами, чтобы быстро делать выводы.

– Пока не могу сказать, – уклоняюсь от прямого ответа я. – Хотя сексуальное насилие, кажется, налицо.

Вдруг из-за деревьев выходит какой-то паренек и говорит:

– Вообще-то, вы оба ошибаетесь.

– А ты кто такой? – спрашивает шеф, и двое патрульных подходят к парнишке с боков.

– Опять ты, – говорит Уркхарт. – Месяц назад он болтался вокруг, когда ограбили ювелирный. Вроде как детектив-любитель. Скройся, малыш. Мы тебя тут не видели.

– Погодите, – останавливаю я полицейского, смутно вспоминая этого паренька.

Да, он был там, когда мы расследовали ограбление. А сейчас я взвешиваю в голове шансы на то, что этот пацан – преступник, и не хочу, чтобы он удрал.

– Все очень просто, – продолжает парнишка, глядя на тело. – В двадцать шестой серии второго сезона всю команду «Борцов с преступностью» отправили на гору Вашингтон расследовать смерть мужчины, тело которого нашли на вершине горы, без одежды. Никто не мог догадаться, что делал голый человек на горе, но причиной смерти оказалось переохлаждение. То же случилось и с этим парнем. Он заблудился и упал. Его внутренняя температура тела повысилась, он снял одежду, так как ему было жарко... но именно из-за этого он и замерз. – Паренек усмехается. – Не могу поверить, что вы этого не знали.

Шеф прищуривает глаза:

– Как тебя зовут?

– Джейкоб.

Уркхарт хмурится:

– Люди, замерзающие до смерти, обычно не пачкают кровью все вокруг...

– Уркхарт! – рявкает шеф.

– Он не запачкал кровью все вокруг, – говорит Джейкоб. – Брызги крови были бы хорошо видны на снегу, а вместо них мы видим только размазанную кровь. Взгляните на раны. У него ободраны костяшки пальцев, колени и основания ладоней. Он упал и поранился. Кровь появилась на снегу, потому что он пытался подняться, вставал на четвереньки, ползал вокруг, прежде чем потерял сознание.

Я приглядываюсь к Джейкобу. Основательный недостаток в его теории, разумеется, состоит в том, что, когда человек падает на снег и ползает по нему, у него не начинается кровотечение. Если бы такое происходило на самом деле, в Вермонте за время зимних каникул умирали бы от потери крови сотни детей.

Что-то в этом пареньке совсем чуть-чуть... ну, не так. Голос слишком ровный и высокий; в глаза не смотрит; пружинит на подушечках стоп и, сдаётся мне, сам этого не замечает.

Там, где он топчется, снег подтаял, из-под него высунулся побег шиповника. Я расчищаю ногой землю и качаю головой. Этому несчастному, пьяному, мертвому ублюдку не повезло упасть в присыпанных снегом зарослях ежевики.

Я не успеваю ничего сказать, потому что появляется криминалист. Уэйн Нассбаум, до того как получил медицинское образование, хотел стать клоуном. Правда, за пятнадцать лет работы в полиции я ни разу не видел, чтобы этот парень улыбнулся.

– Всем привет, – произносит он, вступая в круг искусственного света. – Говорят, у вас тут какой-то загадочный труп?

– Как по-твоему, это может быть переохлаждение? – спрашиваю я.

Уэйн обдумывает мой вопрос, осторожно переворачивает тело и осматривает затылок.
– Сам я такого никогда не видел... но читал об этом. Объяснение, конечно, для нас подходящее. – Криминалист смотрит на меня. – Отличная работа... но я предпочел бы досмотреть овертайм в матче «Брюнс», а не тащиться сюда ради фиксации смерти от естественных причин.
Я смотрю туда, где стоял Джейкоб, но его и след простыл.

Джейкоб

Я накручиваю педали к дому так быстро, как только могу. Скорее бы переписать заметки с места преступления в новый блокнот. Я нарисую картинки цветными карандашами и начерчу масштабированный план местности. Проскальзываю в дом через гараж, начинаю снимать кроссовки, и тут дверь у меня за спиной открывается.

Я замираю на месте.

Это Тэо.

Вдруг он спросит, чем я занимался?

Мне всегда с трудом давалась ложь. Если он задаст вопрос, придется рассказать ему про радио, труп и переохлаждение. Сейчас меня это злит, так как я хотел пока держать все в секрете и ни с кем не делиться. Сую блокнот сзади за пояс брюк, натягиваю сверху свитер и сцепляю руки за спиной, чтобы прикрыть все это.

– Ты теперь взялся следить за мной? – говорит Тэо, скидывая сапоги. – Может, лучше займешься своей жизнью?

Он успевает подняться до середины лестницы, и только тогда я примечаю, какие красные у него щеки, как растрепаны ветром волосы. Где был Тэо? А мама знает? Однако мысли эти быстро сменяются образом мертвеца с посиневшей кожей, который лежит в круге света, а вокруг него – розовый снег. Надо запомнить все это и использовать в следующий раз, когда буду разыгрывать сцену преступления. Можно взять пищевые красители, растворить в воде и разбрызгать на улице из пульверизатора. А на костяшках пальцев и коленях нарисую кровь красным фломастером. Хотя мне не слишком хочется лежать на снегу в нижнем белье, я готов принести себя в жертву ради сценария, который совершенно собьет с толку маму.

Мурлыча себе под нос, я захожу в комнату. Снимаю одежду и надеваю пижаму. Потом сажусь за стол и аккуратно вырезаю ножницами лист из старого использованного блокнота, чтобы не слышать, как мнется и рвется бумага. Достаю новый блокнот на пружине и принимаюсь набрасывать в нем место преступления.

Кто бы мог предполагать. По десятибалльной шкале этот день оказался на отметке «одиннадцать».

Дело 2 Ирония 101

Иметт Сент-Гиллен была студенткой-отличницей и уверенно продвигалась к получению степени в области уголовного права в Нью-Йорке. Однажды, дело было зимой 2006 года, она пошла выпить с друзьями, через какое-то время рассталась с ними и отправилась в торговый центр «Сохо», откуда позвонила одному своему приятелю и сказала, что она в баре. Домой Иметт не вернулась. Ее обнаженное тело, обернутое покрывалом в цветочек, было найдено в четырнадцати милях от дома, на пустыре за автомагистралью Белт-парквей в Бруклине. Волосы на одной стороне головы женщины были обстрижены, руки и ноги связаны веревками, рот заткнут носком, а лицо залеплено скотчем. Иметт была изнасилована и задушена.

На одной из веревок обнаружили кровь. Анализ ДНК показал, что она принадлежала не жертве, а Дэрилу Литтлджону, вышибале, которому велели выпроводить молодую пьяную женщину из бара около четырех часов утра. Свидетели утверждали, что они поругались перед тем, как покинуть бар.

В жилище Литтлджона обнаружили волокна, схожие с найденными на скотче, которым было залеплено лицо жертвы.

Литтлджону также предъявили обвинение в похищении и изнасиловании еще одной студентки колледжа, которой удалось сбежать, после того как он, изобразив из себя полицейского, надел на нее наручники и бросил в кузов своего фургона.

А Иметт Сент-Гиллен трагическим образом превратилась из студентки, изучавшей уголовное право, в пример для преподавателя по судебно-медицинскому анализу ДНК.

Эмма

Раньше у меня были друзья. До того, как появились дети. Я тогда работала в издательстве в пригороде Бостона и после работы весело проводила время со своими коллегами по работе. Мы ходили в суши-бар или в кино. С Генри я познакомилась, когда он давал нашим редакторам технические консультации при подготовке учебника по программированию. Подружки посоветовали мне пригласить его на свидание, раз уж сам он настолько робок, что никак не решается пригласить меня. Позже, перевесившись через стенку моего кубикла, они со смехом расспрашивали, есть ли в нем что-нибудь от Супермена под наружностью Кларка Кента, а на нашей с Генри свадьбе были подружками невесты.

Потом я забеременела, и вдруг мой круг общения стали составлять женщины, посещавшие курсы по подготовке к родам. Мы вместе учились правильно дышать и обсуждали, какие контейнеры для использованных подгузников лучше удерживают внутри запахи. После рождения детей я и еще три матери организовали общую игровую группу. Мы по очереди принимали у себя остальных. Мамашки сидели на диване и сплетничали, а малыши возились на полу с кучей игрушек.

Наши дети подросли и начали играть между собой, а не рядом друг с другом, все, кроме Джейкоба. Сыновья моих подруг катали машинки по всему ковру, но Джейкоб выстраивал их в колонну с военной аккуратностью, бампер к бамперу. Пока другие дети раскрашивали картинки, далеко вылезая за края рисунков, Джейкоб чертил аккуратные маленькие прямоугольники и раскрашивал их в радужный спектр.

Сперва я не замечала, что мои подружки как будто невзначай стали забывать сообщить мне, у кого мы собираемся в следующий раз. Я не прочла их послание между строк, когда встреча была назначена у меня, и две мамашки не пришли, сославшись на какие-то более ранние договоренности. Но в тот день Джейкоб рассердился на дочку моей подруги: та потянулась к грузовичку, колесики которого он крутил, и Джейкоб толкнул ее так сильно, что она упала и ударилась об угол кофейного столика.

– Я больше не могу, – сказала мне подруга, забирая свою кричащую дочку. – Прости, Эмма.

– Но он не нарочно! Джейкоб не понимал, что делает!

Она посмотрела на меня тяжелым взглядом:

– А ты понимаешь?

После этого подруг у меня больше не было. У кого хватило бы времени на приятельниц, когда каждая минута жизни занята каким-нибудь очередным специалистом по раннему вмешательству? Весь день я сидела с сыном на ковре, заставляя общаться со мной, а по ночам читала последние исследования об аутизме, как будто могла найти решение, которого не нашли даже специалисты. Потом я сблизилась с несколькими семьями в детском саду Тэо, которые сперва очень приветливо общались с нами, но сразу отстранились, как только познакомились со старшим братом Тэо; они пригласили нас на обед, а я могла говорить только о том, как крем из трансдермального глутатиона помог некоторым аутичным детям, организм которых не может производить достаточное количество этого вещества, чтобы связывать и выводить токсины.

Изоляция. Фиксация на одной теме. Неспособность заводить и поддерживать социальные связи.

Диагноз поставили Джейкобу, но у меня самой, вероятно, развился синдром Аспергера.

Когда я спускаюсь по лестнице в семь утра, Джейкоб уже сидит за столом на кухне, умытый и одетый. Нормальный подросток в воскресенье проспал бы до полудня – Тэо определенно так и сделает, – но в том-то и дело, что Джейкоб необычный. Его привычный распорядок дня, когда нужно вставать и идти в школу, растоптан тем фактом, что сегодня выходной и спешить

с выходом из дому ни к чему. Даже если из-за снегопада отменяют занятия в школе, Джейкоб одевается, как на уроки, вместо того чтобы завалиться обратно в постель.

Он сосредоточенно склонился над воскресной газетой.

– С каких это пор ты начал читать газеты? – спрашиваю я.

– Какая мать не хотела бы, чтобы ее сын был в курсе текущих событий?

– Ну, на это я не куплюсь. Погоди-ка, дай я угадаю. Ты вырезаешь скидочные купоны на суперклей?

Джейкоб делает это не задумываясь. Клей используется в процессе снятия отпечатков пальцев, и потому в нашем доме пропажа разных вещей не редкость – мои ключи от машины, зубная щетка Тэо, – позднее они обнаруживаются под перевернутым аквариумом, который Джейкоб использует, чтобы «обкуривать» едкими парами клея разные предметы для выявления отпечатков.

Я отмеряю и засыпаю в кофеварку достаточное для превращения меня в человека количество кофе, после чего принимаюсь готовить завтрак для Джейкоба. Это всегда вызов: ему противопоказаны глютен и казеин, то есть из рациона исключаются пшеница, овес, рожь, ячмень, молочные продукты. Так как лекарства от синдрома Аспергера не существует, мы лечим симптомы, и почему-то выходит, что, регулируя диету, я могу влиять на поведение сына. Когда он жульничает с едой, как бывает в Рождество, я вижу регресс: снова начинаются самостимуляция и нервные срывы. Честно говоря, если учесть, что в США одному из ста детей поставлен диагноз «расстройство аутистического спектра», клянусь, я могла бы вести весьма популярное шоу на канале о питании под названием «Пищевой аутизм». Джейкоб не разделяет моего кулинарного энтузиазма. Он говорит, что я – это смесь Дженни Крейг с Йозефом Менгеле⁵.

Пять дней в неделю вдобавок к строго ограниченной диете Джейкоб ест по цветам. Я не помню точно, с чего это началось, но теперь так заведено: в понедельник вся пища зеленая, во вторник – красная, в среду – желтая и так далее. Каким-то образом это помогает Джейкобу лучше структурировать жизнь. Однако в выходные можно все, поэтому сегодня утром мой завтрак включает в себя размороженные домашние кексы из тапиоки и риса, а также хлопья для завтрака с соевым молоком. Я поджариваю несколько кусочков бекона из индейки, достаю банку арахисового масла и безглютеновый хлеб. У меня есть папка толщиной три дюйма, полная этикеток от разных продуктов и телефонов бесплатных справочных служб, консультирующих по продуктам; это моя кулинарная библия. Еще у меня есть грейпфрутовый сок, так как Джейкоб смешивает его с содержащим липосомы глутатионом – одна чайная ложка на стакан плюс четверть чайной ложки порошка витамина С. Напиток все равно имеет привкус серы, но это лучше, чем предыдущая альтернатива – крем, которым Джейкоб мазал ступни, а потом надевал толстые носки, потому что зелье имело ужасный запах. Однако недостатки глутатиона бледнеют в сравнении с приносимой им пользой: он связывает и удаляет токсины, с чем не справляется организм моего сына, и в результате мыслительная активность Джейкоба обостряется.

Еда – это только часть рациона.

Я достаю крохотные силиконовые чашечки, которые мы используем для пищевых добавок. Каждый день Джейкоб принимает мультивитамины, капсулу с таурином и таблетку омега-3. Таурин предотвращает нервные срывы; жирные кислоты улучшают гибкость ума. Джейкоб поднимает газету и держит ее прямо перед лицом, когда я кладу на стол два его самых нелюбимых лечебных средства: назальный спрей окситоцин и шприц с витамином В₁₂. Укол он делает себе сам; оба препарата устраняют тревожность.

---

⁵ Дженни Крейг (р. 1932) – основатель компании по производству продуктов для фитнеса, похудения и здорового питания «Jenny Craig, Inc». Йозеф Менгеле (1911–1979) – немецкий врач, проводивший медицинские опыты на узниках концлагеря Освенцим во время Второй мировой войны.

– Ты можешь спрятаться, но тебе не убежать, – говорю я, отгибая край газетного листа.

Вы, наверное, думаете, что укол для Джейкоба – самое худшее, но нет, он поднимает рубашку и колет себе в живот без особых фанфар. А вот использование назального спрея для ребенка, у которого проблемы с обостренной чувствительностью, равносильно пытке водой. Каждый день я наблюдаю, как Джейкоб долго смотрит на пузырек и наконец убеждает себя, что справится с неприятнейшим ощущением, когда жидкость затечет из носа в горло. И каждый день от этого зрелища у меня разрывается сердце.

Не стоит говорить, что все эти добавки, которые обходятся ежемесячно в сотни долларов, медицинская страховка не покрывает.

Я ставлю перед сыном тарелку с кексами, а он переворачивает очередную страницу газеты.

– Ты зубы почистил?

– Да, – бурчит Джейкоб.

Я кладу руку на газету, закрывая ее:

– Точно?

В редких случаях, когда Джейкоб меня обманывает, это настолько очевидно, что мне достаточно вопросительно приподнять бровь, и он раскалывается. Врет Джейкоб лишь изредка, в тех случаях, когда его просят сделать что-нибудь для него неприятное – брызнуть в нос спрей или почистить зубы, – и еще во избежание конфликтов. В этих случаях он говорит то, что мне нужно услышать.

– Я сделаю это после еды, – обещает Джейкоб, и я не сомневаюсь: зубы будут почищены. – Да! – вдруг восклицает он. – Вот оно!

– Что?

Подавшись вперед, Джейкоб читает вслух:

– «Полиция Таунсенда обнаружила в лесополосе у шоссе сто сорок тело пятидесятитрех-летнего Уэйда Дикинса. Дикинс умер от переохлаждения. Признаков насильственной смерти не зафиксировано». – Джейкоб хмурится и качает головой. – Можешь поверить, что это сообщение засунули аж на четырнадцатую страницу?

– Да. Это отвратительно. Зачем людям вообще читать про замерзшего человека? – Вдруг я замираю, прекращая размешивать кофе с молоком. – Как ты узнал, что эта заметка должна появиться в газете сегодня утром?

Джейкоб мнется, понимая, что его застукали.

– Просто догадался.

Я скрещиваю на груди руки и строго гляжу на него. Даже если он не посмотрит мне в глаза, жар моего взгляда его проберет.

– Ладно! – сдается Джейкоб. – Я услышал об этом вчера вечером по своему радио.

Я вижу, как он раскачивается на стуле, как лицо его заливают краска.

– И?..

– Я поехал туда.

– Ты – что?

– Это было вчера вечером. Я взял велосипед...

– Ты поехал на велосипеде по морозу к шоссе сто сорок...

– Ты хочешь узнать подробности или нет? – спрашивает Джейкоб, и я больше его не перебиваю. – Полиция нашла в лесу тело, детектив склонялся к тому, что это изнасилование и убийство...

– Боже мой!

– Но улики не подтверждали этого. – Джейкоб сияет улыбкой. – Я разобрался, что к чему, вместо них.

У меня отпадает челюсть.

– И они не возражали?

– Ну... нет. Но им была нужна помощь. Они двигались совершенно не туда, если учесть повреждения на теле...

– Джейкоб, ты не можешь просто так являться на место преступления! Ты гражданское лицо!

– Гражданское лицо, которое лучше разбирается в криминалистике, чем местная полиция, – возражает Джейкоб. – Я даже позволил детективу присвоить все заслуги себе.

Мне представляется, как полицейские Таунсенда являются к нам домой и отчитывают меня (в лучшем случае) или берут под арест Джейкоба (в худшем). Разве это не нарушение правопорядка – вмешиваться в полицейское расследование? Представляю, каким это будет публичным позором, если вдруг выяснится, что Тетушка Эм, дающая советы всем и обо всем, не знает, где проводит вечера ее сын.

– Послушай меня. Ты больше никогда не будешь делать ничего подобного. Никогда. А если бы это было убийство, Джейкоб? Если бы преступник погнался за тобой?

Он обдумывает мои доводы, а потом говорит совершенно спокойно:

– Тогда, полагаю, мне пришлось бы бежать очень быстро.

– Считай это новым домашним правилом. Ты не ускользаешь тайком из дому, не предупредив меня.

– Формально говоря, я вовсе не ускользал, – поправляет меня сын.

– Так помоги мне, Джейкоб...

Он покачивает головой:

– Не ускользать тайком на места преступлений. Понял. – Потом смотрит мне прямо в глаза; это случается так редко, что я невольно задерживаю дыхание. – Но, мама, серьезно, мне бы хотелось, чтобы ты сама увидела. Все голени у него исцарапаны перекрестными линиями и...

– Джейкоб, этот человек умер ужасной смертью, в одиночестве, без помощи и заслуживает хотя бы немного уважения. – Произнося эти слова, я понимаю, что они его не тронут.

Два года назад на похоронах моего отца Джейкоб спросил, нельзя ли открыть гроб, прежде чем его опустят в землю. Я думала, он хотел попрощаться с дедом, которого любил, но вместо этого Джейкоб приложил руку к холодной и шершавой, как рисовая бумага, щеке моего отца и сказал: «Мне просто хотелось знать, какие мертвецы на ощупь».

Я забираю у него газету и складываю ее:

– Ты сегодня же напишешь детективу записку с извинениями, что помешал ему...

– Я не знаю, как его зовут!

– Загугли, – говорю я. – И можешь считать себя лишенным водительских прав до особых распоряжений.

– Лишенным прав? То есть я не могу покидать дом?

– Можешь, только для походов в школу.

К моему удивлению, Джейкоб пожимает плечами:

– Тогда тебе, наверное, придется позвонить Джесс.

Черт! Я совсем забыла про его наставницу по социальным навыкам. Дважды в неделю Джейкоб встречается с ней, чтобы практиковаться в общении. Выпускница Вермонтского университета, которая планирует учить детей с аутизмом, Джесс Огилви нашла подход к Джейкобу. А он обожает ее так же сильно, как боится заданий, которые она ему дает: смотри в глаза кассирше, заводи разговоры с незнакомыми людьми в автобусе, спрашивай у прохожих, как пройти куда-нибудь. Сегодня они собирались пойти в маленькую местную пиццерию, чтобы Джейкоб отрабатывал навык разговоров ни о чем.

Но для этого ему нужно выйти из дому.

– Кекс? – предлагает он мне, протягивая тарелку.

Ненавижу, когда Джейкоб чувствует свою правоту.

Спросите мать ребенка с аутизмом, имеют ли отношение к его состоянию прививки, и она с жаром ответит вам «да».

Спросите другую, и она с той же горячностью скажет «нет».

Суд удалился на совещание, да так и не вернулся, в буквальном смысле. Хотя кучка родителей подала коллективный иск к правительству с обвинениями в том, что прививки спровоцировали аутизм у их детей, я так и не получила уведомления о принятом решении и не надеюсь его дождаться.

Факты таковы:

1. В 1998 году Центр по контролю и профилактике заболеваний (ЦКПЗ) рекомендовал внести изменения в общенациональный американский календарь прививок, добавив в него три инъекции против гепатита В, включая одну при рождении, и трехкратное введение вакцины от гемофилической инфекции типа В, все в течение первых шести месяцев жизни ребенка.

2. Фармацевтические компании приняли вызов и произвели вакцину в упаковках по многу доз; в качестве консерванта был использован тимерозал, на 49 процентов состоящий из этилртути.

3. Хотя ядовитость ртути была доказана еще в 1940-х, ни Управление по контролю за продуктами и лекарствами, ни ЦКПЗ не приняли во внимание воздействие на здоровье новорожденного ребенка доз ртути, которые он получит в результате прививок. Фармацевтические компании тоже не размахивали красным флагом, хотя следование новому прививочному календарю приводило к тому, что среднестатистический младенец двух месяцев от роду после стандартной проверки состояния здоровья у педиатра получал за один день дозу ртути, в сто раз превышавшую безопасный уровень, давным-давно установленный правительством.

4. Симптоматика аутизма очень сильно напоминает симптомы отравления ртутью. Вот пример: при изучении последствий миграции ртути в мозг приматов ученые отметили, что животные начали избегать зрительного контакта.

5. Между 1999 и 2002 годом тимерозал потихоньку удалили из большинства детских вакцин.

Существуют аргументы и в пользу противоположного мнения. Этилртуть, используемая в вакцинах, выводится из организма гораздо быстрее, чем метилртуть, которая является ядом. Несмотря на то что теперь в вакцинах нет никакой ртути, количество аутистов возрастает. ЦКПЗ, Всемирная организация здравоохранения и Институт медицины провели пять больших исследований, и ни одно из них не вскрыло связи между вакцинами и аутизмом. Эти факты убедительны, но вот еще один, и другого мне не нужно для доказательства того, что какая-то связь все же существует. Мой сын выглядел так же, как любой другой двухлетний ребенок, пока ему не вкололи прививки КДС, от гемофилической инфекции В и гепатита В.

Не думаю, что это обычная связь. В конце концов, из сотни детей, которым сделали те же прививки в том же возрасте, девяносто девять не стали аутистами. Однако, хотя маркеры рака присутствуют в генах у всех людей, если вы выкуриваете по две пачки в день, рак у вас разовьется скорее, чем если вы вообще не курите. Дети с определенной генетической предрасположенностью не способны избавиться от ртути так же легко, как большинство из нас, а в результате у них появляются расстройства аутистического спектра.

Я не из числа родителей, которые заходят так далеко, что вообще избегают иммунизации. Когда родился Тэо, ему сделали прививки. По-моему, польза от прививок все равно перевешивает возможные риски.

Я верю в вакцины, да. Просто верю в их распространение.

Только благодаря Джесс Огилви Джейкоб пошел на школьный бал в конце учебного года.

Честно говоря, я от него такого не ожидала. Многие вещи я считала для своего ребенка «решенными», но после того, как Джейкобу поставили диагноз, они превратились в «желатель-

ные»: поступить в колледж, не вылететь с работы, найти кого-то, кто его полюбит. Полагаю, вся тяжесть моих надежд легла на Тэо. Джейкоб, я надеюсь, впишется в мир незаметно, но мне хотелось бы, чтобы его брат оставил в мире свой след.

Вот почему, когда прошлой весной Джейкоб объявил, что планирует пойти на весенний школьный бал, я удивилась и спросила:

– С кем?

– Ну, мы с Джесс пока не определились.

Я понимала, зачем Джесс это предложила: фотографии, танцы, разговоры за столом – всему этому Джейкобу нужно научиться. Я соглашалась с ней, но не хотела видеть его обиженным. Вдруг никто не согласится пойти с ним?

Не думайте, что я плохая мать. Я просто реалистка. Да, я знала, что Джейкоб привлекателен внешне, весел и ужасно умен. Однако другим людям нелегко заметить все это. Джейкоб просто кажется им странным.

В тот вечер я вошла в комнату Джейкоба. Удовольствие при виде радостного волнения сына, предвкушающего общение, умерила мысль о чередующихся ему в лицо девушек.

– Ну что... – сказала я, присаживаясь на край его постели, дождалась, когда он отложит журнал «Судебная медицина», и продолжила: – Школьный вечер, да?

– Да, – сказал Джейкоб. – Джесс считает, это отличная идея.

– А ты? Ты тоже так думаешь?

Джейкоб пожал плечами:

– Наверное. Но я немного волнуюсь...

Я ухватилась за это:

– Из-за чего?

– Из-за платья моей подружки, – сказал Джейкоб. – Если оно будет оранжевым, я не справлюсь.

Мои губы дрогнули в улыбке.

– Поверь мне. Ни одна девушка не наденет оранжевое платье на весенний бал. – Я подергала выбившуюся из одеяла нитку. – У тебя есть на примете девушка, которую ты хотел бы пригласить?

– Нет.

– Нет?

– Так я не разочаруюсь, – ответил Джейкоб, как будто это само собой разумеется.

Я помолчала.

– По-моему, то, что ты пытаешься это сделать, великолепно. И даже если ничего не получится...

– Мам, – перебил меня Джейкоб, – конечно получится. В моей школе четыреста две девочки. Если допустить, что одна из них находит меня хотя бы отдаленно привлекательным, вероятность, что методом перебора я найду ее и она скажет «да», статистически в мою пользу.

Как оказалось, спросить ему пришлось всего у восьмидесяти трех. Одна наконец согласилась – Аманда Хиллерштейн. У нее был младший брат с синдромом Дауна, и она оказалась достаточно добросердечной, чтобы закрыть глаза на синдром Аспергера у Джейкоба, хотя бы на один вечер.

За этим последовал двухнедельный сжатый курс по этикету ежегодных школьных вечеров. Джесс отрабатывала с Джейкобом светские разговоры за обедом. (Приемлемый вопрос: «Ты будешь ездить по колледжам летом?» Неприемлемый: «Ты знаешь, что в Теннесси есть место под названием „Ферма тел“, где можно изучать, как разлагаются трупы?») Я же отрабатывала с ним все остальное. Мы практиковались, как подходить к девушке, чтобы не держаться на слишком большом расстоянии от нее. Тренировались, как смотреть в камеру, когда кто-то

тебя фотографирует. Как спрашивать свою девушку, не хочет ли она потанцевать, хотя Джейкоб поставил крест на медленных танцах. («Мне что, правда придется прикасаться к ней?»)»

Накануне бала тысяча ужасных мыслей пронеслась у меня в голове. Джейкоб никогда не надевал смокинг; вдруг галстук-бабочка не понравится ему и он откажется его надевать? Он ненавидел боулинг, так как ему не нравилось надевать туфли, которые за несколько мгновений до того надевал другой человек. Вдруг он по той же причине взбрыкнет и откажется от взятых напрокат черных кожаных туфель? Что, если комитет по проведению бала отказался от украшения зала на тему подводного мира, а вместо этого выбрал декор в стиле диско – мигающие огни и зеркальные шары, которые окажут гиперстимулирующее воздействие на Джейкоба? Что, если Аманда распустил волосы и Джейкоб, только взглянув на нее, убежит в свою комнату?

Аманда, благослови ее Бог, предложила заехать за Джейкобом и отвезти их в школу, раз уж сам Джейкоб не водит машину. Она подкатила к нашему дому на джипе «чероки» ровно в семь. Джейкоб ждал ее с браслетом из цветов, который забрал из цветочного магазина сегодня днем. Он стоял у окна с шести часов.

Джесс пришла с видеокамерой, чтобы снять этот день для вечности. Мы все задержали дыхание, когда Аманда вышла из машины в длинном платье персикового цвета.

– Ты сказала, она не наденет оранжевое, – прошептал Джейкоб.

– Оно персиковое, – поправила его я.

– Из семейства оранжевых, – только и успел сказать Джейкоб, прежде чем раздался стук в дверь. – Ты выглядишь прекрасно! – выпалил он, как мы и задумали.

Когда я фотографировала их, стоящих на лужайке перед домом, Джейкоб даже посмотрел в камеру. Этот снимок так и остался единственным в своем роде. Признаюсь, я немного всплакнула, глядя, как мой сын предложил своей девушке согнутую в локте руку, чтобы проводить ее до машины. Могла ли я просить о большем? Мог ли Джейкоб лучше запомнить и воспроизвести каждый столь тщательно отработанный нами шаг?

Джейкоб открыл для Аманды дверцу, а потом обошел машину...

«О нет!» – в отчаянии подумала я.

– Мы совсем забыли об этом, – сказала Джесс.

И разумеется, Джейкоб залез на свое обычное место на заднем сиденье машины.

Тэо

– Вот он, – говорю я, и мать останавливает машину у какого-то дома, которого я раньше не замечал.

– Когда тебя забрать? – спрашивает она.

– Не знаю. Не могу точно сказать, сколько времени у нас займет лабораторная.

– Ну, у тебя есть мобильник. Позвонишь мне. – (Я киваю и выхожу из машины.) – Тэо! – окликает меня мама. – Ты ничего не забыл?

Рюкзак. Если я выполняю школьную лабораторную работу с воображаемым партнером, надо было проявить сообразительность и взять с собой хотя бы какую-нибудь дурацкую тетрадь.

– У Леона все есть, – говорю я. – На компьютере.

Мама глядит поверх моего плеча на входную дверь дома.

– Ты уверен, что он тебя ждет? Такое ощущение, что в этом доме никого нет.

– Мам, я же сказал тебе. Я говорил с Леоном за десять минут до того, как мы уехали из дому. Я должен войти через заднюю дверь. Успокойся, ладно?

– Не забывай про вежливость, – говорит она, когда я закрываю дверцу машины. – «Пожалуйста» и «спасибо»...

– Вам, – бурчу я себе под нос и иду по дорожке к дому, начинаю обходить его и, только сворачиваю за угол, как слышу: мама отъезжает.

Разумеется, дом выглядит неживым. Я так и планировал.

Мне не нужно писать отчет по лабораторной. И я даже не знаком ни с одним Леоном.

Район этот для меня новый. Здесь живут профессора из Вермонтского университета. Дома тут старые, с небольшими медными табличками, на которых указаны годы постройки. Самое клевое, что здесь дрянные замки в дверях. Их обычно можно открыть с помощью пластиковой карточки, если засунуть ее как надо в щель между дверью и дверной коробкой. Кредитки у меня нет, но мой школьный пропуск вполне сойдет для этой цели.

Я понимаю, что в доме никого, так как на подъездной дорожке нет следов, а ведь вчера вечером прошел снег, но мама этого не заметила. На крыльце я сколачиваю снег с кроссовок и вхожу в дом. Тут пахнет по-стариковски – овсянкой и шариками от моли. В прихожей прямо у двери стоит трость, но – странно – тут же висит толстовка с капюшоном и надписью «GAP» на груди. Может, внучка оставила?

Как и в прошлый раз, сперва я иду на кухню.

Первым делом замечаю бутылку красного вина на кухонном прилавке. Она наполовину пуста. Я вытаскиваю пробку, делаю глоток и едва не выплевываю этот шмурдяк на столешницу. Как могут люди пить такую гадость? Вытерев рот, я заглядываю в кладовку. Чем бы перебить мерзкий вкус винища? А, вот. Коробка крекеров. Вскрываю ее и съедаю несколько штук. Потом проверяю содержимое холодильника и готовлю себе на багете сэндвич со шварцвальдской ветчиной и чеддером с шалфеем. Никакой обычной ветчины и простого сыра в этом доме не бывает. Он слишком изысканный даже для старой доброй желтой горчицы – вместо нее мне приходится использовать шампанскую, что бы это ни было. На секунду я пугаюсь: вдруг у нее такой же вкус, как у вина, но если в ней есть алкоголь, вы могли бы меня разыграть.

Оставляя за собой крошки, я вхожу в гостиную. Кроссовки я не снял, поэтому за мной тянется еще и дорожка из комочков тающего снега. Я представляю себя сверхчеловеком. Могу видеть сквозь стены, слышать, как упала на ковер булавка. Никто не застанет меня врасплох.

Гостиная совершенно такая, какой ей полагается быть. Диваны со скрипучей кожей, повсюду стопки газет и так много пыльных книг, что, хоть у меня и нет астмы, я чувствую ее удушашущее приближение.

Здесь живут мужчина и женщина. Я сужу об этом по тому, что вижу книги о садоводстве и на каминной полке стоят маленькие стеклянные бутылочки. Интересно, наверное, хозяева сидят в этой комнате и говорят о своих детях, какими они были когда-то. Могу поспорить, эти люди завершают фразы друг за друга.

*Помнишь, Луис в Рождество нашел на подъездной дорожке кусочек фетра...
...и отнес его в школу как доказательство существования Санта-Клауса?*

Я сажусь на диван. На кофейном столике лежит пульт от телевизора, я беру его. Кладу сэндвич рядом с собой на диван и включаю развлекательную систему, а она гораздо интереснее, чем можно было бы ожидать от старика со старухой. У них целые полки, заставленные CD-дисками с любой музыкой, какую только можно вообразить. И последняя новинка техники – плоский экран HDTV.

У них и цифровой видеомаягнитофон тоже есть. Я тычу в кнопки, пока не добираться до экрана меню, на котором отображается то, что они сами записывали.

«Антикварное дорожное шоу»⁶.

«Три тенора» на Вермонтском общественном телевидении.

Куча всего с канала «История».

Еще они записали хоккейный матч и фильм, который показывали в прошлые выходные: «Миссия невыполнима – 3».

Я дважды жму на кнопку. Трудно поверить, что мистер и миссис Профессор смотрят, как Том Круз раздает пинки направо и налево, но куда там, это именно он.

Этого удовольствия я стариков не лишу, а остальное стираю.

Потом начинаю добавлять программы для записи:

«Соседка»,

«Уже можно»,

«Южный парк».

И в придачу к этому – добрая порция «Бората» с канала НВО.

Когда этот фильм вышел на экраны, его показывали в том же кинотеатре, что и «Пиратов Карибского моря – 3». Я хотел посмотреть «Бората», но мама ответила, мол, мне нужно подождать лет десять. Она купила нам билеты на «Пиратов» и сказала, что после фильма будет ждать нас на парковке, ей нужно сходить в магазин за продуктами. Джейкоб никогда бы не предложил такого, а потому я пообещал взять его с собой, если он не проговорится маме. Моего старшего брата так восхитил наш тайный стговор, что он, забыв о нарушении правил, пошел за мной, когда я после вступительных титров проскользнул в другой зал. И обещание свое сдержал – так и не сказал маме, что мы смотрели «Бората».

Она догадалась сама, когда он стал, как обычно, цитировать фразы из фильма. «Очень мило, очень мило, сколько? Я хотел бы провести время с сексом!»

Кажется, меня тогда «отстранили от полетов» на три месяца.

Перед глазами проносится мимолетное видение: миссис Профессор включает записи программ на своем видеомаягнитофоне, на экране появляются плейбоевские кролики, и у нее случается сердечный приступ. Мужа хватает удар, когда он находит свою почти бездыханную жену.

Я тут же чувствую себя дерьмом.

Стираю список программ и возвращаю на место то, что в нем было. Вот так. «Больше я в чужие дома не полезу», – обещаю себе, хотя в глубине души знаю, что это неправда. Я наркоман, но мне не нужно колоться или нюхать что-нибудь; я торчу от мест, где чувствую себя как дома.

---

⁶ «Антикварное дорожное шоу» – телепрограмма, транслируемая Би-би-си, в которой оценщики антиквариата ездят по различным регионам Великобритании.

Беру телефон, чтобы позвонить маме – пусть заберет меня, – но потом меняю решение. Здесь не должно остаться никаких следов моего пребывания. Как будто я тут вообще не был.

Так что я просто ухожу, оставив все в прежнем виде, и иду домой пешком. Это восемь миль, но я попытаюсь поймать машину, когда доберусь до шоссе.

В конце концов, родители Леона не отказались бы подвезти меня.

Оливер

Я в приподнятом настроении, так как в эту пятницу выиграл дело против свиньи.

Ну ладно, вообще-то, иск подала не свинья. Эта честь принадлежала Баффу (сокращение от Баффало – Бык, клянусь, я не выдумываю) Уингсу, мотоциклисту весом триста фунтов, который ехал на своем винтажном «харлее» по дороге в Шелбурне, когда гигантская бродячая свинья вышла с обочины дороги на середину и преградила ему путь. В результате дорожного инцидента мистер Уингс потерял глаз: он продемонстрировал свою утрату суду, приподняв черную атласную повязку, что, естественно, вызвало протест с моей стороны.

Как бы там ни было, но, выйдя из больницы, Уингс подал иск против владельца земли, по которой разгуливала без присмотра свинья. Однако дело оказалось более запутанным. Элмер Ходжкисс, владелец животного, арендовал участок у землевладелицы, живущей в Браттлборо восьмидесятилетней дамы по имени Сельма Фрак. В договор на аренду был включен особый пункт, не допускавший содержания ни домашних питомцев, ни скотины. Однако Элмер в свою защиту сказал, что завел подзапретную свинью (и в равной мере подрывных кур, если уж на то пошло), так как Сельма жила в доме престарелых и никогда не приезжала в свои владения, а значит, ее никак не могло задеть нарушение договора, о котором она ничего не знала.

Я представлял интересы Сельмы Фрак. Ее ассистентка в доме престарелых «Зеленая ива» сказала, что старушка выбрала меня своим адвокатом из-за моего объявления в «Желтых страницах»: «Оливер О. Бонд, эсквайр», с картинкой, похожей на пистолет агента 007, хотя это были мои инициалы – ООБ. «Если вам нужен адвокат, который не дрогнет и не смешается».

– Спасибо, – поблагодарил я, – я сам это придумал.

Ассистентка посмотрела на меня без всякого выражения:

– Ей понравилось, что она смогла прочесть шрифт. Большинство адвокатов печатают свои объявления очень мелко.

Несмотря на желание Баффа Уингса покрыть счета за лечение из страховки Сельмы, в мою пользу сработали две вещи:

1. Замысловатый аргумент Баффа Уингса, что Сельма должна нести ответственность, хотя она а) не знала о свинье, б) в четких выражениях запретила ее иметь и в) расторгла договор аренды с Элмером Ходжкиссом, как только узнала, что он напустил свою свинью-убийцу на местных жителей.

2. Бафф Уингс решил защищать себя в суде самостоятельно.

В опровержение доводов Уингса о нанесенном ему ущербе – эмоциональном и физическом – я привел доводы экспертов. К примеру, известно ли вам, что в Огайо живет человек, который отлично водит машину с одним глазом? Почти во всех штатах людям разрешено водить машину и даже мотоцикл, пока второй глаз в норме? И что при определенных условиях термин «слепое пятно» некорректен?

После того как судья вынес решение в нашу пользу, я проводил Сельму и ее ассистентку к лифту в здании суда.

– Ну, – сказала ассистентка, – все хорошо, что хорошо кончается.

Я посмотрел на Сельму, которая проспала большую часть процесса, и ответил:

– Все игра и забава, пока кто-нибудь не потеряет глаз. Пожалуйста, передайте мои поздравления с победой в суде миссис Фрак, – и поскакал вниз по лестнице, радостно потрясая в воздухе кулаком.

У меня стопроцентный успех во всех делах.

Не беда, что пока было всего одно.

В противовес распространенному мнению чернила на моей адвокатской лицензии уже не находятся в процессе высыхания.

На ней сохнет соус от пиццы.

Но это закономерная случайность. Раз уж мой офис находится над пиццерией и сама Мама Спатакопуолос изо дня в день преграждает мне путь вверх по лестнице, чтобы сунуть в руки тарелку со спагетти или кусок пирога с грибами и луком, а отказываться от ее угощения было бы откровенной грубостью. Прибавьте к этому, что я не могу позволить себе нормальное питание, и отвергать еду, которую мне дают бесплатно, просто глупо. Ну и еще недалеко было с моей стороны хватать что попало из стопки бумаг на столе и использовать в качестве салфетки, хотя шансы, что под руку попадет именно моя адвокатская лицензия, а не счет из китайского ресторана за еду, взятую на вынос, были невелики.

Если какой-нибудь новый клиент пожелает взглянуть на мой адвокатский сертификат, я скажу, что сдал его в багетную мастерскую и жду, когда он будет вставлен в рамку.

Естественно, как только я вхожу, Мама С. встречает меня с кальцоне:

– Вам нужно надевать шапку, Оливер.

Волосы у меня еще мокрые после душа, принятого в раздевалке старшей школы. На них появился иней.

– Вы же позаботитесь обо мне, если я схвачу пневмонию? – отшучиваюсь я.

Она смеется и сует мне коробку. Я избегаю по ступенькам и слышу бешеный лай Тора. Приоткрываю дверь, чтобы пес не вылетел наружу, и говорю:

– Уймись. Меня не было всего четверть часа, – но он бросается на меня всем своим весом в двенадцать фунтов.

Тор – маленький пудель, правда совсем не любит, когда его называют пуделем. Только услышит это слово, сразу рычит. И кто его станет за это винить? Какому псу охота быть пуделем? По-моему, так пудели могут быть только женского пола.

Я стараюсь ради него как могу. Дал ему имя великого воина. Позволяю отращивать шерсть, но, вместо того чтобы быть меньше похожим на бабу, он напоминает швабру.

Беру Тора под мышку, как футбольный мяч, и тут замечаю, что весь мой кабинет засыпан перьями.

– О черт! Что ты сделал, Тор? – Поставив пса на пол, я оцениваю взглядом разрушения. – Отлично! Спасибо тебе, могучий пес-охранник, за то, что защитил меня от моей чертовой подушки.

Я достаю из шкафа пылесос и начинаю затягивать в него перья. Сам виноват, знаю, – не убрал постель, прежде чем выбежать из дому. В настоящее время рабочий кабинет служит мне и жилищем. Это не навсегда, конечно, но вы же знаете, как дорого платить за офис и квартиру. К тому же здесь можно каждый день забегать в старшую школу: сторож там добряк и позволяет мне пользоваться душевой в раздевалке спортзала как своей собственной. Он получал от меня бесплатные советы, когда разводился, и это его благодарность.

Обычно я складываю одеяло и вместе с подушкой сую его в гардероб, а маленький тринадцатидюймовый телевизор прячу во вместительный пустой шкаф для папок. В результате, если ко мне вдруг занесет клиента, желающего воспользоваться моими услугами, у него не создается впечатление, что я неудачник.

Просто я недавно в этом городе. Вот почему большую часть времени вместо юридической практики я раскладываю скрепки на столе.

Семь лет назад я окончил Вермонтский университет с дипломом по английскому языку. Поделюсь с вами житейской мудростью, если вам интересно: нельзя заниматься английским языком в реальном мире. Какими навыками я обладал на самом деле? Мог прочитать книгу быстрее всех? Написать туманное эссе с анализом гомоэротических подтекстов в сонетах Шекспира?

Да, все это плюс полтора доллара обеспечат вам чашку кофе.

Так я пришел к выводу, что мне пора кончать с теоретической жизнью и начинать физическую. Я откликнулся на рекламное объявление в «Бёрлингтон фри пресс» и пошел в ученики к кузнецу, который подковывает лошадей. Я ездил по деревням и изучал, какой ход для лошади нормальный, а какой нет. Учился обрабатывать копыта ослам, ковать и прибивать подковы гвоздями к лошадиным копытам, опиливать их и наблюдать, чтобы животное снова шло нормально.

Мне нравилась эта работа. Приятно было чувствовать, как лошадь приваливается к моему плечу, когда я сгибаю ее ногу, чтобы осмотреть копыто. Но через четыре года наскучило. В школу права я поступил по той же причине, по которой все идут учиться на юристов: не представлял, чем еще могу заняться.

Я буду хорошим адвокатом. Может быть, даже великим. Но вот он я, мне двадцать восемь, и мой тайный страх – превратиться еще в одного парня, который всю жизнь тратит на зарабатывание денег делом, которое никогда по-настоящему не любил.

Только я поставил пылесос обратно в шкаф, раздается робкий стук в дверь. За ней стоит мужчина в комбинезоне и мнет в руках черную шерстяную шапку. От него разит дымом.

– Чем могу помочь? – спрашиваю я.

– Мне нужен адвокат.

– Это я.

Тор на диване глухо урчит. Я бросаю на него недовольный взгляд. Если он начнет распугивать моих потенциальных клиентов, я останусь без крыши над головой.

– Правда? – Мужчина всматривается в меня. – Вы что-то слишком молоды для адвоката.

– Мне двадцать восемь. Хотите взглянуть на мои водительские права?

– Нет-нет, – отвечает посетитель. – У меня... гм... проблема.

Я жестом приглашаю его в кабинет и закрываю дверь.

– Может быть, вы присядете, мистер?..

– Эш, – отвечает посетитель, устраиваясь. – Гомер Эш. Я сегодня жег сухую траву на заднем дворе, огонь вышел из-под контроля. – Он смотрит на меня, а я сажусь за стол. – И типа спалил соседский дом.

– Типа? Или спалил?

– Спалил. – Мистер Эш выпячивает подбородок. – Хотя у меня было разрешение на пал травы.

– Отлично. – Я записываю в блокноте: «ИМЕЛ ЛИЦЕНЗИЮ НА ПАЛ ТРАВЫ». – Кто-нибудь пострадал?

– Нет. Соседи там больше не живут. Построили другой дом за полем. Этот по большому счету использовали как сарай. Сосед клянется, что сдерет с меня каждый пенни, потраченный на этот дом. Вот почему я и пришел. Из всех адвокатов, к кому я обращался, вы первый, кто работает в воскресенье.

– Верно. Ну... Мне придется провести небольшое расследование, прежде чем я возьмусь за ваше дело, – говорю я, а про себя думаю: «Он сжег дом соседа. Никаких шансов на победу».

Эш достает из внутреннего кармана комбинезона фотографию и толкает ее ко мне через стол:

– Взгляните, вот эта халупа – на заднем плане, за моей женой. Сосед говорит, я должен заплатить ему двадцать пять тысяч долларов.

Я бросаю беглый взгляд на снимок. Назвать это сооружение сараем – неприкрытая лезть. По мне, так это лачуга.

– Мистер Эш, – говорю я, – думаю, мы определенно сможем снизить эту сумму до пятнадцати.

Джейкоб

Вот все причины, почему я ненавижу Марка, парня, который появился у Джесс в прошлом сентябре.

1. Иногда она плачет из-за него.

2. Однажды я заметил синяки у нее на боку и думаю, это он ей их поставил.

3. Он всегда одет в оранжевую толстовку бейсбольной команды «Бенгалс».

4. Он называет меня Шеф, хотя я много раз объяснял ему, что мое имя Джейкоб.

5. Он считает меня недоумком, хотя диагноз «умственная отсталость» ставят людям, которые набирают меньше 70 баллов в тесте IQ, а я набрал 162. По-моему, сам факт незнания Марком этого диагностического критерия показывает, что он гораздо ближе к слабоумию, чем я.

6. В прошлом месяце я встретил Марка в аптеке с другими парнями; Джесс рядом не было. Я сказал ему «привет», а он притворился, что не знает меня. Когда я поделился этой историей с Джесс и она напрямую спросила его, тот все отрицал. А следовательно, он одновременно лицемер и лжец.

Я не ожидал, что Марк будет присутствовать на сегодняшнем занятии, а потому сразу занервничал, хотя обычно в присутствии Джесс успокаиваюсь. Лучше всего я могу описать это состояние, сравнив его с попаданием в поток спущенной в унитазе воды. Ты чувствуешь, что катастрофа неминуема, ощущаешь мельчайшие брызги воды на лице. Но, даже видя эту стену несущейся на тебя воды, понимаешь, что не способен шевельнуться.

– Джейкоб! – восклицает Джесс, как только я вхожу, но вижу Марка, который сидит в кабинке в глубине зала, и от этого едва слышу ее.

– Что он делает здесь?

– Джейкоб, ты же знаешь, он мой парень. И сегодня захотел прийти. Помочь.

«Ага. А я хочу, чтобы меня протащили на волокуше и четвертовали просто так, смеха ради».

Джесс берет меня под руку. Мне потребовалось время, чтобы привыкнуть к этому, а также к запаху ее духов, несильному, но для меня это все равно цветочный передоз.

– Все будет хорошо, кроме того, мы договорились, что поработаем над дружелюбием по отношению к незнакомцам, верно?

– Я знаю Марка. И он мне не нравится.

– А мне нравится. И умение общаться отчасти состоит в том, чтобы вести себя нормально с теми, кто тебе неприятен.

– Это глупо. Мир большой. Почему нельзя просто встать и уйти?

– Потому что это грубо, – объясняет Джесс.

– А по-моему, грубо – налеплять на лицо улыбку и притворяться, что тебе приятно разговаривать с кем-то, когда на самом деле ты предпочел бы натывать себе под ногти бамбуковых зубочисток.

Джесс смеется:

– Джейкоб, однажды, когда мы проснемся в мире Абсолютной Честности, ты будешь моим наставником.

По лестнице, ведущей к входу в пиццерию, спускается какой-то мужчина. У него на поводке собака – миниатюрный пудель. Я останавливаюсь у него на пути и начинаю гладить собаку.

– Тор! Сидеть! – командует он, но пес не слушается.

– Вы знаете, что пудели не французские собаки? Вообще-то, название породы происходит от немецкого слова «Pudel», сокращения от «Pudelhund», или «плещущаяся собака». Раньше это была водяная порода.

– Я этого не знал, – говорит мужчина.

А я знаю, потому что, до того как увлекся криминалистикой, изучал собак.

– Пудель выиграл соревнования «Лучший в шоу» в Вестминстере в две тысячи втором, – добавляю я.

– Верно. Ну, этот пудель сейчас напрудит здесь, если я не выведу его на улицу, – бурчит хозяин собаки и протискивается мимо меня.

– Джейкоб, – говорит Джесс, – не стоит заговаривать с кем-то и тут же заваливать его фактами.

– Но он интересуется пуделями! У него такая собака!

– Верно, но ты мог бы начать разговор, сказав: «Привет, какая милая собачка».

– Это совсем не информативно, – фыркаю я.

– Зато вежливо...

Сперва, когда мы с Джесс только начали работать вместе, я звонил ей за несколько дней до занятия, просто чтобы проверить, состоится ли оно, – убедиться, что она не больна и у нее не появились какие-нибудь срочные, неотложные дела. Я звонил, когда меня начинали сильно беспокоить такие вопросы; иногда это случалось в три часа ночи. Если она не брала мобильный, я пугался. Однажды даже позвонил в полицию и сказал, что Джесс пропала, а оказалось, что она была на какой-то вечеринке. Наконец мы условились, что я буду звонить ей в десять вечера в четверг. Так как мы встречались по вторникам и воскресеньям, это означало, что мне не придется проводить четыре дня в тревоге, не имея от нее вестей.

На этой неделе Джесс переехала из комнаты в общежитии в профессорский дом. Ей поручили присматривать за ним, и, на мой взгляд, это напрасная трата времени. Потому что дом не станет прикасаться к раскаленной плите, тянуть в рот отраву или падать со своих собственных лестниц. Джесс проведет там целых полгода, так что на следующей неделе мы встречаемся с ней у профессора. В бумажнике у меня есть адрес, номер телефона и нарисованная ею карта, но я все равно немного нервничаю. Там, вероятно, будет пахнуть другими людьми, а не Джесс и цветами. К тому же я не знаю, как выглядит этот дом, а я ненавижу сюрпризы.

Джесс красивая, хотя и говорит, что так было не всегда. Два года назад она сильно поухудела после операции. Я видел ее фотографии, когда она была толстая. По словам Джесс, именно поэтому ей захотелось работать с детьми, которые из-за каких-то своих недостатков становятся мишенями для насмешек. Она помнит, как сама была жертвой буллинга. На фотографиях Джесс выглядит как Джесс, только запрятанная в тело кого-то большого и более пухлого. Теперь Джесс фигуристая, но только в нужных местах. У нее светлые волосы, всегда прямые, хотя ей приходится потрудиться, чтобы добиться этого. Я как-то наблюдал за ней, когда она пользовалась специальным утюжком, похожим на пресс для сэндвичей, но на самом деле он с шипением отглаживал ее влажные кудряшки и превращал их в гладкие шелковистые пряди. Когда Джесс входит в комнату, люди смотрят на нее, и мне это нравится, потому что в этом случае они не пялятся на меня.

Недавно я размышлял, не станет ли она моей девушкой.

В этом есть смысл:

1. Она видела меня два дня в одной рубашке и не придала этому значения.
2. Она получает диплом в области образования и пишет огромную работу про синдром Аспергера, так что я для нее подручный исследовательский материал.
3. Она единственная женщина, кроме моей матери, которая может положить ладонь на мою руку, и мне от этого не захочется выпрыгнуть из кожи.
4. Она завязывает волосы в хвост сама, ее даже не приходится просить.

5. У нее аллергия на манго, а я их терпеть не могу.

6. Я могу позвонить ей когда угодно, не только в четверг.

7. Я буду обращаться с ней гораздо лучше, чем Марк.

И разумеется, самая важная из всех причин:

8. Если бы у меня была девушка, я бы казался нормальным.

– Давай, – говорит Джесс, похлопывая меня по плечу, – нам с тобой нужно заняться делом. Твоя мама говорит, здесь есть безглютеновая пицца. Ее готовят на каком-то особенном тесте.

Я знаю, что такое любовь. Когда находишь человека, которого тебе суждено полюбить, в голове у тебя звенят колокольчики и взрываются фейерверки, ты не можешь подобрать слов, чтобы заговорить, и думаешь о ней постоянно. Когда находишь человека, которого тебе суждено полюбить, ты узнаешь об этом, заглянув глубоко ей в глаза.

Но для меня это главное препятствие.

Трудно объяснить, почему мне так тяжело смотреть людям в глаза. Представьте, что вы почувствуете, если вам вскроют скальпелем грудную клетку и покопаются внутри, пощупают сердце, легкие, почки. Такое же ощущение грубого внедрения вызывает у меня контакт глазами. Я сам не смотрю на других людей, так как считаю невежливым копаться в чужих мыслях, ведь глаза – они, как стекла в окнах, такие прозрачные.

Я знаю, что такое любовь, но чисто теоретически. Не ощущаю ее, как другие люди, а вычленяю: мама обнимает меня и говорит, что гордится мной; она предлагает мне последний кусочек жареной картошки, хотя сама не прочь его съесть. Если «а», значит «б». Если мама поступает так, следовательно, любит меня.

Джесс проводит со мной время, которое могла бы провести с Марком. Она никогда не злится на меня, за исключением одного-единственного случая, когда я вынул из шкафа Джесс в общежитии всю одежду и попытался разложить ее, как свою. Она смотрит «Борцов с преступностью», когда мы вместе, хотя от вида крови ее мутит.

Если «а», значит «б».

Может, поделиться сегодня с Джесс своими мыслями? Она согласится быть моей девушкой, и я больше никогда не увижу Марка.

В теории психоанализа описан прием под названием «перенос». Аналитик становится пустым экраном, на который пациент проецирует событие или чувство, пережитое в детстве. К примеру, если во время сессии пациент молчит, врач может спросить, есть ли какая-то причина, которая мешает ему делать свободные ассоциации? Не боится ли он, что его комментарии посчитают глупыми? А потом, как нетрудно догадаться, пациент теряет контроль над собой. «Так называл меня отец. Дурак». Вдруг плотину прорывает, и пациент начинает выдавать всевозможные вытесненные в подсознание детские воспоминания.

Мама никогда не называла меня глупым; тем не менее человеку, который узнает о моих чувствах к Джесс, будет довольно легко прийти к заключению, что в контексте наших отношений наставника и ученика я в нее не влюблен.

Это просто «перенос» с моей стороны.

– Среднюю безглютеновую пиццу, – говорю я гороподобной женщине за кассой; она гречанка. А если так, почему у нее итальянский ресторан? Джесс толкает меня локтем. – Пожалуйста, – добавляю я.

– Контакт глазами, – бормочет она.

Я заставляю себя взглянуть на женщину. У нее над верхней губой растут усики.

– Пожалуйста, – говорю я и протягиваю ей деньги.

Она дает мне сдачу.

– Я принесу ее, когда будет готова, – сообщает женщина и поворачивается к широкой пасти печи.

Она сует внутрь огромную лопату и ловко, будто языком слизнула, вытаскивает наружу кальцоне.

– Ну как дела в школе? – спрашивает Джесс.

– Хорошо.

– Ты сделал домашнее задание?

Она говорит не об уроках, которые я делаю всегда, а о задании по социальным навыкам. Я морщусь, вспоминая прошлое занятие.

– Не совсем.

– Джейкоб, ты обещал.

– Я не обещал. Я сказал, что попробую завести разговор с каким-нибудь своим сверстником, и я это сделал.

– Вот и отлично! – хвалит меня Джесс. – И что случилось?

Я сидел в библиотеке за компьютером. Рядом со мной устроился один парнишка – Оуэн; он ходит со мной на продвинутый класс по физике. Мальчик очень тихий и умный. Если вам интересно мое мнение, у него тоже есть признаки синдрома Аспергера. Для меня это как определить гомосексуальность по внешности человека.

От нечего делать я искал в базе данных материалы об интерпретации характера повреждений костей черепа и о том, как отличить травму после удара от травмы, полученной вследствие пулевого ранения, на основании характера концентрических трещин, распространившихся по черепу вокруг раны. Мне эта тема показалась идеальной для начала разговора. Но я вспомнил, как Джесс говорила, что не все будут потрясены встречей с живым эквивалентом крышечки от сока «Снэпл»⁷, и вместо этого сказал:

– Ты собираешься сдавать АР-тест в мае?

Оуэн. Не знаю. Наверное.

Я (с усмешкой). Ну, надеюсь, твою сперму не обнаружат!

Оуэн. Что-о-о?

Я. АР-тест – это тест на кислую фосфотазу; его проводят криминалисты, пользуясь особыми лампами, для обнаружения спермы там, где она может быть. Это не так достоверно, как ДНК, но, если попадается насильник, которому сделана вазэктомия, спермы не будет, и если у тебя есть только АР-тест и молекулярный спектроскоп на пятьсот тридцать нанометров...

Оуэн. Отвали от меня, урод.

Джесс сильно покраснела.

– Хорошая новость – то, что ты попытался завести разговор, – ровным голосом произносит она. – Это действительно большой шаг. Выбор темы для обсуждения – сперма – неудачен, но все же.

К этому моменту мы уже дошли до столика в глубине зала, где нас ждет Марк. Он жует жвачку, широко разевая рот; на нем опять эта дурацкая оранжевая толстовка.

– Привет, Шеф.

Я качаю головой и делаю шаг назад. Эта толстовка... он был не в ней, когда я только увидел его. Могу поспорить, он специально ее надел – знает, что она мне отвратительна.

– Марк, – говорит Джесс, – толстовка. Сними ее.

Он усмехается:

– Лучше ты сама это сделай, детка, – потом хватает Джесс и затаскивает ее в кабинку, почти что сажает к себе на колени.

Позвольте мне сделать отступление и сказать, что я вообще не понимаю секса. Мне не постичь, отчего у такого человека, как Марк, одержимого обменом телесными жидкостями

---

⁷ На оборотной стороне соков «Снэпл» написаны разные интересные факты; истинность некоторых из них – предмет дискуссий и даже повод для научных исследований с целью опровержения или подтверждения.

с Джесс, не вызывают такого же восторга разговоры о том, что сопли, отбеливатель и хрен могут дать ложноположительный результат в предварительном анализе на кровь. И я не понимаю, почему нейротипичные⁸ парни сами не свои до девичьих грудей. По-моему, это ужасно неудобно, когда из тебя что-то торчит вот так все время.

К счастью, Марк снимает оранжевую толстовку; Джесс ее сворачивает и кладет на стул, чтобы я не видел. Хотя, честно говоря, мне достаточно неприятно уже одно то, что она там лежит.

– Ты взяла мне с грибами? – спрашивает Марк.

– Ты знаешь, Джейкоб не любит грибов...

Я на многое готов ради Джесс, только не грибы. Если они хотя бы прикасались к краю пиццы на противоположной стороне, меня может стошнить.

Джесс вынимает из кармана мобильник и кладет его на стол. Он розовый, и в него внесены мое имя и номер. Это, вероятно, единственный телефон, в котором записано мое имя. Даже у мамы в мобильном этот номер обозначен словом «ДОМ».

Я смотрю на стол, продолжая думать о толстовке.

– Марк... – говорит Джесс, убирая его руку из-за своей спины. – Хватит. Мы не одни. – Потом обращается ко мне: – Джейкоб, давай практиковаться, пока ждем еду.

Практиковать ожидание? Зачем? Я и без того сказочно преуспел в этом.

– Когда разговор затихает, ты можешь подбросить тему, которая заставит людей продолжить беседу.

– Ага, – говорит Марк, – например: «Куриные наггетсы – не куриные и не имеют ничего общего с золотыми самородками»⁹. Дискутируйте.

– Ты не помогаешь, – бурчит Джесс. – Джейкоб, ты ждешь чего-нибудь особенного в школе на этой неделе?

Конечно. Всеобщего пренебрежения и глубокого унижения. Другими словами, ничего нового.

– На физике мне придется рассказывать всему классу о силе тяжести, – говорю я. – Оценка наполовину зависит от содержания, а наполовину от творческого подхода, и я думаю, что нашел превосходное решение.

Я долго размышлял, но, когда додумался, сам был удивлен, почему это сразу не пришло мне в голову.

– Я собираюсь спустить штаны, – сообщаю я Джесс.

Марк покатывается со смеху, и на секунду мне кажется, может, я недооценил его.

– Джейкоб, – говорит Джесс, – ты не будешь спускать штаны.

– Это прекрасно иллюстрирует закон Ньютона...

– Мне плевать, даже если это объясняет смысл жизни! Подумай о том, как это неприлично. Ты не только разозлишь учителя – над тобой станут смеяться одноклассники.

– Я не уверен, Джесс... ты же знаешь, что говорят о парнях с ЗПР... – произносит Марк.

– Ну у тебя же нет ЗПР, – с улыбкой отвечает ему Джесс. – Так что это чистая теория.

– Ты знаешь это, детка.

Я понятия не имею, о чем они говорят.

Когда Джесс станет моей девушкой, мы будем каждое воскресенье есть пиццу без грибов. Я покажу ей, как усилить контраст отпечатков пальцев на скотче, и дам почитать мои блокноты с записями о «Борцах с преступностью». Она признается, что у нее тоже есть свои слабые места вроде спрятанного в джинсах хвоста.

---

⁸ Слово «нейротипичный» широко используется аутистами в качестве ярлыка для людей, не имеющих отклонения в психическом развитии.

⁹ Первичное значение вошедшего в русский язык слова «наггетс» (*англ.* nuggets) – «золотой самородок».

Ну ладно, может быть, не хвоста. Кому охота и в самом деле иметь хвостатую подружку.

– Я хочу поговорить кое о чем... – начинаю я, и сердце у меня колотится, а ладони становятся влажными. Анализирую эти симптомы так же, как доктор Генри Ли проанализировал бы любую другую улику, и приберегаю свои выводы на будущее: приглашение девушки на свидание может вызвать изменения в сердечно-сосудистой системе. – Мне хотелось бы знать, Джесс, согласишься ли ты пойти со мной в кино в эту пятницу?

– О, Джейкоб, молодец! Мы не практиковались в этом целый месяц!

– В четверг я узнаю, что показывают. Могу посмотреть на сайте. – Я складываю салфетку в маленький квадратик. – Могу пойти в субботу, если тебе так удобнее.

По телевизору будут крутить «Борцов с преступностью» – много серий подряд, но я готов пожертвовать ими. И тем докажу, насколько серьезно я хочу начать эти отношения.

– Вот это да! – с улыбкой произносит Марк. Я чувствую на себе его взгляд. (Вот еще одна вещь, характерная для глаз: они могут жечь как лазеры, и откуда вам знать, в какой момент их включают на полную мощность? Лучше не рисковать и избегать зрительного контакта.) – Он не просто демонстрирует тебе навыки общения, Джесс. Этот недоумок приглашает тебя на свидание.

– Марк! Ради бога, не называй его...

– У меня с головой все в порядке, – обрываю ее я.

– Ты ошибаешься, – говорит Марку Джесс. – Джейкоб знает, что мы с ним просто друзья.

– Тебе, блин, деньги платят за дружбу с ним! – фыркает Марк.

Я резко встаю:

– Это правда?

Наверное, я об этом никогда не задумывался. Мама устроила мои встречи с Джесс. Я считал, что Джесс сама хочет встречаться со мной, так как: а) она пишет диплом и б) ей приятно мое общество. Но сейчас я представляю, как мать вырывает из чековой книжки очередной листок и жалуется, что нам вечно не хватает денег на все расходы. Воображаю, как Джесс вскрывает конверт в своей комнате в общежитии и сует этот чек в карман джинсов.

Я могу нарисовать в голове картинку, как Джесс ведет Марка в пиццерию и расплачивается наличными, которые сняты с банковского счета моей матери.

За богатую глютену пиццу с грибами...

– Это неправда, – возражает Джесс. – Мы с тобой друзья, Джейкоб...

– Но ты не стала бы таскаться повсюду с Форрестом Гампом, если бы не получала этот миленький чек каждый месяц, – говорит Марк.

Джесс набрасывается на него:

– Марк, уходи отсюда!

– Ты сказала то, о чем я подумал? Встаешь на его сторону?

Я начинаю раскачиваться взад-вперед.

– Младенцев не ставят в угол, – бубню я себе под нос цитату из «Грязных танцев».

– Дело не в сторонах, – говорит Джесс.

– Верно... – резко отвечает Марк, – а в приоритетах. Я зову тебя покататься на лыжах, а ты меня посылаешь...

– Я тебя не посылала. А пригласила на уже намеченную встречу, которую не могла отменить в последнюю минуту. Я уже объясняла тебе, как важны планы для человека с синдромом Аспергера.

Джесс хватается за руку, но он отмахивается от нее:

– Это все чушь! Я так сделаю гребаной матерью Терезой.

Марк сердито выходит из пиццерии. Не понимаю, что в нем нравится Джесс. Он учится в школе бизнеса и много играет в хоккей. Но когда он появляется рядом, разговор всегда должен идти о нем, и я не знаю, почему все хорошо, когда говорит Марк, а не я.

Джесс кладет голову на скрещенные руки. Волосы рассыпались по плечам, как накидка. Судя по тому, как вздрагивают ее плечи, она плачет.

– Анни Салливан, – произношу я.

– Что? – Джесс поднимает лицо; глаза у нее красные.

– Мать Тереза спасала бедных и больных, а я не бедный и не больной. Анни Салливан более подходящий пример – она известный учитель.

– О боже! – Джесс утыкается лицом в ладони. – Я не могу с этим справиться.

В разговоре возникает пауза, и я заполняю ее:

– Так теперь ты свободна в пятницу?

– Ты шутишь.

Я обдумываю ее слова. Вообще-то, я всегда серьезен. Обычно меня обвиняют в отсутствии чувства юмора, хотя оно у меня есть.

– Тебе не важно, что Марк – первый парень, который сказал мне, что я симпатичная? И что я по-настоящему люблю его? – Голос Джесс повышается, каждое слово взбирается на новую ступеньку лестницы. – Тебя вообще волновало когда-нибудь, счастлива ли я?

– Нет... нет... и да. – Я начинаю волноваться. Почему она спрашивает меня о таких вещах? Марк ушел, и мы можем вернуться к нашему делу. – Поэтому я составил список того, что люди говорят, когда на самом деле хотят сказать, что устали тебя слушать, но я не знаю, правильный ли он. Можешь проверить?

– Боже мой, Джейкоб! – восклицает Джесс. – Уйди с глаз моих!

Слова ее огромны и заполняют всю пиццерию. Все смотрят на нас.

– Я должна поговорить с ним. – Джесс встает.

– Но как же мое занятие?

– А ты подумай о том, чему научился, – говорит она, – а потом возвращайся ко мне.

С этими словами Джесс выходит из ресторана, оставляя меня одного за столом.

Хозяйка заведения приносит пиццу, которую мне теперь придется есть в одиночку.

– Надеюсь, ты проголодался.

Нет. Но я все равно беру кусок, откусываю от него и глотаю. На вкус – чистый картон.

Розовый предмет подмигивает мне из-за салфетницы. Джесс оставила свой телефон. Я бы позвонил ей и сказал, что он у меня, но, очевидно, это не работает.

Кладу телефон в карман и делаю мысленную заметку: принести его Джесс, когда мы встретимся во вторник и я разгадаю, чему должен был научиться.

Уже больше десяти лет мы получаем на Рождество открытку от какой-то незнакомой семьи. Она адресована Дженнингсам, которые жили в нашем доме до нас. На открытке обычно какая-нибудь заснеженная сценка, а внутри напечатано золотыми буквами: «СЧАСТЛИВЫХ ПРАЗДНИКОВ. С ЛЮБОВЬЮ, ШТЕЙНБЕРГИ».

Штейнберги обычно добавляют к открытке ксерокопию письма, где перечислено, что произошло с ними за год. Я прочел об их дочери Саре, которая после занятий гимнастикой была принята в колледж Вассара, потом поступила на работу в консалтинговую фирму, уехала в ашрам в Индии и взяла приемного ребенка. Я узнал, что великолепная карьера Марти Штейнберга оборвалась на фирме братьев Лехман и он испытал шок, оказавшись без работы в 2008-м, когда компания закрылась, а потом взялся вести курс для начинающих предпринимателей в местном колледже северной части штата Нью-Йорк. Я увидел, как Вики, его жена, из сидевшей с детьми домохозяйки превратилась в предпринимательницу, продающую печенье с изображениями породистых собак. Один раз были даже приложены образцы! В этом году Марти взял отпуск, и они с Вики отправились в круиз по Атлантике: очевидно, осуществление мечты всей жизни теперь стало возможным, так как «Eukanuba» – компания по производству кормов для собак и кошек – купила фирму Вики. Сара и ее партнерша Инес поженились в Калифорнии, и

в письме была фотография теперь уже трехлетней Райты в образе девочки-цветочницы, осыпающей лепестками роз путь новобрачных.

Каждое Рождество я пытаюсь добраться до письма Штейнбергов раньше мамы. Она бросает их в мусорную корзину, говоря что-нибудь вроде: «Эти люди когда-нибудь задумаются, почему Дженнингсы никогда им не отвечают?» Я выуживаю из мусора открытку и кладу ее в обувную коробку, которую зарезервировал в своем шкафу специально для Штейнбергов.

Не знаю, почему мне так приятно читать их праздничные послания; такое же чувство возникает у меня, когда я лежу под грудой высушенного чистого белья или беру словарь и прочитываю все слова на одну букву зараз. Однако сегодня, вернувшись со встречи с Джесс, я с трудом выдерживаю обязательный разговор с мамой (Она: «Как прошло?» Я: «Нормально») и сразу иду в свою комнату. Как наркоман, которому нужна доза, я достаю письма Штейнбергов и перечитываю их все, одно за другим, начиная с самого старого.

Мне становится немного легче дышать, и, закрывая глаза, я не вижу лица Джесс на внутренней стороне век, зернистого, как рисунок на волшебном экране с алюминиевым порошком. Это напоминает криптограмму, где буква «А» на самом деле означает «М», а «С» – «З» и так далее, как будто главный смысл заключен в изгибе ее губ и смешных звуках, которые проскакивали в голосе, а не в том, что она на самом деле сказала.

Я ложусь на кровать и представляю, как появляюсь на пороге дома Сары и Инес.

«Вот приятная встреча, – сказал бы я. – Вы совсем такие, какими я вас себе представлял».

В моем воображении Вики и Марти сидят на палубе яхты. Марти потягивает мартини, а Вики пишет открытку, на лицевой стороне которой изображена столица Мальты Ла-Валетта.

Она выводит: «Хотелось бы, чтобы ты побывал здесь». И на этот раз адресует свои слова лично мне.

Эмма

Никто не мечтает вырасти и давать полезные советы со страниц местной газетенки.

Втайне мы все читаем эти колонки. Кто из вас не проглядывал их? Но зарабатывать себе на жизнь, копаясь в проблемах других людей... Нет уж, увольте!

Я думала, что к этому моменту уже стану настоящей писательницей. Мои книги войдут в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс», и интеллектуалы будут превозносить меня за способность в книгах для массового читателя вести разговор о важных проблемах. Как многие желающие приобщиться к писательскому цеху, я пошла обходным путем – через редактирование, в моем случае – учебных пособий. Мне нравилось править тексты. В этом занятии всегда есть верный и неверный ответы. И я предполагала, что вернусь на работу, когда Джейкоб пойдет в школу на полный день, но это было до того, как я узнала, что быть борцом за образование для своего сына-аутиста – это профессиональная деятельность, которая одна занимает сорок часов в неделю. Приходилось отстаивать необходимость всевозможных форм адаптации и бдительно их отслеживать: разрешение выходить из класса, когда обстановка там становится слишком тяжелой для Джейкоба; сенсорная комната отдыха; специалист-практик, который помог бы ему в начальной школе излагать свои мысли письменно; индивидуальный учебный план; школьный психолог, который не выкатывал бы глаза каждый раз, как Джейкоб срывался.

По ночам я занималась редактурой: тексты давал симпатизирующий мне бывший начальник, но этого не хватало на содержание семьи. И вот когда «Бёрлингтон фри пресс» устроила конкурс на текст для новой колонки, я написала кое-что. О фотографии, шахматах или садоводстве я мало что знала, а потому выбрала хорошо мне знакомую тему – воспитание детей. В моей первой статье обсуждался вопрос: почему, как бы мы, матери, ни старались, мы всегда чувствуем, что делаем недостаточно?

В ответ на мое пробное эссе в редакцию газеты поступило три сотни писем, и я вдруг стала экспертом по этому вопросу. Дальше пошли советы тем, у кого детей нет; тем, кто хочет их иметь, и тем, кто не хочет. Количество подписчиков увеличилось, когда моя колонка стала появляться на страницах газеты не один, а два раза в неделю. И самое замечательное здесь то, что все эти люди, доверяющие мне разбираться в своих несчастливых жизнях, полагают, будто у меня есть ключ к разрешению проблем в моей собственной.

Сегодняшний вопрос пришел из города Уоррена в Вермонте.

Помогите! Мой восхитительный, вежливый, милый двенадцатилетний мальчик превратился в монстра. Я пыталась наказывать его, но это не сработало. Почему он так ведет себя?

Я наклоняюсь над клавиатурой и начинаю печатать:

Когда ребенок плохо себя ведет, его толкает на это какая-то более глубокая причина. Разумеется, вы можете лишить его удовольствий, но это все равно что заклеить лейкопластырем зияющую рану. Вы должны действовать как детектив и выяснить, что на самом деле расстраивает его.

Я перечитала написанное и удалила весь текст. Кого я обманываю?

Ну, очевидно, всю бёрлингтонскую округу.

Мой сын по ночам убегает из дому на места преступлений – и я нуждаюсь в своих советах на этот счет? Нет.

От мыслей о собственном двуличии меня отрывает телефонный звонок. Сейчас вечер понедельника, чуть больше восьми часов, и я решаю, что звонят Тэо. Он берет трубку наверху, но через мгновение появляется на кухне:

– Это тебя.

Тэо ждет, пока я не возьму трубку, и скрывается в святилище своей спальни.

– Слушаю, – говорю я в трубку.

– Мисс Хант? Это Джек Торнтон... Учитель математики Джейкоба.

Я внутренне морщусь. Есть учителя, замечающие, что в Джейкобе больше хорошего, чем плохого, несмотря на все его причуды, и есть другие, которые не принимают его и даже не пытаются. Джек Торнтон ожидал, что Джейкоб станет великим математиком, хотя это не всегда случается с людьми, у которых синдром Аспергера, что бы там ни думали в Голливуде. Но в результате раздражался на ученика, у которого корявый почерк, который путает цифры при счете и слишком педантичен, чтобы постичь некоторые теоретические концепты математики, например мнимые числа и матрицы.

Если мне звонит Джек Торнтон, добра не жди.

– Джейкоб рассказал вам, что случилось сегодня?

Джейкоб о чем-то упоминал? Нет, я бы запомнила. Но ведь он мог и не признаться, пока его не спросят напрямую. Скорее я догадалась бы по его поведению, которое немного отличалось бы от обычного. Как правило, если Джейкоб начинает совершать навязчивые движения, чрезмерно замкнут или, наоборот, слишком разговорчив и возбужден, я понимаю: что-то не так. В таких вещах я разбираюсь лучше любого эксперта-криминалиста; Джейкобу это невдомек.

– Я вызвал Джейкоба к доске и попросил записать свой ответ из домашней работы, – объясняет Торнтон, – и, когда я сказал, что он написал неряшливо, Джейкоб толкнул меня.

– Толкнул вас?

– Да. Представьте реакцию остальных учеников.

Ну, это объясняет, почему я не вижу ничего подозрительного в поведении Джейкоба. Если класс засмеялся, он наверняка решил, что поступил правильно.

– Простите. Я с ним поговорю.

Не успеваю я повесить трубку, как на кухню заходит Джейкоб. Он достает коробку с молоком из холодильника.

– Сегодня на уроке математики ничего не случилось?

Глаза Джейкоба расширяются.

– Тебе не вынести правды, – говорит он замогильным голосом, подражая Джеку Николсону, и это верный признак испытываемой неловкости.

– Я только что говорила с мистером Торнтоном. Джейкоб, нельзя толкать учителей.

– Он первый начал.

– Он тебя не толкал!

– Нет, но он сказал: «Джейкоб, мой трехлетний сын может написать аккуратнее тебя». А ты сама всегда говоришь: если кто-то насмехается надо мной, я должен постоять за себя.

Это правда, я действительно говорила такое Джейкобу. И в глубине души радуюсь, что он по своей инициативе взаимодействовал с другим человеком, пусть даже это взаимодействие не было социально приемлемым.

Мир для Джейкоба по-настоящему черно-белый. Однажды, когда он был моложе, звонил учитель физкультуры, потому что у Джейкоба случился нервный срыв во время урока: дети играли в пятнашки и один ребенок бросил в него большой красный мяч. «В людей нельзя бросать вещи, – заливаясь слезами, твердил Джейкоб. – Это правило!»

Почему правило, которое работает в одной ситуации, не соблюдается в другой? Если его кто-нибудь обижает и я говорю, что отплатить обидчику тем же – это нормально, потому что иногда только так от них можно отделаться, почему он не может поступить так же с учителем, который публично его унизил?

– Учителя заслуживают уважения, – объясняю я.

– Почему уважение достается им просто так, когда остальным приходится его добиваться?

Я моргаю и молча гляжу на сына. «Потому что мир несправедлив», – думаю я про себя, но Джейкобу это известно лучше, чем большинству из нас.

– Ты злишься на меня? – Он невозмутимо протягивает руку за стаканом и наливает себе немного соевого молока.

Я думаю, больше всего мне не хватает в сыне именно этого атрибута нормальности – эмпатии. Он тревожится, как бы не задеть мои чувства, не расстроить меня, но это не то глубинное сопереживание чьей-то боли. За долгие годы он научился эмпатии, как я могла бы выучить греческий, – переводя образ или ситуацию в расчетную палату своего мозга и пытаюсь присоединить к ним подходящие чувства, – но так и не обрел беглости в этом языке эмоций.

Прошлой весной мы покупали в аптеке для Джейкоба одно из лекарств по рецепту, и я заметила стойку с открытками ко Дню матери.

– Мне бы хотелось, чтобы ты хоть раз купил мне такую, – сказала я.

– Зачем?

– Чтобы я знала, что ты меня любишь.

Он пожал плечами:

– Ты и так это знаешь.

– Но мне было бы приятно проснуться в День матери и, как все остальные матери в нашей стране, получить открытку от сына.

Джейкоб задумался:

– А когда День матери?

Я сказал ему и не вспоминала об этом разговоре, пока не наступило 10 мая. Спустившись в тот день на кухню, я принялась, как обычно, заваривать себе воскресный кофе и увидела прислоненный к графину с водой конверт. В нем была открытка «С Днем матери!».

На ней не было ни слов «Дорогой маме», ни подписи. К ней вообще ничего не было добавлено. Джейкоб сделал ровно то, что я сказала, и ничего больше.

В тот день я села за кухонный стол и рассмеялась. И хохотала до слез.

Теперь я смотрю на своего сына, который не смотрит на меня, и говорю:

– Нет, Джейкоб, я не сержусь на тебя.

Однажды, когда Джейкобу было семь, мы шли по проходу в магазине игрушек в Уиллестоне, и вдруг из-за торца стеллажей выскочил маленький мальчик в маске Дарта Вейдера, размахивая световым мечом. «Ба-бах, ты убит!» – крикнул он, и Джейкоб ему поверил. Он начал кричать и раскачиваться, а потом смахнул рукой игрушки с полки. Ему нужно было убедиться, что он не призрак и все еще может оказывать воздействие на этот мир. Сын крутился и махал руками, топтал сброшенные на пол коробки и убежал от меня.

Когда я поймала его в отсеке с куклами, он совершенно не контролировал себя. Я пыталась петь ему. Кричала, чтобы он отреагировал на мой голос. Но Джейкоб находился в своем маленьком мире, и успокоить его я смогла только одним способом – превратившись в одеяло, придавив его, широко раскинувшего руки и ноги, своим телом к кафельным плиткам пола.

К этому моменту была вызвана полиция по подозрению в насилии над ребенком.

Пришлось минут пятнадцать объяснять полицейским, что мой сын аутист и я не пыталась нанести ему увечье, а хотела лишь успокоить.

С тех пор я не раз задумывалась, что случилось бы, если бы Джейкоба на улице остановили полицейские, например, когда он один в воскресенье едет на велосипеде к Джесс? Как и другие родители детей-аутистов, я последовала советам интернет-форумов: в бумажнике Джейкоба лежит карточка, в которой говорится, что он аутист, и это должно объяснить служителю порядка поведение Джейкоба: скрытые аффекты, неспособность смотреть в глаза, даже реакцию «бей или беги» – все это признаки синдрома Аспергера. И тем не менее я не

раз с тревогой размышляла, что произойдет, если полиция столкнется с парнем ростом шесть футов и весом сто восемьдесят пять фунтов, который явно не контролирует свои действия и при этом запускает руку в задний карман брюк? Дождутся ли они, пока он достанет свое удостоверение личности, или выстрел прозвучит раньше?

Отчасти из-за этого Джейкобу запрещено садиться за руль. Он выучил правила дорожного движения в пятнадцать лет, и я не сомневаюсь, что он будет выполнять их так, будто от этого зависит его жизнь. Но вдруг его прижмет к тротуару дорожный патруль? «Вы в курсе, что делали?» – спросит полицейский. «Вел машину», – ответит Джейкоб. И его тут же возьмут на заметку как «умника», хотя на самом деле он просто ответил на вопрос буквально.

Если полицейский поинтересуется, проезжал ли Джейкоб на красный свет, тот ответит «да», даже если это случилось полгода назад, когда этого дорожного инспектора нигде и поблизости не было.

Я воздерживаюсь от того, чтобы спрашивать сына, не выглядит ли мой зад слишком толстым в каких-нибудь джинсах, ведь он скажет правду. Полицейский же, не зная этой особенности Джейкоба, не сможет верно оценить правдивость его ответа.

Но в любом случае маловероятно, что его остановят, когда он едет на велосипеде по городу, разве что от жалости, ведь на улице такой холод.

Я уже давно перестала спрашивать Джейкоба, не хочет ли он, чтобы я его подвезла. Температура воздуха значит для него гораздо меньше, чем независимость.

Притащив корзину с выстиранным бельем в комнату Джейкоба, я кладу его сложенную одежду на кровать. Когда он вернется домой из школы, сам разложит ее, расправив воротнички и рассортировав трусы по рисункам (полосатые, однотонные, в горошек). На его столе стоит перевернутый аквариум, а под ним – подогреватель для кофейной чашки, тарелочка из фольги и тюбик моей помады. Со вздохом я приподнимаю камеру для «обкуривания» отпечатков пальцев и забираю свою помаду, очень осторожно, чтобы не сдвинуть с мест остальные вещи, установленные идеально ровно.

В комнате Джейкоба царит атомарный порядок, как на картинках из «Архитектурного дайджеста»: все на своих местах, постель аккуратно заправлена, карандаши лежат на столе под четкими прямыми углами к линиям древесного рисунка. Комната Джейкоба – это место, где энтропия гибнет.

С другой стороны, Тэо устраивает такой беспорядок, что хватается за них обоим. Мне с трудом удается пробраться через завалы грязной одежды на его ковре, и когда я ставлю корзину с бельем на кровать Тэо, что-то скрипит. Его вещи я тоже не раскладываю по местам, но это потому, что мне невыносимо видеть ящики, в беспорядке забитые одеждой, которая, и я это прекрасно помню, была аккуратно сложена мной после стирки.

Я окидываю комнату взглядом и замечаю стакан, внутри которого расцвела зеленая плесень, а рядом с ним – баночку с недоеденным йогуртом. Я ставлю их в пустую корзину, прежде чем спускаться вниз, и в приливе доброты пытаюсь придать постели сына некое подобие порядка. Я встряхиваю подушку, чтобы расправить наволочку, и вдруг на ногу мне падает пластиковая коробка.

Это игра под названием «Наруто», в ней мультяшный персонаж в стиле манга размахивает мечом.

В нее играют на приставке «Wii», а у нас такой никогда не было.

Можно спросить Тэо, откуда у него эта штука, но что-то подсказывает мне: ответ будет неприятным. Особенно после выходных, когда я узнала, что Джейкоб уходит из дому по ночам. И вчерашнего вечернего звонка учителя математики, который сообщил о вызывающем поведении Джейкоба на уроке.

Иногда я думаю, что человеческое сердце – это полка с ограниченным количеством места; если навалить на нее больше, чем умещается, что-нибудь обязательно упадет с края и придется собирать осколки.

Мгновение я смотрю на коробочку с игрой, а потом сую ее обратно в наволочку Тэо и выхожу из комнаты.

Тэо

Я научил брата не давать себя в обиду.

Мне тогда было одиннадцать, а ему четырнадцать. Я лазил по горке на детской площадке, а Джейкоб сидел на траве и читал биографию Эдмона Локара, отца анализа отпечатков пальцев, которую библиотекарша приобрела специально для него. Мама была на одном из бесчисленных собраний для родителей детей с индивидуальными учебными планами; ей нужно было удостовериться, что в школе Джейкобу так же комфортно и безопасно, как дома.

Очевидно, про игровые площадки там не говорили.

Двое пацанов с невероятно клевыми скейтами делали трюки на ступеньках и вдруг заметили Джейкоба. Они подошли к нему, и один выхватил у него из рук книгу.

– Она моя, – сказал Джейкоб.

– Так возьми ее, – ответил пацан и бросил книгу своему другу, а тот – обратно.

Они стали играть с Джейкобом «в собачку», а он метался между ними. Но Джейкоб от природы совсем не атлет, и ему было не перехватить книгу.

– Она библиотечная, кретины, – сказал он, как будто это что-то меняло. – Вы ее испортите!

– Какая жалость! – Один из парней бросил книгу в лужу.

– Спасай ее! – крикнул его приятель, и Джейкоб полез в грязь.

Я окликнул его, но было поздно. Один из парней сделал подсечку, и Джейкоб упал лицом в лужу. Потом сел, промокший насквозь, отплевываясь от грязи.

– Почитай теперь, придурок, – сказал первый парень, они оба захохотали и укатили на своих скейтах.

Джейкоб не двигался. Он сидел в луже и прижимал к груди книгу.

– Вставай, – сказал я и протянул ему руку.

Джейкоб, пыхтя, поднялся. Попытался перевернуть страницу в книге, но они все слиплись от грязи.

– Она высохнет. Хочешь, я схожу за мамой?

Брат покачал головой:

– Мама разозлится на меня.

– Нет, не разозлится, – возразил я, хотя он, вероятно, был прав. Одежда его вымокла и была вся в грязи. – Джейкоб, тебе нужно научиться давать сдачи. Делай то же, что они, только в десять раз хуже.

– Толкнуть их в грязь?

– Ну нет. Ты можешь просто... Я не знаю. Обзывать.

– Их зовут Шин и Амаль, – сказал Джейкоб.

– Не так. Попробуй сказать им: «Ты, тупорылый» или «Отрежь себе яйца, хрен собачий».

– Это ругательства.

– Ага. Но в следующий раз они еще подумают, прежде чем лезть к тебе.

Джейкоб начал раскачиваться:

– Во время вьетнамской войны дикторы Би-би-си беспокоились, как им произносить название разбомбленной деревни – Пуок-Ме, чтобы не оскорбить слушателей. Было решено использовать вместо этого название соседней деревни. К несчастью, это была Бан-Ме-Туот¹⁰.

– Ну, тогда в следующий раз, когда тебя толкнут лицом в грязь, кричи названия вьетнамских деревень.

---

¹⁰ В марте 1975 г. при Бан-Ме-Туот состоялось одно из решающих сражений вьетнамской войны, приведшее к полному поражению Южного Вьетнама, который поддерживали США.

– «Я достану тебя, красавица, и твою маленькую собачку тоже!»¹¹ – процитировал Джейкоб.

– Может, стоит попробовать что-нибудь чуть более brutальное? – предложил я.

Он на мгновение задумался.

– «Йиппи-кай-эй, ублюдо!»¹²

– Отлично. Значит, когда в следующий раз кто-нибудь выхватит у тебя книгу, что ты скажешь?

– Гребаный осел, дай сюда!

Я захохотал:

– Джейкоб, да у тебя, похоже, дар к этому.

Честно, я не собирался залезать ни в какой другой дом. Но во вторник у меня выдался на редкость паршивый день в школе. Сперва я получил 79 баллов за контрольную по математике – это тройка, а я никогда не получал троек; во-вторых, у меня одного из всего класса не разрослись дрожжи для лабораторной по биологии, и, в-третьих, кажется, я простудился. Я ухожу с последнего урока, хочется просто забраться под одеяло и лежать в кровати с чашкой чая. Вообще, именно эта тяга выпить чая заставляет меня вспомнить о профессорском доме, где я был на прошлой неделе. И надо же, какая удача, я нахожусь всего в трех кварталах от него, когда мне в голову приходит эта мысль.

В доме по-прежнему никого, и мне даже не приходится вскрывать заднюю дверь: она оставлена незапертой. Трость так и стоит у стены в прихожей, и все та же толстовка висит на крючке, но появились шерстяное пальто и пара грубых ботинок. Кто-то допил бутылку красного вина. На столе – стереосистема, которой не было на прошлой неделе, и розовый айпод «Нано» заряжается на подставке.

Я нажимаю кнопку включения и вижу, что загружен клип Ни-Йо.

Либо это самые хипповые профессор с профессоршей на свете, либо их внукам нужно перестать разбрасывать повсюду мусор.

На плите стоит чайник. Я доливаю в него воды, ставлю греться, а сам роюсь в шкафчике в поисках пакетика с чаем. Они притаились на полке позади рулона фольги. Я выбираю «Манговое безумие» и, пока вода кипит, смотрю, что есть в айпode. Моя мама едва научилась пользоваться приложением iTunes, а здесь какой-то пожилой профессор с супругой рубят в новейших технологиях.

Наверное, они вовсе не старые. Я представил их такими, но, может быть, палка в прихожей – это для артроскопической операции, потому что профессор играет в хоккей по выходным и повредил колено, защищая ворота как голкипер. Может быть, хозяйка этого дома одного возраста с мамой, а толстовка принадлежит их дочери, моей ровеснице. Может, она ходит в мою школу. Или даже сидит рядом со мной на биологии.

Я сую айпод в карман, наливаю в чашку воду из свистящего чайника и тут слышу, что где-то наверху льется вода в душе.

Забыв о чае, я пробираюсь в гостиную, крадусь мимо чудовищной развлекательной системы и дальше вверх по лестнице.

Звук текущей воды доносится из гигантского размера ванной комнаты.

Кровать не застелена. На ней лоскутное одеяло, расшитое розами, а на стуле лежит стопка одежды. Я беру в руки кружевной лифчик, провожу пальцами по бретелькам...

И тут замечаю, что дверь в ванную, вообще-то, открыта и мне видно отражающуюся в зеркале душевую кабинку.

За последние тридцать секунд день мой стал заметно лучше.

---

¹¹ Цитата из мультфильма «Волшебник страны Оз».

¹² Цитата из фильма «Крепкий орешек».

Вода льется потоком, так что я различаю формы тела, только когда она поворачивается, и вижу, что волосы у нее до плеч. Она мурлычет что-то себе под нос, причем абсолютно фальшиво. «Повернись, – мысленно молю я. – Лицом ко мне».

– О черт! – произносит женщина и вдруг открывает дверцу душа.

Я вижу руку, которая вслепую ищет полотенце, висящее на крючке рядом с кабинкой, берет его край, вытирает им глаза. Я задерживаю дыхание, не отрывая взгляда от ее плеча. Ее груди.

Все еще моргая, она выпускает полотенце и поворачивается.

В это мгновение наши глаза встречаются.

Джейкоб

Люди постоянно говорят такие вещи, которых не имеют в виду, а нейротипики все равно умудряются уловить в них какой-нибудь подтекст. Возьмем, к примеру, Мими Шек из школы. Она сказала, что умерла бы, если бы Пол Макграт не пригласил ее на рождественский бал, хотя на самом деле Мими не умерла бы, а просто сильно расстроилась. Или Тэо иногда хлопает своего приятеля по плечу и говорит: «Иди ты!», хотя на самом деле хочет, чтобы тот продолжал рассказ. Или как в тот раз, когда у нас лопнула шина на шоссе и мама сказала: «Вот здорово», притом что тут явно не было ничего хорошего, это была колоссальная проблема.

Так, может, когда Джесс велела мне в воскресенье «уйти с глаз», она на самом деле имела в виду что-то другое?

Кажется, я умираю от спинномозгового менингита. Головная боль, спутанность сознания, одеревенелость шеи, высокая температура. У меня два симптома из четырех. Не знаю, просить ли маму, чтобы отвезла меня на поясничную пункцию, или просто терпеть, пока не помру. На всякий случай я уже приготовил записку с объяснением, в какой одежде хотел бы лежать в гробу.

В равной степени возможно, что у меня так сильно болит голова и не гнется шея, оттого что с воскресенья, когда в последний раз виделся с Джесс, я почти не сплю.

Она не прислала мне заранее фотографию своего нового дома, как обещала. Вчера я отправил ей сорок восемь электронных писем с напоминаниями, и Джесс не ответила ни на одно. Позвонить ей и попросить, чтобы она скинула мне фотографию, я не могу, так как ее телефон до сих пор у меня.

Вчера около четырех часов утра я спросил себя, что сделал бы доктор Генри Ли, столкнувшись со следующими фактами:

1. Фотографии по электронной почте не пришли.
2. Все мои сорок восемь писем остались без ответа.

Гипотеза первая. Электронный почтовый ящик Джесс не работает, что маловероятно, так как он соединен со всей сетью Вермонтского университета. Гипотеза вторая. Джесс не хочет со мной общаться, что является признаком злости или недовольства (смотри выше: «Уйди с глаз моих»). Но в этом нет смысла, раз она особо подчеркнула на нашем последнем занятии, что я должен рассказать ей, чему научился... а это подразумевает новую встречу.

Между прочим, я составил список того, чему научился на нашем последнем занятии:

1. Безглютеновая пицца несъедобна.
2. Джесс не может пойти в кино вечером в эту пятницу.
3. Ее телефон чирикает как птичка, когда отключаешь его.
4. Марк – тупой идиот. Хотя, честно говоря, это: а) не стоит упоминания и б) я и так знаю.

В школу я сегодня пошел, несмотря на ужасное самочувствие, только потому, что, если бы остался дома, мама непустила бы меня на занятие с Джесс, а я не могу не пойти. Нужно отдать ей телефон хотя бы. И если я встречу с ней лицом к лицу, то спрошу, почему она не отвечала на мои письма.

Обычно в кампус университета, который расположен всего в полумиле от школы, меня отводит Тэо. И оставляет у комнаты Джесс. Дверь всегда не заперта специально для меня, чтобы я мог подождать, пока хозяйка не вернется с лекции по антропологии. Иногда в ожидании Джесс я делаю уроки, а иногда разглядываю бумаги на ее столе. Однажды я обрызгался ее духами и до конца дня ходил и пах, как она. Затем появляется Джесс, и мы отправляемся заниматься в библиотеку, студенческий клуб или кафе на Черч-стрит.

До комнаты Джесс в общаге я мог бы добраться даже в коматозном состоянии, но сегодня, когда мне действительно нужна помощь в поиске нового места наших встреч, Тэо, как назло,

ушел из школы раньше, потому что заболел. Он отыскал меня после шестого урока и сказал, что чувствует себя дерьмово и потащился домой умирать.

– Не надо, – ответил ему я, – мама расстроится.

Моим первым порывом было спросить брата, как же я найду дом Джесс, если он уходит, но потом я вспомнил ее слова: не все в этом мире вращается вокруг тебя, и умение примерить на себя чужие ботинки – это часть социального взаимодействия. Не в буквальном смысле. Ботинки Тэо мне будут малы. Он носит размер десять с половиной, а я двенадцатый. Я желаю Тэо, чтобы он поправился, и иду к консультанту по навигации в городе миссис Гренвиль. Мы изучаем карту, которую дала мне Джесс, и решаем, что мне нужно сесть на автобус Н-5 и выйти на третьей остановке. Миссис Гренвиль даже рисует фломастером маршрут от остановки до дома.

Оказывается, карта Джесс очень хорошая, хотя она не начерчена в масштабе. Выйдя из автобуса, я сворачиваю направо у пожарного гидранта, отсчитываю шесть зданий по левой стороне. Новое жилище Джесс – старый кирпичный дом, обросший по бокам плющом. Интересно, знает ли она, что побеги плюща способны разламывать известковый раствор и кирпич? Рассказать ей об этом? Если бы кто-нибудь сообщил такой факт мне, я лежал бы ночью в постели и думал, не развалится ли на куски мой дом.

Я все еще очень нервничаю, нажимая на кнопку дверного звонка, потому что никогда не был внутри этого дома, и все кости у меня как будто превратились в желе.

Никто не отзывается, тогда я подхожу к дому сзади.

Смотрю на снег и запоминаю то, что вижу, но это на самом деле не важно, так как дверь не заперта, а значит, Джесс ждет меня. Я сразу успокаиваюсь: это как с ее комнатой в общежитии – я войду и подожду, а когда она вернется, все снова будет нормально.

Джесс злилась на меня всего два раза, и в обоих случаях повод возникал, пока я ждал ее появления. В первый раз я вынул из шкафа всю ее одежду и разложил по электромагнитному цветовому спектру, как свою. Во второй – сел за ее стол и заметил проблему в вычислениях, которые она делала. Джесс решила часть задачи неверно, и я исправил ошибки.

Благодаря Тэо я понял, что правила насилия основаны на угрозе. Если существует реальная проблема, есть только два решения:

1. Ответный удар, возмездие.
2. Открытое столкновение, конфронтация.

Из-за этого у меня самого возникали проблемы.

Я был отправлен в кабинет директора за то, что ударил мальчика, который бросил в меня бумажный самолетик на уроке английского. Когда Тэо помешал завершению моего криминалистического эксперимента, я пошел в его комнату и ножницами изрезал на куски его коллекцию комиксов. Однажды в восьмом классе я узнал, что некоторые ребята смеются надо мной, и, будто кто-то шелкнул внутри меня электрическим выключателем, страшно разъярился. Я забился в угол в школьной библиотеке и составил список одноклассников, которых ненавижу, и какой смерти им желаю: заколоть ножом в раздевалке, подложить бомбу в шкафчик, добавить цианида в диетическую колу. Как аспергианец по натуре, я фанатично организован в одних вещах и совершенно дезорганизован в других и, к счастью, потерял этот листок. Я решил, что кто-то, вероятно я сам, выбросил его, но учитель истории нашел мой черный список и отдал директору, а тот вызвал в школу маму.

Она ругалась на меня целых семьдесят девять минут, в основном говорила, как ее расстроил мой поступок, а потом рассердилась еще сильнее, потому что я никак не мог понять, чем ее так сильно задела мои действия. Тогда мама взяла десять моих блокнотов с записями про «Борцов с преступностью» и запустила их в шредер страницу за страницей, и вдруг до меня дошло с предельной ясностью. Я так разозлился, что ночью высыпал маме на голову всю резаную бумагу из шредера.

К счастью, меня не отстранили от занятий – администрация школы хорошо знала, что я не представляю угрозы для общественной безопасности, – но преподанного матерью урока хватило, чтобы я осознал, почему мне больше не стоит делать ничего подобного.

Все это я говорю, чтобы объяснить: импульсивность – неотъемлемая часть синдрома Аспергера.

И это всегда плохо кончается.

Эмма

Мне разрешили работать над своей колонкой дома, но каждый вторник я должна рысью бежать в центр города на встречу с редактором. Обычно это превращается в психотерапевтический сеанс: она рассказывает мне о своих проблемах и ждет, что я дам ей совет, как читателям газеты.

Я не против, по-моему, один час консультирования в неделю – вполне справедливая мзда за выплату зарплаты и медицинскую страховку. Но это также означает, что по вторникам, когда Джейкоб встречается с Джесс, за его возвращение домой отвечает она.

Вечером, только войдя в двери, я вижу на кухне Тэо.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашиваю я, прижимая ладонь к его лбу. – Температура есть?

Я звонила домой из Бёрлингтона, как всегда делаю перед уходом из офиса, и узнала, что Тэо заболел и сильно переживает, так как ушел из школы, забыв, что сегодня должен был ответить Джейкоба на занятие с Джесс. Второй звонок – в службу сопровождения – удерживает меня от паники: миссис Гренвиль объяснила Джейкобу, на какой автобус нужно сесть, где выйти, чтобы попасть к Джесс; по ее словам, он ушел уверенный, что справится сам.

– Это обычная простуда, – говорит Тэо, уклоняясь от меня, – но Джейкоба нет дома, а уже без четверти пять.

Больше ему ничего говорить не нужно. Джейкоб скорее отпилит себе руку хлебным ножом, чем пропустит серию «Борцов с преступностью». Но он опаздывает всего на пятнадцать минут.

– Ну, сегодня он встречается с Джесс в другом месте. Может быть, оно немного дальше отсюда, чем ее общежитие.

– А вдруг он не добрался туда? – говорит Тэо, сильно расстроенный. – Надо было мне остаться в школе и отвести его, как обычно...

– Дорогой, ты заболел. К тому же миссис Гренвиль считает, это неплохая возможность для Джейкоба проявить самостоятельность. И кажется, у меня в почте есть новый номер Джесс. Я могу позвонить ей, если это тебя успокоит. – Я обнимаю Тэо. Давно уже я этого не делала, ведь ему пятнадцать и он избегает физических проявлений материнской любви. Зато мне приятно видеть, как он беспокоится о Джейкобе. Они не всегда ладят, но в глубине души Тэо любит брата. – Давай сходим в китайский ресторан, – предлагаю я, хотя есть вне дома – это роскошь, которую мы не можем себе позволить, к тому же найти пищу, подходящую для Джейкоба, трудно, если я не готовлю ее сама.

По лицу Тэо пробегает какое-то непонятное выражение, но потом он кивает и угрюмо бурчит, выпутываясь из моих объятий:

– Это было бы здорово.

Вдруг дверь в прихожую открывается.

– Джейкоб? – окликаю я сына и иду встречать его.

На мгновение я теряю дар речи. Глаза у него дикие, из носа течет. Руки стучат по бедрам. Он отталкивает меня к стене и кидается вверх, в свою комнату.

– Джейкоб!

На его двери нет замка, он снят много лет назад. Теперь я распахиваю ее и нахожу сына в шкафу, среди леса из рубашечных манжет и штанин; он раскачивается взад-вперед и издает пронзительный высокий звук.

– Что случилось, малыш? – говорю я, вставая на четвереньки и заползая в шкаф. Крепко обнимаю Джейкоба и напеваю:

– Я пристрелил шерифа... но не его зама.

Руки Джейкоба стучат так сильно, что задевают меня.

– Поговори со мной. Что-то случилось с Джесс?

При звуке ее имени Джейкоб откидывается назад, будто в него попала пуля. Он начинает биться головой о стену так сильно, что на штукатурке остается след.

– Не надо! – молю его я и пытаюсь оттащить от стены, чтобы он не поранил себя.

Унимать сорвавшегося аутиста – все равно что бороться с торнадо. Когда ты видишь, что буря близко, остается только пережить ее. В отличие от ребенка, который раскапризничался, Джейкобу не важно, вызывает ли у меня какую-нибудь реакцию его поведение. Он не боится навредить себе. Он делает это не для того, чтобы чего-то добиться. Он просто вообще себя не контролирует. И теперь, когда ему не четыре года и не пять, я уже недостаточно сильна, чтобы сдерживать его.

Я встаю, выключаю свет в комнате и опускаю жалюзи, чтобы было совсем темно. Ставлю его любимый диск с Бобом Марли. Снимаю с вешалок одежду и кладу ее на Джейкоба, отчего он сперва вскрикивает еще громче, а потом, по мере увеличения веса, успокаивается.

Когда он наконец засыпает на моих руках, блузка и колготки у меня порваны. Диск прокрутился четыре раза по кругу. На экране электронных часов с будильником – 20:35.

– Что тебя расстроило? – шепчу я.

Откуда мне знать? Это могла быть ссора с Джесс, или ему не понравилось, как обставлена кухня в новом месте, или он вспомнил, что пропустил свой любимый фильм. Я целую Джейкоба в лоб. Потом осторожно выпутываюсь из его рук и оставляю лежать на полу с подложенной под голову подушкой. Накрываю его летним лоскутным одеялом с рисунком из разноцветных почтовых марок, которое было убрано на зиму в шкаф.

На негнущихся ногах спускаюсь вниз. Свет горит только в кухне.

Давай сходим в китайский ресторан.

Но это было до того, как меня опять затянуло в черную дыру, которой в любой момент может стать Джейкоб.

На столе тарелка с лужицей соевого молока на дне. Рядом неммым укором стоит коробка с хлопьями.

Материнство – это сизифов труд. Только заштопаешь одну дыру, как обнаруживается другая. Я пришла к убеждению, что жизнь, которую я веду, никогда не будет мне впору.

Отношу тарелку в раковину и сглатываю подступивший к горлу ком. Ох, Тэо, прости меня!

Опять.

Дело 3

Хвастун и насмешник пойман

Деннис Райдер – женатый мужчина, отец двоих взрослых детей, бывший предводитель скаутов и глава лютеранской общины. Но, кроме того, в ходе расследования, продолжавшегося тридцать один год, выяснилось, что он серийный убийца, известный как СМУ – сокращение от Свяжи, Мучай, Убей. Так он поступил с десятью жертвами в Уичите, Канзас, погибшими от его рук между 1974 и 1991 годом. После совершения преступлений маньяк отправлял в полицию хвастливые письма с описанием жутких деталей убийств. Прошло двадцать пять лет, и вдруг письма и посылки снова начали поступать в полицейское управление. Автор посланий брал на себя ответственность за убийство, в котором его не подозревали. Из-под ногтей жертвы извлекли материал для анализа ДНК, после чего в попытке найти серийного убийцу было исследовано 1100 образцов ДНК.

В одном из посланий СМУ, а это была дискета, доставленная на канзасское телевидение, содержался вордовский файл; из него извлекли метаданные, которые помогли выяснить, что автора зовут Деннис и он связан с лютеранской церковью. Прошерстив Интернет, полиция вычислила подозреваемого: Деннис Райдер. Далее был получен образец ДНК его дочери и проведено сравнение этого образца с ДНК, обнаруженной под ногтями жертвы. Полиции удалось установить родственную связь, и это стало достаточным основанием для ареста. Райдеру дали 175 лет тюрьмы.

Так что все вы, кто ищет в Интернете порно или тратит свободное время на сочинение анархических манифестов, будьте бдительны. Вам никогда не избавиться от цифрового следа, оставляемого вашим компьютером и остающегося на нем.

Рич

За двадцать лет службы в полиции я много чего насмотрелся: видел неудавшихся самоубийц; преступников, пустившихся в бега после вооруженного ограбления; жертв насильников, которые были настолько травмированы психически, что не могли говорить. Однако ничто из этого не сравнится по тяжести с испытанием, которое мне пришлось вынести при общении с семилетками.

– Можете показать мне свой пистолет? – просит один мальчик.

– Плохая идея, – говорю я, глядя на учительницу.

Она уже предлагала мне снять кобуру с оружием, перед тем как войти в класс в День профессий, на что я был вынужден ответить отказом, так как формально нахожусь при исполнении.

– Вы будете стрелять?

Я смотрю поверх одержимого оружием малыша на остальных детей:

– Есть еще вопросы?

Руку поднимает маленькая девочка. Я узнаю ее; она вроде бы приходила к Саше на день рождения.

– Вы всегда ловите плохих людей?

Невозможно объяснить ребенку, что грань между черным и белым в жизни не такая четкая, как описано в сказках. Что обычный человек при определенных условиях может превратиться в негодяя. Что иногда мы, губители драконов, совершаем такие вещи, за которые нам стыдно.

Я смотрю девчужке в глаза и говорю:

– Мы всегда стараемся это делать.

На бедре у меня вибрирует мобильник. Я откидываю крышку, вижу номер – звонят из участка – и встаю:

– Мне придется прервать эту короткую... Так повторим еще раз: какое правило номер один нужно выполнять на месте преступления?

Класс хором отвечает:

– Ничего не трогать, если оно не твое!

Учительница просит детей поблагодарить меня аплодисментами, а я склоняюсь над партой Саши:

– Ну как? Тебе было очень стыдно за меня?

– Ты справился, – говорит она.

– Не могу остаться на ланч с тобой, – извиняющимся тоном продолжаю я. – Мне нужно идти в участок.

– Все хорошо, папочка. – Саша пожимает плечами. – Я привыкла.

Черт побери! Разочаровать дочку – меня это убивает.

Я целую ее в макушку и под конвоем учительницы иду к дверям. Затем еду в участок и выслушиваю краткий доклад принявшего заявление сержанта.

Марк Магуайр, студент Вермонтского университета, ссутулившись, надвинув бейсболку на глаза, сидит в комнате ожидания и нервно покачивает ногой, закинутой поверх другой. На секунду я задерживаю взгляд на этом парне сквозь окно, после чего выхожу к нему:

– Мистер Магуайр? Я детектив Мэтсон. Чем могу быть вам полезен?

Парень встает:

– Моя девушка пропала.

– Пропала, – повторяю я.

– Да. Я звонил ей вчера вечером, ответа не было. Сегодня утром пришел к ней, а в доме пусто.

– Когда вы видели ее в последний раз?

– Во вторник утром, – говорит Марк.

– Могло случиться что-нибудь непредвиденное? Какая-нибудь встреча, о которой она вам не сказала?

– Нет. Она никогда не уходит из дому без сумочки, а сумка там... и пальто тоже. На улице мороз. Как она могла уйти без пальто? – Голос у него взволнованный.

– Вы поссорились?

– Она сильно разозлилась на меня в эти выходные, – признается парень. – Но мы все обсудили. И помирились.

«Кто бы сомневался», – думаю я.

– Вы пробовали звонить ее друзьям?

– Никто ее не видел. Ни подруги, ни преподаватели. А она не из тех, кто пропускает занятия.

Обычно мы не открываем дело об исчезновении человека, пока не пройдет тридцать шесть часов, хотя это не железное правило. Протяженность раскинутой сети определяется статусом пропавшего человека: под угрозой или без очевидной угрозы. А сейчас есть что-то в этом парне – какой-то намек, – который заставляет меня думать, что он не говорит мне всей правды.

– Мистер Магуайр, – обращаюсь к нему я, – почему бы нам с вами не прокатиться?

Джесс Огилви неплохо устроилась для студентки. Она живет в фешенебельном районе с кирпичными домами и «БМВ».

– Давно она здесь живет? – спрашиваю я.

– Всего неделю... Она присматривает за домом одного из своих профессоров, который на полгода уехал в Италию.

Мы паркуемся на улице, и Магуайр ведет меня к задней двери, которая не заперта. Здесь это довольно обычное дело. Несмотря на мои предупреждения, что лучше поостеречься, чем потом жалеть, многие люди приходят к ошибочному выводу, что в этом городе нет и не может быть преступников.

В прихожей – смесь разных вещей: пальто, должно быть принадлежащее девушке, трость для ходьбы, мужские ботинки. На кухне чисто, в раковине стоит кружка с чайным пакетиком в ней.

– Я ничего не трогал, – говорит Магуайр. – Все так и было, когда я пришел сегодня утром.

Почта аккуратно сложена на столике. Сумочка лежит на боку, я открываю ее – внутри бумажник, а в нем двести тринадцать долларов.

– Что-нибудь пропало? – спрашиваю я.

– Да, – отвечает Магуайр. – Наверху.

Он ведет меня в гостевую спальню. Ящики единственного комода приоткрыты, из них свешиваются вещи.

– Она помешана на порядке, – говорит парень. – Никогда не оставит постель неубранной или одежду на полу, как здесь. А эта коробочка в оберточной бумаге? В ней был рюкзак. А теперь его нет. На нем висели ярлычки. Тетка подарила его на Рождество, и он ей не нравился.

Я подхожу к шкафу. Внутри несколько платьев, несколько мужских рубашек и джинсов.

– Это мое, – поясняет Магуайр.

– Вы тоже здесь живете?

– Официально нет, профессор не знает. Но большую часть ночей я проводил тут. Пока она меня не выставила.

– Она вас выставила?
– Я же говорил вам, мы поссорились. Она не хотела разговаривать со мной в воскресенье вечером. Но в понедельник мы во всем разобрались.

– Поясните.

– У нас был секс, – поясняет Магуайр.

– По взаимному согласию?

– Да ты чё, чувак. За кого ты меня принимаешь? – Он, похоже, искренне обижен.

– А как насчет косметики? Туалетных принадлежностей?

– Ее зубная щетка пропала, – говорит Магуайр. – А косметика на месте. Слушайте, не пора ли вам вызвать подкрепление, как у вас там это делается? Или поднять тревогу?

Я пропускаю его слова мимо ушей:

– Вы пытались связаться с ее родителями? Где они живут?

– Я звонил им. Они живут в Беннингтоне и ничего о ней не слышали, теперь они тоже в панике.

«Отлично», – думаю я.

– Она раньше исчезала вот так?

– Я не знаю. Мы с ней знакомы всего пару месяцев.

– Слушай, если ты подождешь, она, вероятно, позвонит или просто вернется домой. Сдаётся мне, ей просто нужно немного остыть.

– Вы, наверное, шутите, – отвечает Магуайр. – Если она ушла намеренно, почему не взяла кошелек, но не забыла мобильник? Зачем она стала бы пользоваться рюкзаком, который хотела вернуть в магазин?

– Не знаю. Может, чтобы сбить тебя со следа?

Глаза парня вспыхивают, и за миг до того, как он кинется на меня, я засекаю это и обезвреживаю выпад, одним быстрым движением заводя его руку за спину.

– Осторожнее! – говорю я сквозь зубы. – За это я могу тебя арестовать.

Магуайр напрягается:

– Моя девушка пропала. Я плачу вам жалованье, а вы даже не собираетесь выполнять свою работу и искать ее?

Формально, если Магуайр студент, то никакую зарплату он мне не платит, но я не собираюсь докапываться.

– Вот что я скажу тебе, сынок. Я осмотрюсь тут еще разок.

Я захожу в хозяйскую спальню, но Джесс Огилви явно здесь не спала; чистота идеальная. В хозяйской ванной полотенца слегка влажные, но пол в душевой совершенно сухой. Внизу в гостиной никаких следов беспорядка. Я обхожу дом по периметру, проверяю почтовый ящик. Внутри записка, распечатанная на принтере, с просьбой к почтальону не приносить ничего до дальнейших распоряжений.

Кто, черт возьми, оставляет записки почтальонам?!

Надев резиновые перчатки, я кладу записку в пакет для улик. Попрошу ребят в лаборатории провести нингидриновый тест на отпечатки пальцев.

Прямо сейчас что-то подсказывает мне: если они не принадлежат Джесс Огилви, значит их оставил Марк Магуайр.

Эмма

Не знаю, чего ожидать, когда на следующее утро я иду в комнату Джейкоба. Ночью он спал – я проверяла каждый час, но на основе прошлого опыта знаю, что он не разговорится, пока разбушевавшиеся нейротрансмиттеры¹³ не перестанут будоражить его нервную систему.

Джесс я звонила дважды – на мобильный и в ее новый дом, но все время наткнулась на автоответчик. Я отправила ей письмо на почту с просьбой объяснить, как прошла вчерашняя сессия, не случилось ли чего-нибудь экстраординарного. Но пока я дождусь ответа от нее, нужно что-то делать с Джейкобом.

Когда я заглядываю к нему в шесть утра, он уже не спит – сидит на постели, руки на коленях, смотрит в стену перед собой.

– Джейкоб? – осторожно начинаю я. – Дорогой? – Подхожу ближе и мягко встряхиваю его за плечо.

Джейкоб продолжает молча тарашиться в стену. Я махаю рукой перед его лицом, но он не реагирует.

– Джейкоб! – Я хватаю его за плечи, а он валится на бок и лежит без движения.

Паника взбирается вверх по лесенке в моем горле.

– Поговори со мной! – требую я, а сама думаю о кататонии, шизофрении, обо всех тех медвежьих углах сознания, куда мог завалиться Джейкоб и откуда нет возврата.

Оседлав Джейкоба сверху, я сильно бью его по щеке, так что даже след остается. Но он все равно не реагирует.

– Не смей! – говорю я и начинаю плакать. – Не смей поступать так со мной.

Вдруг от двери раздается голос.

– Что происходит? – спрашивает Тэо; лицо у него заспанное, волосы торчком, как иголки у ежа.

В этот момент я понимаю, что Тэо может оказаться моим спасителем.

– Скажи своему брату что-нибудь такое, что его расстроит, – приказываю я.

Он смотрит на меня как на сумасшедшую.

– С ним что-то случилось... – объясняю я; мой голос обрывается. – Я просто хочу вернуть его. Мне нужно, чтобы он вернулся.

Тэо смотрит на обмякшее тело брата, на его пустые глаза, и я вижу, что ему страшно.

– Но...

– Давай, Тэо, – тороплю его я.

Думаю, дрожь в моем голосе, а не командный тон заставляет Тэо согласиться. Он осторожно наклоняется к брату:

– Вставай!

– Тэо. – Я вздыхаю.

Мы оба понимаем, что он не дает волю языку.

– Ты опоздаешь в школу, – говорит Тэо.

Я пристально смотрю на Джейкоба, но в его глазах ничего не промелькнуло.

– Я иду в душ первым, – добавляет Тэо. – А потом разбросаю всю твою одежду. – Джейкоб молчит, и тогда злость, которую Тэо обычно подавляет, накатывает на него как цунами. – Ты урод! – орет он так громко, что волосы на голове Джейкоба кольшутся. – Ты тупой чертов идиот!

Джейкоб даже не поморщился.

---

¹³ *Нейротрансмиттеры* – химические вещества, задействованные в передаче информации между нейронами (нервными клетками) или между нервом и клетками мускулов.

– Почему ты не можешь быть нормальным? – вопит Тэо и бьет брата кулаком в грудь, потом ударяет еще раз, сильнее. – Будь, твою мать, нормальным! – кричит он, и я вижу, что по лицу Тэо текут слезы.

На мгновение мы застываем в этом аду, между нами лежит ни на что не реагирующий Джейкоб.

– Принеси мне телефон, – говорю я, и Тэо мигом выскакивает из комнаты.

Я сажусь на кровать рядом с Джейкобом, и его тело приваливается ко мне. Тэо возвращается с телефоном, я тычу в номер психиатра Джейкоба доктора Мурано. Она перезванивает мне через тридцать секунд и говорит хрипловатым со сна голосом:

– Эмма? Что случилось?

Я объясняю, в каком состоянии Джейкоб был вчера вечером, и описываю, в каком stupore он находится сейчас.

– И вы не знаете, что спровоцировало это?

– Нет. У него вчера была встреча с консультантом. – Я смотрю на Джейкоба; из уголка его рта свисает нитка слюны. – Я звонила ей, но безрезультатно. И она пока не связалась со мной.

– Он выглядит так, будто у него физическое недомогание?

«Нет, – думаю я, – это скорее относится ко мне».

– Не знаю... я так не думаю.

– Он дышит?

– Да.

– Он узнает вас?

– Нет, – признаюсь я, и это пугает меня больше всего.

Если он не узнает меня, как я могу помочь ему вспомнить, кто он?

– Какой у него пульс?

Я кладу телефон и смотрю на свои часы, считаю.

– Пульс – девяносто, частота дыхания – двадцать.

– Слушайте, Эмма, – говорит доктор Мурано. – Я в часе езды от вас. Думаю, вам нужно вызвать «скорую».

Я знаю, что тогда будет. Если Джейкоб не выберется сам из этой ямы, он станет кандидатом на принудительное лечение в психиатрическом отделении.

Положив трубку, я опускаюсь на колени перед Джейкобом:

– Малыш, ты только подай мне знак. Просто покажи, что ты на этой стороне.

Джейкоб даже не моргает.

Утерев слезы, я иду в комнату Тэо. Дверь заперта изнутри, и мне приходится громко стучать в дверь, чтобы он услышал меня сквозь грохот музыки. Наконец Тэо открывает – веки красные, челюсти сжаты.

– Помоги мне передвинуть его, – спокойно говорю я, и на этот раз Тэо не препирается со мной.

Мы вместе стягиваем тело Джейкоба с кровати, тащим его вниз по лестнице и пытаемся загрузить в машину. Я держу его за руки, Тэо – за ноги. Мы тянем, толкаем, пихаем. Когда оказываемся в прихожей, я уже обливаюсь потом, а у Тэо на ногах синяки – он два раза поскальзывался и падал под весом Джейкоба.

– Я открою дверцу машины, – говорит Тэо и в одних носках бежит к подъездной дорожке по хрусткому насту.

Вместе нам удается подтащить Джейкоба к автомобилю. Он не издает ни звука, даже когда его босые ступни касаются обледенелой дорожки. Мы грузим его головой вперед на заднее сиденье, потом мне с трудом удается посадить его и пристегнуть ремень безопасности, для чего приходится почти забраться к нему на колени. Прижавшись ухом к сердцу Джейкоба, я слушаю щелчок металла о металл.

– «Во-о-о-от и Джонни».

Слова не его, а Джека Николсона из фильма «Сияние». Но голос – прекрасный, протертый до дыр, скрипучий, как наждачная бумага, голос моего сына.

– Джейкоб? – Я беру в ладони его лицо.

Он не смотрит на меня, ну и что, он никогда этого не делает.

– Мам, – говорит Джейкоб, – у меня ноги очень замерзли.

Я бросаюсь в слезы и крепко обнимаю его:

– Ох, малыш, сейчас мы что-нибудь придумаем.

Джейкоб

Вот куда я попадаю, когда вхожу:
комната без окон и дверей, а стены такие тонкие, что я вижу и слышу сквозь них все,
но сломать не могу.

Я здесь, но меня нет.

Я стучу, чтобы меня выпустили отсюда, но меня никто не слышит.

Вот куда я попадаю, когда вхожу:

в страну, где лица у всех отличаются от моего и речь слышна, когда никто ничего не говорит; и все гудит вокруг от нашего дыхания. Я делаю то, что делали римляне в Риме; я пытаюсь общаться, но никто не предупредил меня, что эти люди глухие.

Вот куда я попадаю, когда вхожу:

это нечто совершенно, непередаваемо оранжевое.

Вот куда я попадаю, когда вхожу:

здесь мое тело превращается в фортепиано, но у него одни только черные клавиши – диезы и бемоли, когда всем известно: чтобы сыграть песню, которую захотят слушать люди, нужны и белые клавиши тоже.

Вот почему я возвращаюсь:

мне нужно найти белые клавиши.

Я не преувеличиваю, когда говорю, что мама не сводит с меня глаз целых пятнадцать минут.

– Тебе не нужно заняться чем-нибудь другим? – наконец спрашиваю я.

– Верно. Ты прав, – взволнованно отвечает она, но не уходит.

– Мама, – со стоном произношу я, – есть вещи более занимательные, чем наблюдение за тем, как я ем.

Например, смотреть, как подсыхает краска. Или как крутится белье в барабане стиральной машины.

Я знаю, что сегодня сильно напугал ее тем, что случилось утром. Это очевидно, так как а) она не способна оставить меня больше чем на три секунды и б) она охотно согласилась приготовить мне на завтрак картошку фри. Она даже отправила Тэо в школу на автобусе, вместо того чтобы, как обычно, везти его на машине, так как не хочет оставлять меня дома одного и уже решила, что сегодня я нездоров и в школу не пойду.

Скажу без обиняков: я не понимаю, чем она так расстроена, когда это я потерялся.

Скажу без обиняков: я не знаю, кто такие обиняки и почему без них нужно обходиться, когда хочешь высказаться прямо.

– Пойду в душ, – объявляю я. – Ты со мной?

Это наконец выводит маму из ступора.

– Ты уверен, что чувствуешь себя хорошо?

– Да.

– Тогда я через несколько минут приду и проверю, все ли в порядке.

Как только она уходит, я ставлю тарелку с картошкой на тумбочку. Душ я приму, но сперва мне нужно кое-что сделать.

У меня есть собственная камера для обкуривания. Раньше она была домом для моей рыбки Арло, пока он не умер. Теперь пустой аквариум стоит на моем комод, перевернутый. Под ним – нагреватель для кофейной чашки. Сперва я пользовался сухим спиртом, но мама не слишком радовалась, что я развожу огонь в своей комнате, даже если это всего одна таблетка; так появился электрический подогреватель. На него я ставлю маленькую лодочку, сложенную из алюминиевой фольги, а потом выдавливаю в нее каплю суперклея размером с пятицентовик.

вик. Я беру чашку с какао, без молока конечно, которую принесла мама, и тоже ставлю ее в камеру – она обеспечит влажность воздуха, хотя пить из нее какао после обдымления, когда на поверхности будут плавать белесые хлопья, мне не захочется. Наконец я помещаю внутрь стакан, на котором известный мне образец, а именно отпечаток моего собственного пальца, чтобы проверить, исправно ли все работает.

Осталась только одна вещь, но от этого живот у меня сжимается.

Мне нужно найти в одежде, которую я надевал вчера, предмет, который я хочу обкурить – принесенный из ее дома. И это, разумеется, приводит мне на память все остальное, а значит, в углах моего ума сгущаются тени.

Приходится активно бороться, чтобы меня вновь не засосало в эту дыру.

Даже сквозь надетые на руки резиновые перчатки я чувствую, как холоден металл. Каким холодным все было вчера вечером.

В душе я тру и тру себя мочалкой, так что кожа становится слишком розовой, а глаза краснеют оттого, что я смотрю прямо в льющуюся струями воду. Я помню все.

Даже когда не хочу этого.

Как-то в третьем классе один мальчик передразнивал мою манеру говорить. Я не понимал, что смешного в том, как он меня изображал, – будто слова вылетают у меня изо рта плоские, как блины. Я не понимал, почему он все время повторяет фразы из мультфильмов про инопланетян вроде: «Отведите меня к вашему главному». Ясно было только одно: этот мальчишка таскается за мной по игровой площадке и, где бы он ни появился, все начинают смеяться надо мной.

– Чего тебе надо? – наконец спросил я.

– Чего тебе надо? – спугайничал он.

– Лучше бы ты занялся своим делом.

– Лучше бы ты занялся своим делом...

И, не успев сообразить, что собираюсь сделать, я сжал руку в кулак и саданул ему прямо по носу.

Кровь была везде. Мне не нравилось, что его кровь у меня на пальцах. И на рубашке, которая, вообще-то, была желтая.

Мой обидчик отрубился, а меня отвели к директору и отстранили от уроков на неделю.

Я не люблю вспоминать тот день, у меня возникает ощущение, будто во мне полно битого стекла.

Никогда не думал, что увижу столько крови на своих руках еще хоть раз в жизни, но я ошибался.

Цианоакрилат из суперклея оказывает нужное воздействие всего за десять минут. Мономеры в его парах полимеризуются в присутствии воды, аминов, амидов, гидроксидов и карбоновой кислоты – все они имеются в жирах из отпечатков пальцев. Полимеризованные частицы оседают на жирах, проявляя слабый отпечаток, который можно сделать более заметным, посыпав специальным порошком. Потом его можно сфотографировать, изменить размер и сравнить с известным образцом.

Раздается стук в дверь.

– У тебя там все в порядке?

– Нет, я вешаюсь на палке в шкафу, – отзываюсь я.

Это неправда.

– Не смешно, Джейкоб, – говорит мама.

– Ладно, я одеваюсь.

Это тоже неправда. Я уже в трусах и футболке.

– Хорошо, – говорит она. – Крикни, когда будешь готов.

Я жду, пока ее шаги не стихнут в коридоре, а потом вынимаю стакан из-под аквариума. Разумеется, на нем несколько отпечатков. Я посыпаю их порошком двойного назначения – он контрастирует и на белой, и на черной поверхности. Потом я посыпаю отпечатки на втором предмете тоже.

Фотографирую их с близкого расстояния цифровой камерой, которую получил в подарок на Рождество два года назад, и загружаю картинки на свой компьютер. Это всегда хорошо – сделать фотографии отпечатков, прежде чем снимать их с предмета, так как велика вероятность повредить их при переносе на пленку. Позже с помощью фотошопа я могу инвертировать цвета линий и изменить размер отпечатков. И тогда начну анализ.

Я аккуратно заклеиваю скотчем отпечатки, чтобы сохранить их и спрятать унесенное из ее дома в таком месте, где его никто не найдет.

Между тем мама уже устала ждать. Она открывает дверь:

– Джейкоб, надень штаны!

Мама прикрывает глаза рукой, но все равно заходит в комнату.

– Никто не говорил тебе «войдите», – ворчу я.

Она принохивается:

– Ты снова пользовался суперклеем? Я говорила, чтобы ты не занимался этим, когда сам находишься в комнате. Это может тебе навредить. – Мама замолкает. – И вообще, если ты занялся своим обкуриванием, тебе, вероятно, уже лучше. – (Я молчу.) – Это что там? Твое какао?

– Да, – отвечаю я.

Мама качает головой и со вздохом говорит:

– Спускайся вниз. Я приготовлю тебе другую чашку.

Вот несколько фактов о криминалистике:

1. Криминалистику определяют как научный метод и технику, применяемую в связи с расследованием преступлений.

2. Слово «forensic», в смысле «относящийся к доказательству в суде, то есть, в частности, к криминалистике», происходит от латинского «forensis», что буквально означает «перед собранием». Во времена Древнего Рима судебные разбирательства происходили перед собранием людей на форуме. Обвиняемый и жертва давали показания, и выигрывал тот, чьи аргументы были убедительнее.

3. Первый документально подтвержденный отчет о том, как методы криминалистики помогли решить судебное дело, относится ко временам китайской династии Сун, а точнее, к 1248 году. Один человек был убит серпом. После этого следователь приказал всем людям принести свои серпы в определенное место, и, когда на один из них, почуяв кровь, слетелись мухи, убийца сознался.

4. Самое раннее свидетельство использования отпечатков пальцев для определения личности человека относится к седьмому веку, когда палец должника прикладывали к расписке в доказательство того, что этот человек должен займодавцу.

5. Применять криминалистические методы гораздо легче, когда криминалист не вовлечен в дело лично.

Кончики ваших пальцев, подушечки ваших ладоней и подошвы ваших ног вовсе не гладкие. На них имеются папиллярные гребни – серия линий с особыми контурами и формами, как топографическая карта. Вдоль этих линий располагаются поры, из которых выделяется пот, кроме того, ваши пальцы могут быть испачканы чернилами, кровью, грязью, и все это воспроизводит на поверхности, к которой вы прикоснулись, папиллярный рисунок, проще говоря, на ней появляется отпечаток вашей руки.

Если он виден, его можно сфотографировать. А значит, имеется возможность его сохранить и сравнить с известным образцом. Дерматоглифика – искусство в не меньшей степени,

чем наука. Так как дома у меня нет терминала для автоматической идентификации отпечатков пальцев, который мог бы просканировать образец и выдать пятьдесят кандидатов с похожими линиями, мне приходится полагаться на зоркость своих глаз. Цель в том, чтобы найти десять-двенадцать сходных черт между известным образцом и новым; если такие сходства обнаружатся, большинство экспертов придут к заключению, что перед нами отпечатки одного и того же человека.

На экране компьютера две картинки с изображениями отпечатков. Я подвожу курсор к центру одного, отмечаю дельту – маленькую треугольную область слева от центральной точки. Рассматриваю крайние гребни, разветвления и круговое завихрение. Линия раздваивается, потом два гребня и еще одно раздвоение, обращенное вниз.

Как я и предполагал, это пара.

Возникает ощущение, что меня сейчас вырвет, но я сглатываю и заставляю себя завершить работу.

Как вчера.

Встряхнув головой, чтобы прочистить мозги, я беру маленький пластиковый контейнер, который стащил с кухни, и кладу в него улику. Потом роюсь в шкафу и нахожу там утку Джемию. Это мягкая игрушка, с которой я спал в детстве, и так как она белая, то лежит на полке поверх другой моей одежды, у которой есть окраска. Кладу утку на колени и канцелярским ножом делаю надрез в том месте, где у нее могло бы быть сердце.

Контейнер приходится впихивать внутрь с усилием, и Джемия теперь выглядит так, будто у нее изувечена грудная клетка, но ничего. Я зашиваю дыру той же ниткой, которой на прошлой неделе штопал носок. Мне это дается с трудом – почти на каждом стежке я колю себе какой-нибудь палец, но довожу дело до конца.

Потом достаю блокнот и начинаю писать.

Закончив, я ложусь на кровать. Лучше бы я сейчас был в школе. Трудно, когда нечем заняться.

– Я пристрелил шерифа, – тихо напеваю я, – но, клянусь, это была самозащита.

Я часто размышлял над тем, как совершить идеальное убийство.

Нередко говорят о сосульке как лучшем оружии – ударь ею кого-нибудь как кинжалом, и орудие убийства растает, – но тут много допущений: а) вам придется держать сосульку в руках достаточно долго, чтобы нанести рану, и б) она может сломаться, когда наткнется на кожу, которую должна пронзить. Побрызгать салат жертвы мескалином – более изящный способ: коричневый порошок почти незаметен глазу в смеси с заправкой, и горечь не будет ощущаться, особенно если в салат добавлен цикорий или руккола. Но что, если этим вы просто причините жертве неприятные ощущения, а не убьете? Плюс где вы возьмете наркотик? Можно взять человека с собой на водную прогулку, толкнуть его за борт, предпочтительно напоив перед тем, и сказать, что он упал случайно, но для этого вам нужна лодка. Смесь викадина с алкоголем эффективно замедляет сердцебиение, но ваша жертва должна быть завсегдаем вечеринок, чтобы такая смерть не вызвала подозрений у следователя. Я слышал о людях, которые пытались поджигать дома после совершения убийства, но из этого обычно ничего путного не выходит. Пожарный инспектор легко определяет, откуда начался пожар. К тому же тело должно обгореть до неузнаваемости, вместе с зубами, чтобы подозрение не пало на вас. Я не порекомендовал бы использовать такие способы, при которых проливается кровь. Это хлопотно: вам понадобится много отбеливателя, чтобы отчистить ее, и все равно обязательно останутся какие-нибудь незамеченные, предательские капли.

Загадка идеального убийства сложна, потому что сокрытие преступления очень слабо связано с механизмом убийства и очень сильно с тем, что вы делали до него и после. Единственный способ по-настоящему скрыть убийство – не рассказывать о нем ни одной живой

душе. Ни жене, ни матери, ни священнику. И само собой, вам нужно убить подходящего человека, которого никто не хватится. Которого никто не захочет увидеть еще раз.

Тэо

Однажды ко мне в столовой подошла девочка и спросила, не хочу ли я поехать в Лагерь Иисуса. «Ты спасешься», – сказала она мне, и, знаете, я захотел. Ведь мне было предельно ясно, что я отправлюсь в ад из-за всех тех тайных и непозволительных мыслей о Джейкобе, которые я себе позволял.

В книгах вечно пишут о детях, у которых брат или сестра аутисты и которые заботятся о них, любят до самой смерти и лучше справляются со вспышками гнева и отчаяния, чем взрослые. Но я не из таких. Конечно, когда Джейкоб в детстве где-нибудь терялся, у меня начинало сосать под ложечкой, но не оттого, что я беспокоился о нем. А оттого, что меня назвали бы плохим, даже ужасным братом, если бы узнали мои мысли: может, его вообще не найдут, и я смогу жить спокойно.

Раньше мне, бывало, снилось, что мой брат нормальный. Знаете, можно ссориться и даже подраться из-за ерунды – например, кто будет щелкать пультом телевизора или сидеть на переднем сиденье в машине. Но мне никогда не позволяли драться с Джейкобом. Даже когда я забыл запереть дверь в свою комнату, а он зашел и взял мой CD-диск для своего криминалистического эксперимента; даже когда в детстве он в мой день рождения ходил вокруг праздничного стола, таскал и съедал куски торта с тарелок моих друзей. Мама сказала, что это наше домашнее правило, и объяснила его так: Джейкоб не такой, как мы все. Представляете? С каких это пор инаковость дает вам особые права в этой жизни?

Проблема в том, что инаковость Джейкоба не ограничивается самим Джейкобом. Это как однажды мамина красная рубашка полиняла в стиральной машине и вся моя одежда приобрела розовый оттенок: синдром Аспергера у брата меня тоже изменил. Я не могу пригласить друзей к себе домой, вдруг Джейкоб сорвется? Если мне было странно смотреть, как мой брат писает на батарею, чтобы посмотреть, как от нее поднимается пар, что подумали бы мои школьные приятели? Что я тоже урод, раз живу вместе с таким.

Чистосердечное признание номер один: когда я иду по коридору в школе и замечаю в другом конце Джейкоба, то намеренно меняю маршрут, чтобы не столкнуться с ним.

Чистосердечное признание номер два: однажды, когда дети из другой школы стали смеяться над Джейкобом, который пытался играть в кикбол – жуткая куча-мала, каких не бывало, – я притворился, что не знаю его, и потешался над ним вместе с другими.

Чистосердечное признание номер три: я и правда верю в то, что мне перенести это было тяжелее, чем Джейкобу, так как он по большей части не замечает, что люди его сторонятся, а я сам на сто процентов уверен, что, глядя на меня, они думают: «О, это брат того странного парня».

Чистосердечное признание номер четыре: я обычно не размышляю о том, что когда-нибудь заведу детей, но, если мне в голову вдруг приходит такая мысль, это пугает меня до смерти. Вдруг мой сын будет как Джейкоб? Я уже провел детство, возясь с аутистом; не знаю, смогу ли я заниматься этим всю жизнь.

Каждый раз, как я вспоминаю о чем-нибудь из этого, чувствую себя дерьмом. Я почти бесполезен: не родитель Джейкоба и не один из его учителей. Я здесь просто как альтернатива, чтобы мама могла перевести взгляд с Джейкоба на меня и оценить, насколько велика разница между аутистом и так называемым нормальным ребенком.

Когда та девочка предложила мне поехать в Лагерь Иисуса, я спросил ее:

– Будет ли там Иисус?

Она смутилась, а потом ответила «нет».

– Ну, – сказал я, – тогда это все равно что поехать в хоккейный лагерь и не играть в хоккей, тебе не кажется? – Я отвернулся и пошел прочь от нее, а она сказала мне вслед:

– Иисус любит тебя.

– Откуда ты знаешь?

– Я не знаю, – призналась девочка. – Но я в это верю, чтобы жить дальше.

Я обшарил все карманы куртки и брюк, прочесал подъездную дорожку, но не нашел айпод, а значит, он потерян где-то между этим местом и ее домом.

Вдруг она решит, что я пытался украсть его?

Вдруг она кому-нибудь расскажет?

Когда я возвращаюсь домой из школы, жизнь уже вернулась в норму. Мать строчит что-то на ноутбуке за кухонным столом, а Джейкоб сидит в своей комнате за закрытой дверью. Я побыстрому готовлю себе лапшу рамен, ем ее у себя под композиции группы «Coldplay», орущие из колонок, и делаю домашку по французскому.

Мама всегда говорит, что нельзя слушать музыку, когда готовишь уроки. Однажды она ввалилась в мою комнату и обвинила меня в том, что я не выполняю задание по английскому, когда в тот момент я именно этим и занимался. «И какую оценку ты получишь, если думаешь совершенно о другом?»

Я предложил, чтобы она села рядом и прочитала с экрана компьютера написанное мной.

Она сделала это и сразу заткнулась. За ту работу я получил пятерку, как мне помнится.

Полагаю, гены в нашей семье перемешались, и в результате Джейкоб может сосредоточиться только на одной вещи и занимается ею как одержимый, а я могу делать десять дел одновременно.

Выполнив домашнее задание, я ощущаю, что не наелся, и спускаюсь на кухню. Матери нигде не видно – и в доме нет уродской еды для разнообразия (ну, схохмил), но я замечаю сидящего в гостиной Джейкоба. Смотрю на часы, хотя это напрасный труд: если он здесь, значит сейчас половина пятого и вот-вот начнутся «Борцы с преступностью».

Я мнусь на пороге, глядя на Джейкоба, уткнувшегося носом в свои блокноты. Мне хочется незаметно ускользнуть от него, но я помню, как он выглядел сегодня утром. Хотя я и говорил: «О, лучше бы его вообще на свете не было», увидев брата таким, словно в нем погас свет, я почувствовал, будто меня ударили в живот, а потом еще и еще раз.

Что, если первым родился бы я и синдром Аспергера развился бы у меня? Стоял бы Джейкоб здесь с мыслью: «Ах, только бы он меня не заметил»?

Я не успеваю хорошенько прочувствовать свою вину, так как Джейкоб начинает говорить. На меня он не смотрит никогда, но, вероятно, это означает, что остальные его органы чувств настроены очень тонко.

– Сегодня двадцать вторая серия, – говорит Джейкоб, словно мы с ним уже давно беседуем. – Старая, но хорошая.

– Сколько раз ты видел ее? – спрашиваю я.

Джейкоб заглядывает в блокнот:

– Тридцать девять.

Я не большой поклонник «Борцов с преступностью». Прежде всего, на мой взгляд, актеры в нем играют отвратительно. Второй момент: в фильме показывают, наверное, самую лучшую в мире криминалистическую лабораторию, там у них все звякает и свистит. Подозреваю, что у вермонтских криминалистов камера для обкуривания больше похожа на заклеенный скотчем старый аквариум Джейкоба, чем на то, что показывают в «Борцах с преступностью», где все подсвечено неоновыми огнями и блестит хромом. Да и следователи в этом сериале, похоже, больше озабочены не раскрытием преступлений, а тем, кто в чью постель запрыгнет.

Но я все равно сажусь на диван рядом с братом. Между нами расстояние почти в фут: Джейкоб не любит, когда к нему прикасаются. Я знаю, что, пока идет фильм, лучше молчать, и

приберегаю свои критические комментарии для рекламных пауз с показом таблеток от эректильной дисфункции и стирального порошка.

В центре сюжета девушка, которую нашли мертвой на месте автомобильной аварии; виновник скрылся с места происшествия. На самокате жертвы поцарапано красочное покрытие, и сексуальная оперативница относит транспортное средство в лабораторию. Тем временем чувак, который делает вскрытия, находит на теле девушки синяк, похожий на отпечаток пальца. Сварливый старый оперативник фотографирует его, отправляет в лабораторию и выходит на пенсионера, бывшего госслужащего, который пьет грушевый сок из коробки, когда к нему являются Секси и Ворчун. Они спрашивают, не попал ли он недавно в аварию, а дедок отвечает, что его машину угнали. К несчастью для него, оперативники находят тачку в пристроенном к дому гараже. Зажатый в угол, пенсионер признается, что вел машину и случайно нажал на газ вместо тормоза. Секси осматривает машину и замечает, что водительское сиденье отодвинуто слишком далеко для человека такого роста, как пожилой хозяин машины, а приемник стоит на волне хип-хоп-радио. Секси спрашивает, садится ли кто-нибудь еще за руль машины, и тут как раз входит внук-подросток. Дед говорит, что ударился головой, когда сбил девушку на самокате, и внук отвез его домой. Ха, кто ему поверит! Но это всего лишь его слово против догадок оперативников, пока Ворчун не находит застрявший в обмотке руля кусочек зуба, который принадлежит внуку. Парня берут под арест, а деда отпускают.

Все время, пока я смотрю фильм, Джейкоб строчит что-то в своих блокнотах. Ими забиты целые полки в его комнате, он записывает в них сценарии преступлений из этого сериала.

– Что тебя заинтересовало на этот раз? – спрашиваю я.

Джейкоб пожимает плечами:

– Улики. Потом я пытаюсь вычислить, что случится.

– Но ты видел эту серию тридцать девять раз, – говорю я. – Тебе уже известно, чем все закончится.

Джейкоб не перестает царапать ручкой по странице.

– Но может быть, на этот раз все закончится по-другому, – говорит он. – Может быть, сегодня этого парня не поймают.

Рич

Утром в четверг звонит телефон.

– Мэтсон, – отвечаю я.

– Диски в алфавитном порядке.

Я хмурюсь. Голос незнакомый. Звучит так, будто называет пароль для входа в питейный клуб во времена сухого закона. Диски в алфавитном порядке. А синяя птица носит чулки в сеточку. Мелете такую чепуху, и вас запускают в святилище.

– Простите? – говорю я.

– Тот, кто забрал Джесс, терся там достаточно долго, чтобы расставить диски в алфавитном порядке.

Теперь я узнаю голос – Марк Магуайр.

– Значит, ваша девушка еще не вернулась.

– Стал бы я вам звонить, если бы вернулась?!

Я прочищаю горло.

– Скажите, что вы заметили.

– Сегодня утром я уронил на ковер несколько монет и, когда подбирал их, понял, что стойка с CD-дисками передвинута. На ковре от ножки осталась такая вмятина, знаете?

– Знаю.

– Так вот, у этих профессоров... у них сотни дисков. И они хранят их в такой четырехгранной башне, которая вращается. В общем, я заметил, что все авторы на «W» собраны вместе. Рихард Вагнер, Дионна Уорик, Дина Вашингтон, «The Who», Джон Уильямс, Мэри Лу Уильямс. А за ними – на «Y» и «Z»: Лестер Янг, Йоханн Зумстиг...

– Они слушают «The Who»?

– Я просмотрел все четыре стороны, и каждый диск на своем месте.

– Возможно ли, что они всегда так стояли, а вы просто не замечали этого? – спрашиваю я.

– Нет, потому что в прошлые выходные, когда мы с Джесс искали, какую бы музыку послушать, они совершенно точно не выглядели так.

– Мистер Магуайр, я вам перезвоню.

– Погодите... прошло уже два дня...

Я вешаю трубку и зажимаю пальцами переносицу. Потом набираю номер лаборатории, чтобы поговорить с Айрис, женщиной в возрасте, которая немного влюблена в меня, и я пользуюсь этим, когда мне нужно, чтобы мои улики взяли в работу поскорее.

– Айрис, как дела у самой прекрасной девушки в лаборатории?

– Я единственная девушка в лаборатории. – Она смеется. – Ты звонишь по поводу своей записки из почтового ящика?

– Да.

– Чисто. Вообще никаких отпечатков.

Я благодарю ее и вешаю трубку. Выходит, этот тип, который расставил диски в алфавитном порядке, достаточно сообразителен и надел перчатки, оставляя записку. На клавиатуре компьютера мы, вероятно, тоже ничего не найдем.

С другой стороны, пряности на полке можно упорядочить, расставив по регионам происхождения.

Если Марк Магуайр причастен к исчезновению своей девушки и хочет сбить нас со следа, он мог умышленно переставить диски. Но я с трудом представляю, чтобы этот парень взял да и занялся этим на досуге просто так, от нечего делать.

Что также объясняет, почему ему понадобилось на это больше суток.

В любом случае я сам хочу взглянуть на диски. И на содержимое сумочки Джесс Огилви. И вообще на все, что может подсказать, где она и почему.

Я встаю, беру куртку, прохожу мимо диспетчеров и сообщаю им, куда еду. Один из дежурных сержантов дергает меня за рукав и говорит:

– Вот детектив Мэтсон.

– Отлично! – рывкает какой-то незнакомый мужчина. – Теперь мне ясно, кого ваш начальник выставит отсюда первым.

Позади него женщина в слезах тербит ремешок своей сумочки.

– Простите, – вежливо и с улыбкой говорю я. – Я пропустил ваше имя?

– Клод Огилви, – отвечает он. – Сенатор штата Клод Огилви.

– Сенатор, мы делаем все возможное, чтобы найти вашу дочь.

– Мне трудно в это поверить, – отвечает он, – когда в этом полицейском участке никто не расследует ее исчезновение.

– На самом деле, сенатор, я как раз направлялся в жилище вашей дочери.

– Полагаю, там вы встречаетесь с остальными сотрудниками. Мне ведь совсем не хочется узнать, что прошло целых два дня, а в полицейском управлении никто не отнесся всерьез к исчезновению моей дочери...

Я обрываю его на середине фразы, беря под руку, и подтаскиваю к своему кабинету:

– При всем уважении к вам, сенатор, я бы предпочел, чтобы вы не указывали, как мне выполнять мою работу...

– Я, черт побери, буду говорить вам, что захочу и когда захочу, пока моя дочь не вернется домой живой и здоровой!

Не обращая внимания на вопли сенатора, я предлагаю стул его жене со словами:

– Миссис Огилви, ваша дочь пыталась связаться с вами?

Женщина качает головой:

– И я не могу даже оставить ей сообщение. Ее голосовая почта переполнена.

– Этот идиот Магауйр звонит ей без конца, – заявляет сенатор.

– Она когда-нибудь убежала из дому? – спрашиваю я.

– Нет, она никогда этого не делала.

– Она была чем-то расстроена в последнее время? Беспокоилась из-за чего-то?

Миссис Огилви мотает головой:

– Джесс так радовалась переезду в этот дом. Говорила, там в сто раз лучше, чем в общности...

– А как складывались ее отношения с этим парнем?

На это сенатор Огилви отвечает многозначительным полным молчанием. Жена украдкой бросает на него взгляд.

– Это нельзя считать любовью, – говорит она.

– Если он что-то сделал ей, – бормочет Огилви, – если он тронул ее хотя бы пальцем...

– Тогда мы об этом узнаем и со всем разберемся, – мягко встречаю я. – Но важнее всего сейчас найти Джесс.

Миссис Огилви подается вперед. Глаза у нее красные.

– У вас есть дочь, детектив?

Однажды мы с Сашей шли по ярмарке, я держал ее за руку, и вдруг нас разделила толпа шумных подростков; они валили гурьбой и оторвали нас друг от друга. Я пытался не потерять дочку из виду, но она была такая маленькая. Когда парни ушли, пропала и Саша. Я стоял посреди ярмарочной площади, дико озирался и звал ее, пока все вокруг не завертелось кувыркком – клочки сахарной ваты слетали с металлического колеса и наматывались на палку, рев цепных пил, вгрызающихся в древесину, оповещал о начале состязания лесорубов. Когда я

наконец нашел ее – она гладила морду джерсийского теленка в сарае, – то испытал такое облегчение, что у меня подкосились ноги, и я буквально упал на колени.

На вопрос миссис Огилви я не ответил, но она кладет ладонь на руку мужа и тихо бормочет:

– Я же говорила тебе, Клод, он все понимает.

Джейкоб

В школьной сенсорной комнате отдыха есть подвешенные к потолку качели. Они сделаны из веревок и тянущейся синей материи, так что, когда садишься внутрь, ткань обволакивает тебя, будто заключает в кокон. Можно подтянуть к себе мягкие стенки так, чтобы не видеть ничего снаружи и никто не видел тебя, и вертеться вокруг своей оси. Тут также есть веер, коврики с разной текстурой, ветряные звонницы – их еще называют музыкой ветра. Здесь есть оптоволоконная лампа с сотнями крошечных огоньков на концах лучей, которые меняют цвет с зеленого на фиолетовый и розовый. Здесь есть губки и мячи из тонких резиновых жгутиков, похожие на помпоны, пупырчатая пленка и утяжеленные одеяла. Есть звуковая машина, которую может включить только специальный сотрудник, и вы выбираете звук по своему вкусу и настроению – шум прибоя, дождя, белый шум или голос джунглей. Есть стеклянная трубка высотой три фута, в которой снизу вверх бегут пузыри и лениво плавают кругами пластиковая рыбка.

В школе частью моего индивидуального учебного плана является разрешение на перерыв в любое время. Если мне нужно, то даже во время экзамена учителя отпускают меня из класса. Иногда окружающий мир становится слишком напряженным, и мне нужно место, где можно расслабиться. Я могу пойти в сенсорную комнату отдыха, но, по правде говоря, почти никогда так не делаю. Этой комнатой пользуются только дети с особыми потребностями, и, входя в ее дверь, я как будто сразу прилепляю себе на спину табличку: «Ненормальный».

Так что обычно, когда мне нужен перерыв, я просто слоняюсь по коридорам. Иногда иду в кафетерий, чтобы купить бутылку витаминной воды. Лучший вкус? Соберитесь. Киви-клубника с витамином А и лютеином. Худший? Это существенно. Апельсин-апельсин. Нужно ли что-то добавлять? Иногда я провожу время в учительской, играю в шахматы с мистером Пакири или помогаю миссис Лезервуд, секретарю школы, раскладывать бумаги по конвертам и запечатывать их. Но в последние два дня, уходя из класса, я сразу направляюсь в сенсорную комнату отдыха.

Следящая за комнатой сотрудница, миссис Эгворт, по совместительству устраивает в школе разные викторины. Каждый день в 11:45 она уходит распечатывать на ксероксе то, что ей будет нужно позже в этот день для очередной проверки интеллектуальных достижений школьников. Именно по этой причине последние два дня я специально отпрашиваюсь с уроков ровно в 11:30. Это избавляет меня от литературы: двойная удача, потому что мы проходим фантастический рассказ Дэниела Киза «Цветы для Эдджернона» и на прошлой неделе одна девочка спросила, не желая обидеть, а просто из любопытства, проводятся ли сейчас какие-нибудь эксперименты, которые помогут излечиться таким людям, как я.

Сегодня, войдя в сенсорную комнату отдыха, я прямоком направляюсь к резиновым помпонам. Взяв по одному в каждую руку, я забираюсь в качельный кокон, и он смыкается вокруг меня.

- Доброе утро, Джейкоб, – говорит миссис Эгворт. – Тебе что-нибудь нужно?
- Сейчас нет, – бормочу я.

Не знаю, почему люди с синдромом Аспергера так чувствительны к текстурам, цветам, звукам и свету. Когда я не смотрю никому в глаза и другие люди подчеркнuto отворачиваются, чтобы я не подумал, будто они на меня пялятся, мне в голову иногда приходит мысль: «А я вообще существую?» Предметы в этой комнате – сенсорные эквиваленты игры в морской бой. Только вместо названия координат точки – «Б-4», «Д-7» – я вызываю новое ощущение. Каждый раз, когда я чувствую вес одеяла на плечах или щелчок под моим телом пузыря пупырки, по которой я катаюсь, это прямое попадание. А в конце сенсорного перерыва, вместо

того чтобы потопить корабль, я нахожу способ определить свое положение в масштабной сетке этого мира.

Я закрываю глаза и медленно вращаюсь, замкнутый внутри темного тесного кокона.

– Не обращайтесь внимания на человека за занавеской, – бормочу я.

– О чем ты, Джейкоб? – спрашивает миссис Эгворт.

– Ни о чем! – кричу я; жду, пока мой кокон совершит еще три медленных поворота, и вылезая наружу.

– Как ты сегодня? – спрашивает она.

Вопрос не вполне обоснованный, учитывая, что я не находился бы в этой комнате, если бы мог спокойно сидеть в классе, как нейротипики. Но на мое молчание миссис Эгворт никак не реагирует. Она продолжает читать какую-то глупую книжку и делать заметки.

Самая крупная рыба в мире – это китовая акула, ее длина пятьдесят футов.

Каждый день производится четыре миллиона маршмеллоу в виде зверюшек.

Я вообще удивляюсь, кто их покупает, если на дворе не Пасха.

Среднестатистическому взрослому мужчине требуется полчаса, чтобы съесть обед.

– У меня есть кое-что для вас, миссис Эгворт. Слово «осел» употреблено в Библии сто семьдесят раз.

– Спасибо, Джейкоб, но это не подходит. – Она с шуршанием перекладывает свои бумаги и смотрит на часы. – Ты побудешь тут один минут десять? Мне нужно сбежать в учительскую и сделать несколько копий.

Формально ей нельзя оставлять меня здесь одного. И я знаю, что в школе есть еще несколько детей-аутистов, которые приходят в сенсорную комнату и за которыми миссис Эгворт следит как ястреб. К примеру, Матильда может сделать аркан из веревки от качелей, Чарли – оторвать полки от стен, а я – я вполне безвреден.

– Нет проблем, миссис Эгворт.

На самом деле именно на это я и рассчитываю. И как только за ней закрывается дверь, я вынимаю из кармана мобильник. Откидываю крышку и нажимаю кнопку «пуск», телефон тут же загорается: маленькие синие клеточки вокруг каждой цифры, фотография Джесс и Марка на экранной заставке.

Я закрываю лицо Марка большим пальцем.

Сегодня четверг, и мне можно ей позвонить. Я уже нарушал правила и дважды звонил ей с этого телефона – набирал ее собственный номер, хотя и знаю, что звонок автоматически будет переведен на голосовую почту: «Привет, это Джесс, и вы знаете, что делать».

Ноты из мелодии ее голоса уже подзабылись.

Однако сегодня вместо приветствия Джесс я слышу жестяной голос, который говорит, что голосовой ящик этого абонента беспроводной сети полон.

Я к этому готов. Помню телефонный номер, который она дала мне неделю назад, тот, что принадлежит ее новому дому. Набираю его, хотя приходится делать это дважды – порядок цифр незнакомый, и они путаются у меня в голове.

Слышу автоответчик:

– Привет, это Джесс в доме Робертсонов. Они уехали из города, но вы можете оставить сообщение для меня!

Я нажимаю отбой и набираю номер снова.

– Привет, это Джесс в доме Робертсонов.

Жду, пока раздастся гудок, и снова обрываю звонок. Выключаю телефон. И только после этого произношу текст своего голосового сообщения. Те же слова я говорю ей каждый четверг:

– Увидимся через три дня.

Эмма

К четвергу Джейкоб уже похож на прежнего Джейкоба, но еще не вернулся в норму. Я сужу об этом по тому, что он рассеян. Ставлю перед ним полную тарелку с едой, а он не ест, пока я не скажу, что пора взять вилку и приступить, и еще временами я замечаю, что он пружинит на подушечках стоп. Обычные лекарства ему, кажется, не помогают. А школьные учителя говорят, что Джейкоб почти половину дня проводит в сенсорной комнате отдыха.

Я дважды звонила Джесс Огилви, но ее голосовой ящик полон. Произносить ее имя при Джейкобе мне страшно, но что еще я могу сделать. И вот после обеда в четверг я стучусь в дверь комнаты сына и вхожу.

– Привет, – говорю я.

Он отрывается от чтения книги:

– Привет.

У меня ушло два года на то, чтобы понять: Джейкоб не научился читать вместе со всей своей группой в детском саду. Воспитательница говорила, что он один из самых способных к языкам детей, и, разумеется, каждый вечер он брал книгу из стоявшей в его комнате большой корзины и читал вслух. Но однажды до меня дошло: то, что все считали чтением, на самом деле было прекрасной слуховой и зрительной памятью. Стоило Джейкобу один раз услышать книгу, и он мог рассказать ее слово в слово. «Прочти это», – сказала я ему и дала книгу доктора Сьюза. Джейкоб открыл ее и начал читать. Я остановила его и спросила, указывая на букву:

– Что это?

– Бэ.

– А какой звук обозначает «Бэ».

Он помолчал, а потом сказал:

– Бз-з-з.

Сейчас я сажусь рядом с ним на постель:

– Как ты себя чувствуешь?

– Перебитым, – отвечает Джейкоб.

Я забираю у него книгу.

– Мы можем поговорить? – (Он кивает.) – Вы с Джесс поссорились во вторник?

– Нет.

– Когда ты пришел к ней в дом, она ничего не сказала тебе такого, что тебя расстроило?

Он качает головой:

– Нет, она ничего не сказала.

– Ну что ж, тогда я немного теряюсь, Джейкоб, потому что ты пришел с этого занятия сильно расстроенным... и мне кажется, тебя и теперь еще что-то беспокоит.

Есть одна особенность у людей с синдромом Аспергера: они не лгут. Поэтому, когда Джейкоб говорит, что они с Джесс не ссорились, я ему верю. Но это не означает, что его не травмировало нечто другое, имеющее отношение к ней. Может, он вошел и застал ее с парнем, когда они занимались сексом. Или его неприятно поразил новый дом.

Или это вообще никак не касается Джесс, а просто по пути домой он наткнулся на оранжевый знак, обозначающий стройплощадку, и ему пришлось идти в обход.

Я вздыхаю:

– Ты знаешь, я здесь и готова поговорить об этом, когда ты захочешь. И Джесс тоже. Она рядом, если понадобится.

– Я увижу ее снова в воскресенье.

– На том же месте в тот же час, – говорю я.

Я возвращаю ему книгу и замечаю, что у него под рукой лежит старая утка Джемия, игрушка, которую он везде таскал с собой в детстве. Джейкоб делал это так упорно, что мне пришлось поставить ей на спине заплатку из куска леопардового меха, потому что ее собственный совсем вытерся. По словам доктора Мурано, это был ритуальный предмет, который мог успокоить Джейкоба, помочь ему «перезагрузиться», напомнить себе, что с ним все в порядке. С годами Джемия уступила место другим, менее заметным вещичкам, которые можно сунуть в карман: полоске с четырьмя фотографиями, сделанными в фотобудке, где мы сняты с Джейкобом, полоска много раз перегнута, а снимки выцвели, так что наших лиц почти не видно; маленькому зеленому камешку, который учительница привезла ему из Монтаны; кусочку обкатанного морем стекла, который однажды подарил ему на Рождество Тэо. Утку Джемии я не видела уже много лет; она хранилась у Джейкоба в шкафу.

Трудно смотреть на своего восемнадцатилетнего сына, когда он прижимает к себе детскую игрушку. Но таков аутизм, это скользкий склон. Только что вы убеждали себя, что возбранились на него высоко-высоко и не видите подножия, а в следующий момент он уже покрыт черным льдом и вы катитесь по нему вниз с бешеной скоростью.

Колонка Тетушки Эм, четверг, 14 января, выпуск для подростков.

Лучшие советы по воспитанию детей я получила от акушерки в родильном доме. Она сказала:

1. Когда появится на свет твой ребенок, собака станет просто собакой.
2. Ужасы двухлетнего возраста повторяются у детей в три года и старше.
3. Никогда не задавай своему ребенку вопросы, на которые можно ответить «да» или «нет», например: «Ты хочешь ложиться спать сейчас?» Тебе не понравится ответ, поверь мне. «Ты хочешь, чтобы я отнесла тебя в постель или пойдешь наверх сам?» Так вы добьетесь желаемого результата, а ребенок почувствует, что у него есть право голоса.

Теперь мои дети стали старше, однако мало что изменилось.

Только собаки у нас нет.

Ужасы двух лет продолжаются и в восемнадцать.

И с вопросами по-прежнему нужно быть осторожней, потому что вам вряд ли будет приятно узнать, где он болтался до двух часов ночи или почему получил двойку за контрольную по математике.

Из сказанного выше проистекают два вывода. Воспитание – это не существительное, а глагол несовершенного вида, это постоянно длящийся процесс, который не имеет завершения. И не важно, сколько лет вы потратили на это занятие, кривая обучаемости все равно остается сказочно прямой.

Я выхожу из комнаты Джейкоба с намерением посмотреть вечерние новости, но когда захожу в гостиную, там сидит Тэо, и у него включено какое-то ужасное шоу на MTV про испорченных девчонок, которых родители отправляют на перевоспитание в страны третьего мира.

– Тебе разве не нужно делать уроки? – спрашиваю я.

– Уже сделал.

– Я хочу посмотреть новости.

– Я первый сюда пришел.

На экране девушка собирает лопатой слоновий навоз в большой пластиковый пакет где-то в Бирме.

– Фу-у-у! – визжит она.

– Пожалуйста, – произношу я, глядя на Тэо, – скажи мне, что ты лучше откроешь свой ум для текущих событий, чем будешь смотреть это.

– Но я же должен говорить правду, – усмехаясь, отвечает Тэо. – Домашние правила.

– Ладно, давай подойдем к этому по-другому. Если я посмотрю с тобой эту передачу, мне тоже может прийти в голову мысль: «А не послать ли его в Бирму, чтобы он расширил горизонты за уборкой слоновьего дерьма?»

Тэо бросает мне пульт:

– Это неприкрытый шантаж.

– И все же метод дал результат, – говорю я, переключаясь на местный канал.

Какой-то мужчина кричит в микрофон: «Я знаю только одно! Со стороны полиции это преступление – сидеть сложа руки и ничего не предпринимать, когда исчезла молодая женщина, вместо того чтобы активно взяться за расследование».

Под его лицом появляется надпись: «Сенатор штата Клод Огилви».

– Эй, – говорит Тэо, – это разве не фамилия...

– Ш-ш-ш...

Экран заполняет лицо репортера. «Шеф полиции Таунсенда Фрэд Хакинс говорит, что розыск Джесс Огилви – это приоритет, и призывает всех, у кого есть информация по этому делу, звонить в полицейское управление по номеру 802-555-4490».

Потом появляется фотография наставницы Джейкоба по социальным навыкам и телефонный номер внизу.

Тэо

«В прямом эфире из Таунсенда, – завершает рассказ репортерша. – С вами была Люси Макнейл».

– Это Джесс, – говорю я и смотрю на маму.

Что и так очевидно.

– О боже! – бормочет мама. – Бедная девушка!

Не понимаю. Совершенно ничего не понимаю.

Мама хватается за меня за руку:

– То, что мы сейчас услышали, не выйдет за пределы этой комнаты.

– Ты думаешь, Джейкоб не узнает? Он читает газеты. Он пользуется Интернетом.

Мама защемляет пальцами переносицу.

– Он сейчас такой хрупкий, Тэо. Я пока не могу обрушить на него эту новость. Дай мне немного подумать, как это лучше сделать.

Я беру из ее руки пульт и выключаю телевизор. Потом, буркнув что-то про сочинение, которое мне нужно написать, убегаю наверх в свою комнату и запираю за собой дверь.

Хожу кругами, заложив руки за голову, как будто остываю после марафона. Мысленно повторяю все, что сказали сенатор и репортерша. И еще шеф полиции, который – кто бы мог подумать! – сказал, что розыски Джесс – для них приоритет.

Что бы это, мать его, ни значило!

Я гадаю, не окажется ли исчезновение Джесс обманом, как в случае со студенткой колледжа, которая пропала, а потом сказала, что ее похитили, но вся история была выдумана, и таким образом девушка просто хотела привлечь к себе внимание. Я отчасти надеюсь, что на этот раз дело в том же, так как альтернативный вариант даже представлять себе не хочу.

Мне нужно учесть только одно.

Джесс Огилви пропала, и я видел ее одним из последних.

Рич

На автоответчике в доме Робертсонов шесть сообщений. Одно от Марка Магуайра с просьбой к Джесс перезвонить ему, когда она вернется. Одно из химчистки с оповещением, что ее юбка готова к выдаче. Одно от абонента, идентифицированного определителем номера как Э. Хант. Текст этого сообщения такой: «Привет, Джесс, это мама Джейкоба. Можешь мне позвонить?» Остальные три – это сброшенные звонки с номера, зарегистрированного как мобильный телефон Джесс.

В результате вырисовывается такая картина: или она избитая женщина, которая прячется, пытаясь собраться с духом и позвонить своему парню, но каждый раз дает слабину, или парень старается прикрыть свою задницу после того, как случайно убил ее.

Всю пятницу я трачу на вычеркивание имен из списка, составленного на основании ежедневника Джесс Огилви. Сперва я звоню двум девушкам, имена которых на листах за последние месяцы встречаются в нем чаще других. Алисия и Кара – студентки выпускного курса, как и Джесс. У Алисии волосы заплетены в тугие косички длиной до пояса, а Кара – миниатюрная блондинка в камуфляжных штанах и черных рабочих ботинках. За кофе в студенческом центре они признаются, что не видели Джесс со вторника.

– Она пропустила экзамен у Горгоны, – говорит Кара. – Никто так не рискует.

– У Горгоны?

– Профессора Горгоны, – объясняет она. – Это семинар по специальному образованию. «ГОРГОНА», – записываю я у себя в блокноте.

– А Джесс раньше пропадала на несколько дней?

– Да, один раз, – говорит Алисия. – Она укатила на длинные выходные на Кейп-Код и не предупредила нас.

– Хотя она тогда ездила с Марком, – добавляет Кара и морщит нос.

– Сдается мне, вы не фанатки Марка Магуайра?

– И не мы одни, – говорит Алисия. – Он плохо с ней обращается.

– Что вы имеете в виду?

– Если он скажет «прыгай», она не спросит, какой высоты забор, а пойдет покупать тренажер для прыжков.

– Мы с ней редко виделись, с тех пор как начался их роман, – говорит Кара. – Марку нравится, чтобы она была только с ним.

«Как и большинству партнеров, которые легко пускают в ход кулаки», – думаю я.

– Детектив Мэтсон... – обращается ко мне Алисия. – С ней же все будет в порядке, да?

Неделю назад Джесс Огилви, вероятно, сидела на моем месте, пила кофе с подругами и боялась грядущего экзамена у Горгоны.

– Надеюсь.

Люди не исчезают просто так. Всегда есть причина или враг, затаивший злобу. Всегда есть ниточка, которая начинает разматываться.

Проблема в том, что Джесс Огилви, похоже, святая.

– Я удивилась, когда она не пришла на экзамен, – говорит профессор Горгона. Худощавая женщина со скрученными в кичку светлыми волосами и легким иностранным акцентом, она вовсе не выглядит такой устрашающей, какой ее представили Алисия и Кара. – Она моя лучшая студентка, правда. Готовится к выпускным экзаменам и одновременно пишет дипломную работу. Окончила колледж Бейтс с высокими баллами и два года работала в программе «Учитель для Америки», прежде чем решила сделать это своей профессией.

– Может, кто-нибудь в группе завидовал ее успехам? – спрашиваю я.

– Я ничего такого не замечала.

– Она не делилась с вами какими-нибудь личными проблемами?

– Знаете, я по характеру не так чтобы мягкая и пушистая, – кривя губы, признается Горгона. – Наши отношения сводились исключительно к советам и консультациям в учебной сфере. А ее занятия, помимо учебы, насколько я знаю... они тоже так или иначе связаны с образованием. Джесс организовала в городе специальную олимпиаду для людей с умственными отклонениями и занимается с мальчиком-аутистом. – Вдруг профессор Горгона хмурится. – Кто-нибудь связался с ним? Ему придется нелегко, если Джесс не придет на назначенное занятие. Перемены в привычном расписании сильно травмируют таких, как Джейкоб.

– Джейкоб? – повторяю я и открываю ежедневник Джесс.

Мать этого мальчика оставила сообщение на автоответчике в профессорском доме. Его имя значится в расписании Джесс на день исчезновения.

– Профессор, – говорю я, – вы, случайно, не знаете, где он живет?

Джейкоб Хант и его семья поселились в отдалении от парадной части Таунсенда. Вам придется потрудиться, чтобы отыскать их дом за открыточными видами утопающего в зелени городка со старинными зданиями, характерными для Новой Англии. Ханты обосновались позади кондоминиумов, где селятся недавно разошедшиеся со своими партнерами или разошедшиеся с супругами люди, за заброшенными железнодорожными путями транспортной компании «Амтрак».

У женщины, которая открывает мне дверь, синее пятно на рубашке, темные волосы, скрученные в неяркий узел, и самые красивые глаза, какие я видел в жизни. Они неяркие и почти золотистые, как у львицы, но, кроме того, видно, что им приходилось плакать, а мы все знаем, что небо с облаками гораздо интереснее безоблачно чистого. Я бы дал ей лет сорок с небольшим. У нее в руке ложка, с которой что-то капает на пол.

– Мне ничего не нужно, – говорит хозяйка и начинает закрывать дверь.

– Я ничего не продаю. А у вас... гм... капает. – Тут только я вспоминаю, для чего пришел. Показываю свой значок. – Я детектив Рич Мэтсон. Вы мать Джейкоба?

– О боже! – произносит она. – Я думала, он уже позвонил вам и извинился.

– Извинился?

– Это не его вина, – обрывает меня женщина. – Учитывая, что мне следовало знать об отлучках сына из дому, но это его хобби... почти патология. И если бы я как-то смогла убедить вас не поднимать шума – не взяткой, конечно, может быть, просто уговором, который мы скрепим рукопожатием... Вы понимаете, если об этом узнают, моя карьера может пострадать, а я мать-одиночка и едва наскребаю себе на жизнь...

Она не умолкает, а я понятия не имею, о чем идет речь. Хотя от меня не ускользнули слова «мать-одиночка».

– Простите, мисс Хант...

– Эмма.

– Эмма, значит. Я... не понимаю, о чем вы говорите. Я пришел к вам потому, что Джесс Огилви занималась с вашим сыном...

– А-а, – говорит мисс Хант, мигом отрезвляясь. – Я слышала про Джесс в новостях. Ее родители, наверное, голову потеряли. Есть какие-нибудь предположения?

– Я затем и пришел поговорить с вашим сыном.

Глаза Эммы мрачнеют.

– Неужели вы думаете, что Джейкоб имеет отношение к ее исчезновению?

– Нет, но он упомянут последним в ее расписании на день исчезновения.

Мисс Хант складывает на груди руки:

– Детектив Мэтсон, у моего сына синдром Аспергера.

– Ясно.

«А я дальтоник. И что с того?»

– Это тяжелая форма аутизма. Он до сих пор не знает, что Джесс пропала. У него в последнее время были трудности, и эта новость может нанести ему сокрушительный удар.

– Я буду очень осторожен.

Она мерит меня взглядом, разворачивается и идет по коридору, ожидая, что я двинусь следом, а войдя на кухню, зовет сына.

Я стою в коридоре и жду появления ребенка. В конце концов, Джесс Огилви – учительница, и профессор Горгона говорила о мальчике, с которым та занималась. Вместо этого из комнаты появляется бегемот – парень выше меня ростом и, вероятно, сильнее. Это с ним «возилась» Джесс Огилви? Мгновение я смотрю на него, пытаюсь разобраться, почему он кажется мне таким знакомым, и вдруг до меня доходит: мужчина, умерший от переохлаждения. Этот парень определил причину его смерти раньше судмедэксперта.

– Ты? Ты Джейкоб Хант?

Теперь сбивчивые извинения его матери обретают смысл. Она, вероятно, решила, что я пришел вlepить ему штраф или арестовать за вмешательство в работу полиции на месте преступления.

– Джейкоб, – сухо говорит мисс Хант, – думаю, ты уже знаком с детективом Мэтсоном.

– Привет, Джейкоб. – Я протягиваю руку, но он не пожимает ее и даже не смотрит мне в глаза. – Приятно познакомиться с тобой по-настоящему.

– Я видел заметку в газете, – говорит Джейкоб монотонным голосом робота. – Еле откопал, она была в самом конце. По-моему, человек, умерший от гипотермии, заслуживает по крайней мере второй полосы. – Парень делает шаг вперед. – Пришли результаты вскрытия? Интересно было бы узнать, понижает алкоголь точку замерзания тела или не оказывает значительного воздействия в этом смысле?

– Итак, Джейк, – говорю я.

– Джейкоб. Меня зовут Джейкоб, не Джейк.

– Хорошо, Джейкоб. Я хотел задать тебе несколько вопросов.

– Если они имеют отношение к криминалистике, – отвечает он, заметно оживляясь, – тогда я более чем рад буду помочь. Вы слышали об исследованиях Университета Пёрдью по десорбции путем ионизации электроспреем? Они обнаружили, что пот, выделяющийся из пор кожи на пальцах, слегка корродирует металлические поверхности – любые, от пули до осколка бомбы. Если распылить на отпечатки пальцев положительно заряженную воду, капельки растворят химические вещества в отпечатках и впитают в себя их минимальное количество, которое можно проанализировать с помощью масс-спектрометра. Можете представить, как будет удобно не просто получать изображения отпечатков пальцев, но и определять химические вещества в их составе? Тогда появится возможность не только подтвердить, что подозреваемый был на месте преступления, но и получить доказательства, что он держал в руках взрывное устройство.

Я смотрю на Эмму Хант, моля ее о помощи.

– Джейкоб, детективу Мэтсону нужно поговорить с тобой кое о чем другом. Присядешь на минутку?

– На минутку. Потому что уже почти половина пятого.

«И что случится в 16:30?» – мысленно гадаю я. Мать не обращает внимания на его замечание. Я чувствую себя как Алиса в Стране чудес из диснеевского мультлика, который Саша любит смотреть по выходным, когда остается у меня: все в курсе, что происходит на Неименинах, кроме меня. В прошлый раз, когда мы его смотрели, я понял, что быть родителем – это примерно то же самое. Мы всегда надуваем щеки, притворяемся, что все знаем, хотя бóльшую часть времени молимся, как бы нам не напортачить слишком сильно.

– Ну что ж, – говорю я Джейкобу, – тогда я, пожалуй, начну.

Эмма

Рича Мэтсона я впускаю в дом по одной-единственной причине: у меня до сих пор нет полной уверенности в том, что он не хочет наказать Джейкоба за появление на месте преступления в прошлые выходные, и я готова на все, лишь бы этот кошмар остался в прошлом.

– Джейкоб, – говорю я, – детективу Мэтсону нужно поговорить с тобой кое о чем другом. Присядешь на минуточку?

Время поджимает, но Мэтсону этого не понять.

– На минуточку. Потому что уже почти половина пятого, – отвечает мне Джейкоб.

Не знаю, как можно посмотреть на Джейкоба и решить, что он будет надежным свидетелем. Его ум как стальной капкан. Только половину времени его не разомкнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.